

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

IV

ПЕТРОПОЛИСЪ

W. B. Bynum

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

IV

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ

ПЕТРОПОЛИСЪ / 1935 г.

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

Copyright 1935 by Ivan Bunin.

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ

I

Въ лунный осенній вечеръ, сырой и холодный, Стрешневъ приказалъ осѣдлатъ лошадь.

Лунный свѣтъ полосой голубого дыма падалъ въ продолговатое окошечко темнаго денника, самоцвѣтнымъ камнемъ зажигая глазъ верхового мерина. Работникъ накинулъ на него узду и тяжелое, высокое казацкое сѣдло, вытащилъ его за поводъ изъ конюшни, узломъ закрутилъ ему хвостъ. Меринъ былъ покоренъ. Только глубоко, раздувая ребра, вздохнулъ, когда почувствовалъ подпруги. Одна подпруга была оборвана. Работникъ едва вдѣлъ ее въ пряжку и затянулъ зубами.

Кургузый, подъ сѣдломъ, меринъ сталъ щеголоватѣй. Доведя его до дома, до крыльца, работникъ замоталъ поводъ вокругъ гнилого столба и ушелъ. Меринъ долго щеплялъ, грызъ желтымъ зубомъ столбъ. Иногда дулся, нылъ и ревѣлъ нутромъ. Въ лужѣ возлѣ него зеленовато отражалась неполная луна. Въ рѣдкомъ саду осѣдалъ прозрачный туманъ.

Стрешневъ, держа въ рукѣ арапникъ, вышелъ на крыльцо. Горбоносый, съ маленькой, откинутой назадъ головой, сухой, широкоплечій, онъ былъ высокъ

и по-охотничьи ловокъ въ своей коричневой поддевкѣ, перетянутой по тонкой талии ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, въ казачьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Но и при лунѣ было видно, что у него поблекшее, обвѣтренное лицо, жесткая кудрявая борода съ просѣдью и жилистая шея, что длинные сапоги его стары, на полахъ поддевки — темныя пятна давно засохшей крови, къ которой прилипла заячья шерсть.

Въ темномъ окнѣ возлѣ крыльца открылась форточка. Робкій голосъ спросилъ:

— Андрюша, ты куда?

— Я не маленькій, мамаша, — сказалъ Стрешневъ, нахмуриваясь и берясь за поводъ.

Форточка закрылась. Но въ сѣняхъ стукнула дверь. Шлепая туфлями, на порогъ вышелъ Павелъ Стрешневъ, одутловатый, съ запухшими глазами, въ халатѣ, какъ всегда, полупьяный.

— Ты куда, Андрей? — хрипло спросилъ онъ. — Прошу передать мой душевный привѣтъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Я всегда глубоко уважалъ ее.

— Кого ты можешь уважать? — отвѣтилъ Стрешневъ. — И какъ тебѣ не стыдно. Что ты лѣзешь постоянно не въ свое дѣло?

— А! Значитъ, я не далеко отъ истины, — сказалъ Павелъ. — *На прощальное свиданье спѣшитъ любовникъ молодой...*

Стрешневъ, стиснувъ зубы, сталъ садиться. Какъ только нога его коснулась стремени, меринъ ожилъ, тяжело завертѣлся. Улучивъ минуту, Стрешневъ легко поднялся и опустился на заскрипѣвшій арчакъ. Меринъ задралъ голову и, разбивъ копытомъ луну въ лужѣ, тронулъ бодрой иноходью.

II

Въ сырыхъ лунныхъ поляхъ тускло бѣлѣла полынь на межахъ. Большекрылыя совы безшумно взвивались съ межъ — и лошадь всхрапывала, шарахалась. Дорога вошла въ мелкій лѣсъ, мертвый, холодный отъ луны и росы. Луна, яркая и точно мокрая, мелькала по голымъ верхушкамъ, и голые сучья сливались съ ея влажнымъ блескомъ, исчезали въ немъ. Горько пахло осиновою корой, оврагами съ прѣлой листвою. . . Вотъ спускъ въ разлужья, какъ будто бездонныя, затятыя тонкимъ бѣлымъ паромъ. Бѣлымъ паромъ дышитъ и меринъ, пробираясь среди кустарниковъ, стеклянныхъ отъ росы. Хрустъ сучковъ подъ копытами отдается на той сторонѣ, въ высокомъ лѣсу, темнѣющемъ по скату горы. . . Вдругъ меринъ насторожилъ уши. Два плечистыхъ, толстогогорлыхъ, тонконогихъ волка стояли въ свѣтломъ дѣгму разлужья. Близко подпустивъ Стрешнева, они взметнулись и неуклюжимъ галопомъ пошли въ гору, по бѣлой отъ изморози, радужно сіяющей травѣ.

— А если она еще на день останется? — сказалъ Стрешневъ, откидывая голову, глядя прямо на луну.

Луна стояла надъ пустынными серебристо-туманными лугами направо. . . Осенняя печаль и красота!

— Если такъ, — сказалъ Стрешневъ: — если такъ. . .

Меринъ, скрипя арчакомъ, натуживаясь и ноя сильнымъ нутромъ, поднимался въ частый высокій лѣсъ, по глубокой ложбинѣ размытой ручьями дороги, и вдругъ, оступившись, чуть не рухнулъ на землю.

Стрешневъ яростно перекосилъ лицо и со всей силы ударилъ его по головѣ арапникомъ.

— У, старая собака! — крикнулъ онъ съ тоскливой злобой на весь звонкій лѣсъ.

За лѣсомъ широко открылись пустыя поля. На скатѣ, среди темныхъ гречишныхъ жнивій, стояла бѣдная усадьба, кое-какія службы, домъ, крытый соломой. Какъ одиноко все это при лунѣ! Стрешневъ остановился. Казалось, что поздно, поздно, — такъ тихо было кругомъ. Онъ вѣхалъ во дворъ. Домъ былъ темень. Бросивъ поводъ, Стрешневъ соскочилъ съ сѣдла. Меринъ остался стоять съ покорно опущенной головой. На крыльцѣ, положивъ морду на лапы, калачикомъ свернулась старая гончая собака. Она не двинулась, только посмотрѣла, поднявъ брови, и съ слабымъ привѣтомъ постучала хвостомъ. Стрешневъ вошелъ въ сѣни, пахнуція изъ чулана старымъ отхожимъ мѣстомъ. Въ передней былъ сумракъ; стекла, въ холодномъ поту, золотились. Изъ темнаго коридора безшумно выбѣжала небольшая женщина въ легкомъ короткомъ капотѣ. Стрешневъ наклонился. Она быстро и крѣпко обвила его сухую шею обнажившимися руками и радостно, тихо заплакала, прижимая голову къ жесткому сукну поддевки. Слышно было, какъ по-дѣтски бьется сердце, чувствовался крестикъ на ея груди, золотой, бабушкинъ — послѣднее богатство.

— Ты до завтра? — быстрымъ шопотомъ спросила она. — Да? Я не вѣрю своему счастью!

— Я пойду, Вѣра, лошадь убрать, — сказалъ Стрешневъ, освобождаясь. — До завтра, до завтра, — сказалъ онъ, думая: «Боже мой, съ каждымъ днемъ все восторженнѣй, все ревнивѣй, все несноснѣй! А

какъ она много курить, какъ неумѣренна въ ласкахъ! И жалко вретъ, думая возбудить во мнѣ ревность, рассказывая, что за ней ухаживаютъ. . . О! — подумалъ онъ, внезапно озлобляясь, — видѣть не могу!»

Лицо Вѣры было нѣжно, бархатисто отъ пудры. Она осторожно проводила щекой по его губамъ, потомъ крѣпко цѣловала въ губы мягкими губами. Крестъ блестѣлъ на ея раскрытой груди. Она надѣла тончайшую сорочку — завѣтную, хранимую для самыхъ важныхъ минутъ, единственную. . .

«Какъ твердо зналъ я, — думалъ Стрешневъ, стараясь вспомнить ее молоденькой дѣвушкой: — какъ твердо зналъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что отдамъ, ни минуты не колеблясь, полжизни за одно свиданіе съ ней!»

III

Передъ разсвѣтомъ на полу возлѣ постели горѣла свѣча. Стрешневъ, длинный, въ сапогахъ и шароварахъ, въ разстегнутой косовороткѣ, спалъ на спинѣ, важно отклонивъ въ сумракъ маленькое горбоносое лицо, закинувъ за голову руки. Вѣра сидѣла возлѣ него, облокотясь на колѣно. Блестящія глаза ея были красны, опухли отъ слезъ. Она курила и тупо глядѣла на полъ. Она положила ногу на ногу. Маленькая нога ея очень нравилась ей самой. Но боль сердца была слишкомъ сильна.

— Я для тебя всѣмъ пожертвовала, — тихо сказала она, и губы ея задрожали. .

Въ голосѣ ея было столько нѣжности, дѣтскаго горя! Однако, открывая глаза, Стрешневъ холодно спросилъ:

— Чѣмъ ты пожертвовала?

— Всѣмъ, всѣмъ. И прежде всего честью, молодостью. . .

— Мы съ тобой не Богъ вѣсть какъ молоды.

— Какой ты грубый, нечуткій! — ласково сказала она.

— Во всемъ мѣрѣ всѣ женщины говорятъ одно и то же. Сперва съ восторгомъ, съ восхищеніемъ: «Ты такой тонкій, чуткій!» Потомъ: «Какой ты грубый, нечуткій!»

Тихо плача, она продолжала, не слушая:

— Пусть изъ меня ничего не вышло. . . Но музыку я любила и люблю страстно и хоть немногаго, но добилась бы. . .

— Ахъ, не музыку. И какъ только Падарскій. . .

— Грубо, Андрюша. . . А теперь я — жалкая институтская таперша, и гдѣ-же! Въ томъ самомъ проклятомъ городѣ, который я всегда такъ ненавидила! Развѣ я не могла бы и теперь еще найти человѣка, который далъ бы мнѣ покой, семью и любилъ и уважалъ меня?

Стрешневъ закурилъ и сталъ отвѣчать медленно, раздѣляя слова:

— Вѣра, мы, дворянское отродье, не умѣемъ просто любить. Это отрава для насъ. И это я, а не ты, загубилъ себя. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я прїѣзжалъ сюда каждый день и готовъ былъ ночевать у твоего порога. Я тогда былъ еще мальчишка, восторженный и нѣжный дуралей. . .

Папироска потухла. Онъ далеко отшвырнулъ ее, уронилъ руку вдоль тѣла, глядя въ потолокъ.

— Любовь прадедовъ, тѣхъ, чьи портреты блекли въ овальныхъ рамкахъ съ золотой бумажкой вокругъ синей, любовь огаревскихъ дней, когда «шиповникъ алый цвѣлъ, стояла темныхъ липъ аллея. . .» Образъ Гурія, Самона и Авива, покровителей нашихъ древнихъ семей, въ серебряномъ окладѣ черкасской работы. . . Кому, какъ не намъ съ тобой, назначалось все это? Я тогда стишки писалъ:

Любя тебя, мечталъ я о мечтавшихъ,
Любившихъ здѣсь сто лѣтъ тому назадъ —
И по ночамъ ходилъ въ заглохшій садъ,
При свѣтѣ звѣздъ, ихъ нѣкогда выдавшихъ. . .

Онъ взглянулъ на Вѣру и заговорилъ рѣзче:

— Зачѣмъ ты ушла — и за кѣмъ! — изъ своего рода, изъ своего племени?

Онъ приподнялся и сталъ въ упоръ, злыми глазами глядѣть на ея черные сухіе волосы:

— Я о тебѣ, съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, всегда только какъ о женѣ думалъ. А когда насъ свела судьба? И чѣмъ ты мнѣ стала? А была молодость, радость, чистота, темный румянецъ. . . Пріѣзжать къ вамъ каждый день, видѣть твое платье, батистовое, легкое, молодое, видѣть твои голыя руки, черныя отъ солнца и отъ крови нашихъ предковъ, татарскіе сіяющіе глаза — не видящіе меня глаза! — желтую розу въ угольныхъ волосахъ, твою тогда глупую, изумленную какую-то, но прелестную улыбку, даже то, какъ ты уходишь отъ меня по дорожкѣ сада, думая о дру-

гомъ, а притворяясь, что играешь, гонишь крокетный шаръ, слышать оскорбительныя фразы твоей матери съ балкона — это было для меня. . .

— Она, а не я во всемъ виновата, — съ трудомъ сказала Вѣра.

— Помнишь, какъ ты въ первый разъ уѣзжала въ Москву, собиралась, разсѣянна пѣла что-то, не видя меня, поглощенная своими мечтами, увѣренностью въ счастье? Я васъ поѣхалъ провожать верхомъ, въ ясный холодный вечеръ. Блестѣли яркія зеленыя, розовѣли жнивья и занавѣска въ открытомъ окнѣ вагона. . . Ахъ! — сказалъ Стрешневъ со злобой и со слезами и опять легъ на подушку. — Отъ твоей руки, чуть пахнувшей вербеной, остался запахъ и на моей рукѣ. Онъ смѣшался съ запахомъ сыромятнаго повода, сѣдла, пота лошади — и я цѣловалъ свою ладонь, ѣхалъ въ сумеркахъ по большой дорогѣ — и плакалъ. . . Если ужъ кто пожертвовалъ всѣмъ, всей своей жизнью, такъ это я, старый пьяница!

И, чувствуя на губахъ теплую соль слезъ, катившихся по его щекамъ, по усамъ, Стрешневъ скинулъ съ постели сапоги и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Луна садилась. Бѣлый рыхлый туманъ стоялъ подъ скатомъ полей, мертвенно синѣя. Далекое за нимъ занималась багряная заря. Далекое, въ холодномъ потемнѣвшемъ лѣсу, пѣлъ пѣтухъ въ сѣнцахъ караульщика.

Стрешневъ сѣлъ на ступеньки крыльца, чувствуя, какъ обливаетъ холодной сыростью его тѣло подъ тонкой рубашкой.

— А потомъ, конечно, роли перемѣнились, — сказалъ онъ тихо, съ отвращеніемъ. — Ну, да теперь все равно. Конецъ. . .

IV

Утромъ пили чай съ кренделями въ холодной прихожей, на огромномъ сундукѣ. Самоваръ стоялъ на немъ нечищенный, позеленѣвшій. Холодный потъ, покрывавшій окно, сошелъ съ верхняго стекла. Виденъ былъ въ него солнечный блескъ морознаго утра, корявое дерево въ безцвѣтной, кое-гдѣ уцѣлѣвшей зелени. Босая, опухшая отъ сна рыжая дѣвка вошла и сказала:

— Митрій пріѣхалъ.

— Подождеть, — отвѣтилъ Стрешневъ, не поднимая глазъ.

Не поднимала глазъ и Вѣра. Лицо ея похудѣло за ночь, подъ глазами и вокругъ вѣкъ былъ коричневый налетъ. Черное платье дѣлало ее моложе и красивѣе, отъ черныхъ волосъ пудра на лицѣ казалась розовѣе. Сухое, жесткое лицо Стрешнева было мертвенно, откинуто назадъ. Сквозь жесткую курчаво-сѣрую бородку глядѣлъ большой кадыкъ.

На дворѣ слѣпило низкое солнце. Все крыльцо было сѣдое отъ мороза. Морозъ солью лежалъ на травѣ, на сизо-зеленыхъ раковинахъ капустныхъ листьевъ, раскиданныхъ по двору. Мужикъ, съ оловянными глазами, пріѣхавшій къ крыльцу въ телѣгѣ, набитой соломой, тоже заиндевѣвшей, ходилъ вокругъ телѣги, уминалъ солому, держа въ зубахъ трубку, и черезъ плечо его тянулся сиреневый дымъ. Вѣра вышла на крыльцо въ дорогой и легкой старомодной шубкѣ и въ лѣтней шляпкѣ изъ черной соломы съ жесткими, ржаво-атласными цвѣтами.

Проводилъ ее Стрешневъ по отпотѣвшимъ проселочнымъ дорогамъ до большой дороги. Ъхаль за телѣгой. Меринъ тянулся къ соломѣ. Онъ стегаль его по мордѣ арапникомъ, меринъ задираль голову и трудно хрипѣль нутромъ. Плелись шагомъ и молчали. Сзади бѣжала увязавшаяся за Стрешневымъ старая гончая собака изъ усадьбы. Низкое солнце пригрѣвало, небо было кроткое, ясное.

Возлѣ большой дороги мужикъ неожиданно сказалъ:

— А я, барышня, опять пригоню на лѣто къ вамъ своего мальчишку. Я его опять къ вамъ въ пастушата предназначилъ.

Вѣра обернулась съ застѣнчивой улыбкой. Стрешневъ снялъ шапку, наклонился съ сѣдла, взялъ ея руку и поцѣловаль долгимъ поцѣлуемъ. Она прильнула губами къ его сѣдѣющей головѣ, тихо сказала:

— Будь здоровъ, дорогой. Не поминай лихомъ.

По большой дорогѣ мужикъ загремѣль телѣгой, поѣхаль рысью. Стрешневъ повернулъ, поѣхаль назадъ безъ дороги, по жнивьямъ. Собака издали провожала его, четко видная среди золотыхъ полей. Онъ останавливался, грозилъ ей арапникомъ. Она тоже останавливалась, садилась. — «Куда же я пойду?» — какъ бы спрашивала она. И, какъ только онъ трогался, опять неспѣшной рысцой бѣжала за нимъ. Думаль онъ о далекой станціи, блестящихъ рельсахъ, дымѣ уходящаго поѣзда. . .

Въ голыхъ, мѣстами каменистыхъ лугахъ, куда онъ спустился, было почти жарко. Беззвучно сіяль осенній день голубымъ чистымъ небомъ. Великая тишина стояла надъ пустыми полями, надъ оврагами, надо всей

великой русской степью. Медленно плыла по воздуху вата съ татарокъ, съ изсохшихъ репьевъ. На репьяхъ сидѣли щеглы. Такъ они будутъ сидѣть цѣлый день, только изрѣдка перелетая, перенося свою тихую, прелестную, можетъ-быть, счастливую жизнь.

Капри. 3. XII. 1912.

ВСХОДЫ НОВЫЕ

Въ усадьбѣ праздникъ — весна.

Днемъ жарко, весело, въ голубомъ небѣ круглятся бѣлыя облака. Припекаетъ облупившуюся желѣзную крышу дома, мохнатыя бревенчатыя стѣны его, черныя стекла оконъ. Въ слуховомъ окнѣ, противъ солнца, воркуютъ голуби. На сохнущемъ и разсыпающемся фундаментѣ, на сирени палисадника липнетъ много крупныхъ мухъ. Караковый жеребецъ князя стоитъ въ пустой поварской, въ длинной черной избѣ крѣпостныхъ временъ. Онъ беспокоится, не ѣсть овса, насыпаннаго въ лотокъ на лавкѣ. Просунувъ голову въ окно безъ рамы, онъ глядитъ на широкой зазеленѣвшій дворъ и жалобно-страстно ржетъ.

Князь понемногу приходитъ въ себя послѣ долгой зимы. И эту зиму запивалъ онъ — все отъ одиночества, какъ говорятъ всѣ; когда бывалъ трезвъ, ходилъ на охоту, игралъ въ карты у лавочника, сидѣлъ въ людской съ работниками, случалось, и обѣдалъ съ ними, а не то читалъ въ своемъ тепломъ кабинетѣ и часовъ въ шесть ложился спать. Теперь онъ выходитъ изъ дому чаще, отдаетъ распоряженія. Безстрастно восточное лицо его съ большими сѣдѣющими усами.

Князь вспомнилъ, что пора чистить, подметать садъ: ужъ таковъ споконъ вѣку обычай. И приказываетъ старостѣ пригнать дѣвокъ-поденщицъ. Дѣвки весь день поютъ, сгребая листву по аллеямъ, по дорожкамъ; ихъ красные и желтые сарафаны мелькаютъ въ голомъ, нѣжно зеленѣющемъ саду. Въ домѣ растворены двери на крыльцо, раскраснѣвшаяся баба съ подоткнутымъ подоломъ и колѣнками цвѣта моркови яростно моетъ полы въ залѣ; въ рамахъ, съ трескомъ выдираемыхъ другой бабой, сверкаютъ на солнцѣ стекла и зеркальными зайчиками озаряютъ потолки. Летятъ теплый, солнечный воздухъ въ комнаты, шумятъ воробьи на сирени возлѣ дома... Князь, въ одной косовороткѣ, въ плисовыхъ вытертыхъ шароварахъ и дегтярныхъ сапогахъ, ходитъ съ работниками по осѣнкѣ за сараемъ, выставляетъ изъ омшанника колодки, полныя сердитаго и пѣвучаго жужжанія.

Въ воскресенье на Оминой, какъ опять-таки ведется споконъ вѣку, молятся въ полѣ, на озимяхъ. Молится все село, заказываетъ молебенъ и платитъ изъ своихъ скудныхъ средствъ — князь.

Ночь наканунѣ холодная и лунная. Дѣвки-поденщицы сидятъ на крыльцѣ людской, вполголоса поютъ и оговариваютъ другъ друга: грѣхъ, завтра праздникъ большой. Онѣ живутъ въ саду, въ банѣ, но нынче баню топили, князь купается. Когда онъ, накинувъ на плечи тулупъ, проходитъ туда въ лунномъ свѣтѣ по двору, онѣ бѣгутъ въ свѣтлый садъ, подъ окна бани и, давясь тѣмъ особеннымъ таинственнымъ смѣхомъ, которымъ смѣются женщины весной, въ лунныя ночи, заглядываютъ, швыряютъ въ стекла сучками. Князь съ медлительной усмѣшкой стучитъ кула-

комъ въ стѣну. Купается и кучеръ князя, Николай, въ той избѣ, гдѣ стоитъ жеребецъ: приносить туда два ведра, ставитъ на лавку зажженный огарокъ. Дѣвки подбѣгаютъ подъ окно безъ рамы, швыряютъ и въ него. Косится на нихъ, шуршитъ мокрой соломой, накиданной на полу, упруго перебираетъ ногами обезпокоенный огнемъ жеребецъ, а Николай сидитъ на соломѣ и намыливаетъ голову. Услыхавъ смѣхъ подъ окномъ, онъ вскакиваетъ и, съ серьезнымъ лицомъ, съ сѣдой отъ мыла головой, начинаетъ плясать, потрепывать себя по голымъ мокрымъ ляжкамъ.

Утро теплое, солнечное. Пріятно, когда звонятъ колокола въ такое утро, пріятно наряжаться подъ этотъ звонъ. Мягче кудрявятся бѣлыя облака надъ садомъ, мѣветъ яркая синева между ними; со двора видно, какъ въ поляхъ, надъ зелеными и лиловѣющими пашнями, бѣгутъ, струятся испаренія.

— Дождь будетъ, парить, — сказалъ староста, обходя съ овечьими ножницами въ рукѣ поставленный возлѣ людской продранный стулъ, на который покорно, заранѣе вытянувъ и согнувъ шею, покрытый по плечамъ полотенцемъ, сѣлъ Николай въ распоясанной рубахѣ.

Николай, пока подрубали на затылкѣ его сухіе рыжіе волосы, все глядѣлся въ зеленый осколокъ копейнаго зеркала. Падаютъ желтые клоки на полотенце, голова Николая становится меньше, уши отстаютъ и торчатъ. Взявъ у старосты ножницы, онъ постригъ и усы: сталъ длиннѣе его лебединый конопатый носъ. Потомъ онъ нарядился: надѣлъ синюю атласную рубаху съ рукавчиками, съ тремя крупными бѣлыми пуговицами на высокомъ воротѣ, отдѣланномъ каемкой

кружевъ; подпоясался малиновымъ шелковымъ жгутомъ съ махрами; вбилъ ноги въ тѣсные сапоги съ лакированными узкими голенищами. Рубашка коротка, ноги Николая, обтянутыя кавалерійскими штанами, слишкомъ тонки, самъ онъ худъ и сутуль, глаза у него маленькіе, зеленые.

Въ домѣ сумрачно. Теплый воздухъ, льющійся въ открытыя окна, не скоро нагрѣетъ его. Все промерзло за зиму, съ потолка въ залѣ огромнымъ животомъ виситъ отставшая, въ коричневыхъ подтекахъ, бумага. Морозы, время портятъ и зеркала, сдѣлали ихъ молочно-серебристыми. Разставивъ ноги, глядя на мутное отраженіе своего морщинистаго лица, князь долго скоблилъ щеки тупой бритвой. Пора, пора бросать настаивать водку лимонными корками! Соли въ черныхъ усахъ все прибавляется, рѣдѣютъ волосы. . . Намочивъ и причесавъ ихъ, князь надѣлъ поверхъ пестренькой косоворотки новую синюю поддевку, надѣлъ дворянскій картузь и, съ ременнымъ кнутомъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо, возлѣ котораго сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ и держалъ жеребца Николай, на оттопыренныхъ ушахъ котораго осталось послѣ стрижки много мелкихъ волосъ.

Обѣдня отошла, на колокольнѣ жидко и празднично звонятъ; разрозненная, разноцвѣтная толпа течетъ по выгону въ поле. Пять человекъ безъ шапокъ, въ новыхъ калошахъ и поддевкахъ чернаго блестящаго сукна, подпоясанныхъ красными подпоясками, несутъ хоругви и крестъ, увитый бѣлымъ рушникомъ. Двѣ не въ мѣру набѣленныхъ дѣвки, въ ярко-зеленыхъ плагьяхъ, икону Божьей Матери.

Когда толпа была уже за дубовымъ кустарникомъ,

въ полѣ, гдѣ дулъ теплый вѣтеръ и ибли жаворонки, отъ церкви отъѣхала плетеная телѣжка, запряженная сѣрымъ мериномъ въ яблокахъ. Попъ, человекъ чохоточный, ѣхалъ въ толстой чуйкѣ, въ зимней шапкѣ, въ глубокихъ ботикахъ. На козлахъ сидѣло двое: правившій мериномъ дьячокъ и сынъ попа, Вася, спившійся въ кругу дурачокъ, вѣчно блаженно-радостный. Онъ въ церкви подтягивалъ дьячку дискантомъ, службы зналъ лучше всего причта, но отецъ часто выгонялъ его изъ алтаря за нетрезвость, не хотѣлъ нынче брать съ собою. Однако, Вася, еще съ ранняго утра расчистивъ свои сбитые сапоги, надѣвъ продранный подъ мышкой пиджакъ, грязно-синій воротничокъ и розовый атласный галстукъ, такъ плакалъ, узнавъ, что его оставляютъ дома, что попъ сдался.

Князь обогналъ попа и кивнулъ ему.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ молебствіемъ! — радостно всхлипнувъ, крикнулъ Вася, больше всего на свѣтѣ любившій праздники, дни ангела, поздравленія.

Съ правой стороны телѣжки, ровняясь съ ходомъ лошади, не отставая и не забѣгая, шла старуха Марѳа, добровольная прислужница при церкви, высокая, сухая, съ орѣховой палкой въ одной рукѣ и мѣднымъ кофейникомъ, изъ котораго торчало кропило, въ другой. Дьячокъ иногда подгонялъ лошадь и, смѣясь, оглядывался на Марѳу. Она ускоряла шагъ, сердилась, но молчала.

Молились на клину богатаго мужика Данилы. Тамъ, возлѣ дороги, на молодыхъ свѣтло-зеленыхъ всходахъ, приготовили столъ подъ суровой чистой скатертью, красную деревянную миску съ зерномъ и пукъ свѣчей

въ хлопчатой бумагѣ. На юго-востокѣ, за сѣрымъ княжескимъ садомъ и прозрачно-лимонными лозинами села, облака, мягко синѣя, порою смазывались въ тучку. Поглядывая то на нихъ, то на приближающуюся телѣжку, выдвинувшись изъ пахнувшей кумачомъ толпы, стоялъ самъ Данила, бѣлокурый старикъ. Раскрячываясь, далеко относя руку для крестнаго знаменія и кланяясь, онъ пошелъ навстрѣчу попу, — и мягкій вѣтерокъ, дувшій съ полей запахомъ сырой земли, шевелилъ его волосы. Телѣжка остановилась, но попъ продолжалъ сидѣть въ ней, поджидая обогнавшего его и опять отставшаго князя.

Князь сдержалъ лошадь отъ волненія, охватившаго его въ полѣ. Озимы, свѣжо зеленѣя, шли въ одну сторону, дубовый кустарникъ — въ другую. Сухая коричневая листва висѣла кое-гдѣ на немъ, но и это говорило о веснѣ. Синѣли подснежники, пахло залежавшимся въ чащѣ снѣгомъ, весеннимъ холодкомъ. Тройка орѣховыхъ лошадей, разукрашенныхъ дорогой сбруей, стояла на опушкѣ. Полулежа въ новомъ тарантасѣ, кудрявый кучеръ богатой сосѣдки вѣлъ съ ладони просфору. И князю вспомнилась молодость, другая, далекая весна. . .

Впереди медленно двигалась телѣга, въ которой лежалъ больной мужикъ, отецъ Николая. Малорослой лошадыю неумѣло правила мать его, скорбная жилистая старуха въ черной паневѣ.

— Живъ? — окликнулъ князь.

Изъ телѣги, изъ соломы торчалъ острый восковой носъ подъ глубоко надвинутой шапкой. Больной въ просторномъ полушубкѣ лежалъ на спинѣ. Силясь улыбнуться, онъ съ трудомъ потянулся тонкой рукой

къ шапкѣ. Николай поклонился родителямъ, какъ чужой, стыдясь ихъ бѣдности, убогости. А безстрастные глаза князя стали какъ будто еще безстрастнѣе.

Въ толпѣ его нетерпѣливо поджидали.

Марѳа давно стояла наготовѣ возлѣ стола. Обогнавъ телѣжку, она подошла къ молодой беременной бабѣ Данилы и передала ей свою орѣховую палку. Кофейникъ она поставила на столъ, бархатный лиловый требникъ, лежавшій на немъ, подвинула на край. Какъ только попъ занесъ ногу вонъ изъ телѣжки, скинувъ чуйку, Марѳа ловко подхватила ее и, подхватывая, чмокнула его холодную, дряблую и тяжелую руку.

Попъ быстро прошелъ къ столу, поклонился той богатой барышнѣ, полной, косой и застѣнчивой дѣвушкѣ, чья тройка стояла на опушкѣ дубняка. Онъ былъ выше всѣхъ, издали была видна его голова, поднятое землистое лицо, сквозная бородка и сѣрая шея. Нѣсколько разъ обернулся онъ, поджидая князя. Князь подѣхалъ. Тогда мелькомъ, но молитвенно глянувъ вверхъ, на высокія весеннія облака, онъ вздохнулъ, вынулъ изъ длиннаго разрѣза ватной рясы красный платокъ, вытеръ большой глянцевитый лобъ, — Марѳа ужъ подхватила его шапку, — надѣлъ потертую золотую ризу, надѣлъ золотыя очки — и, ставъ строгимъ, зажегъ пучокъ свѣчей, веселый, дрожащій блескъ которыхъ сотнями точекъ отразился въ стеклахъ очковъ. Низко поклонившись князю, стоявшему возлѣ стола и твердо отставившему лѣвую ногу, онъ выправилъ жидкіе волосы изъ-за стоячаго ворота ризы, откинувъ голову, наполовину прикрывъ тусклые глаза воспаленными раковинами вѣкъ, и невнятнымъ, теряющимся

въ тепломъ полевомъ воздухѣ голосомъ началъ молебень. . . И князю опять стало жаль себя и радостно за эту вѣчно-юную землю, просящую небо снизойти на нее благодатною весенней влагой.

Онъ перемѣнилъ ноги, выставилъ впередъ правую, сдѣлалъ мутные глаза. Чтобы не думать, онъ сталъ слушать мирный, успокаивающій и молящій голосъ, порою сливавшійся въ пѣніи съ голосами дьячка и Васи.

Толпа кланялась и крестилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ. Полная косая дѣвушка робко поглядывала на князя. Данилова баба, вся въ розовомъ, то бессмысленно пучила глаза, то начинала быстро, испуганно креститься. Въ ногахъ ея, подпирая намавленной расчесанной головой ея круглый животъ, стоялъ мальчикъ въ плисовыхъ штаникахъ и козловыхъ сапожкахъ, подъ мышки подпоясанный по голубенькой рубашечкѣ. Когда запѣли всѣмъ причтомъ, она, поспѣшно крестясь, надавила ему на голову лѣвой рукой, поставила его на колѣни. Затѣмъ съ трудомъ опустилась и сама, раскинувъ по молодой зелени ржи нижнюю бѣлую юбку съ кружевами и припадая къ ней лбомъ. Мальчикъ замолился неестественно набожно, косясь на сапоги князя.

Дуль вѣтерокъ, шевелилъ волосы, шли легкія облака, шли по зеленымъ полямъ тѣни отъ нихъ, — далеко было видно въ весеннемъ прозрачномъ воздухѣ. Дрожали, бѣжали огоньки свѣчей, беззаботно-радостное пѣніе жаворонковъ не мѣшалось съ пѣніемъ причта, но какъ-то хорошо дополняло его. . . Даруй, Боже, землѣ радость новую, новые всходы, — говорили слова молитвъ, пропадающихъ въ тепломъ воздухѣ.

— Благослови ее новой жизнью, да въ забвеніи истлѣетъ въ ней сѣмя старой, изъ коего и родится она, юная и чистая. . . Потомъ запѣли о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ. Глаза князя налились слезами — и онъ уже ничего не видалъ передъ собою до конца молебна.

Когда онъ, склонивъ голову, поцѣловалъ холодный, пахнуцій мѣдью крестъ и мертвую руку священника, солнце зашло за сѣро-золотистое, темное внутри облако, и на югѣ обозначилась синяя тучка съ туманными полосами дождя.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ благодатью Господней, — сказалъ священникъ, кланяясь такъ низко, что далеко отстала отъ груди епитрахиль.

Князь поѣхалъ назадъ, разминувшись съ тройкой, съ мягкимъ громыханьемъ бубенчиковъ плывшей навстрѣчу ему. Солнце зашло за облако — и всѣ краски дальнихъ, ясно видныхъ полей стали гуще, бархатнѣй. Слышнѣе стало гудѣніе пчелъ на лозинахъ при вѣздѣ въ село, потянуло свѣжестью, зеленью распускающихся березъ. Синеватая тучка на югѣ поблескивала небольшими молніями. . . Потомъ солнце опять выглянуло, молодо и радостно озаряя все, съ неба съ сухимъ шорохомъ посыпались рѣдкіе алмазы.

У церковной ограды князь снялъ картузь и перекрестился на ветхую часовню надъ стариннымъ княжескимъ склепомъ, вспомнивъ, какъ однажды спускался туда въ молодости, тоже весною — черезъ полгода послѣ смерти отца. . . Полгода — великъ ли срокъ! А уже ничего, ничего не осталось къ той счастливой веснѣ отъ стараго грѣшнаго князя, кромѣ ко-

стей въ тяжеломъ гробу и крупной росы на его поверхности.

Чтобы не запитъ, князь чѣмъ-свѣтъ ушелъ на другой день со старикомъ Панкратомъ въ Задонскъ. Яровое разсѣвали безъ него.

Капри. 2. II. 1913.

ІОАННЪ РЫДАЛЕЦЪ

Есть новая станція Грѣшное, есть старое степное село того же имени.

На станціи останавливается въ лѣтніе дни юго-восточный экспрессъ. На станціи голо и скучно. Казенный кирпичный вокзалъ еще слишкомъ красенъ. Платформу замѣняетъ песокъ. Переходить по песку къ вокзалу трудно, да и зачѣмъ? Вокзалъ пусть и гулокъ, нѣтъ въ немъ ни буфета, ни книжнаго кіоска. А поѣздъ великолѣпный. Изъ открытыхъ оконъ тяжелыхъ запыленныхъ вагоновъ глядятъ богатые люди, ѣдущіе на Кавказъ: знаменитый чудовищно-толстый артистъ въ шелковой сѣрой шапочкѣ, черная красивая дама съ лорнетомъ, персіянинъ изъ Баку, не сводящій съ нея сонныхъ глазъ, худой англичанинъ съ трубочкой въ зубахъ, молча и внимательно осматривающій эти необозримыя равнины, которымъ не уступаютъ только преріи. . . По доскамъ, вдоль поѣзда, медленно прогуливается широкій старичокъ-генераль съ маленькими ножками и дѣлаетъ разсѣянный видъ, втайнѣ наслаждаясь однако — и тѣмъ, что у дверей вокзала вытянулся передъ нимъ жандармъ, и тѣмъ, что вотъ ѣдетъ онъ, генераль, въ дорогомъ поѣздѣ на воды и гуляетъ

съ открытой головой, скромный, спокойный за свое достоинство и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный. Возлѣ пахнущаго кухоннымъ чадомъ вагона-ресторана, за зеркальными стеклами котораго пестрѣютъ цвѣты на бѣлоснѣжныхъ столикахъ, стоятъ бритые лакеи во фракахъ съ золотыми пуговицами, потный поваръ, поваренокъ, — все какъ будто тѣ же самые, что видѣлъ англичанинъ и въ Египтѣ и на французской Ривьерѣ. А громадный американскій паровозъ, весь горячій и блестящій масломъ, сталью, мѣдью, дрожитъ отъ кочущей въ немъ силы, нетерпѣливо сдерживая ее. Шумитъ рукавъ водокачки, наполняя глубокой тендеръ. . . И вотъ вода уже переливается черезъ края, торопливо бьютъ въ колоколь у дверей вокзала, генераль, звеня серебряными шпорами, спѣшитъ въ свой вагонъ. . .

Поѣздъ скрывается въ степи. Мужикъ, неизвѣстно зачѣмъ приходившій на станцію, долго стоялъ на пескѣ и думалъ: «Вотъ уйдетъ машина, пойду и я поменьку. . .» Глядѣлъ на мужика англичанинъ, дивясь его шапкѣ, полушубку и первобытной густотѣ бороды, слинявшей на солнцѣ. Глядѣлъ и мужикъ на англичанина, но разсѣяннo: селу нѣтъ никакого дѣла до поѣзда. Когда поѣздъ скрывается, мужикъ, безо всякаго желанія, съ притворнымъ наслажденіемъ крякая, выпиваетъ двѣ кружки теплой воды изъ станціонной бочки, вытираетъ рукой ротъ и бредетъ домой. Бредетъ онъ не спѣша: время неопредѣленное, ни дневное ни вечернее — въ такую пору дѣлать нечего, думать не хочется, да неопредѣленна и погода: зашло солнце за облачко — не жарко и въ полушубкѣ, хотя, конечно, можно было и не надѣвать его. . . Дорога отъ станціи

къ селу пролегаетъ по выгону, мимо большой княжеской усадьбы и каменной церкви, что напротивъ нея, на погостѣ. Поровнявшись съ церковью, мужикъ снимаетъ шапку и крестится, низко кланяясь: за оградой церкви, возлѣ алтаря, рядомъ съ могилой князя, ссорившагося съ самимъ царемъ, почиваетъ блаженный, Христа ради юродивый, Іоаннъ Рыдалецъ.

Княжеская усадьба, конечно, старая, давно всѣми забытая: необитаемъ ея домъ, черенъ и дикъ садъ. Погостъ — голый, бугристый. Церковь по камню крашена темно-коричневою краской. Въ оградѣ ея не мало разсѣянно широкихъ чугунныхъ плитъ. А какъ разъ возлѣ оконъ алтаря высятся два огромныхъ кирпичныхъ гроба, тоже прикрытыхъ плитами. И съ великимъ удивленіемъ прочтетъ всякій, не знающій преданій села Грѣшнаго, отлитыя на этихъ плитахъ имена подъ ними покоящихся: на одной — имя князя и вельможи, а на другой — раба его, землянскаго крестьянина Ивана Емельянова Рябинина. Такъ и сказано: крестьянинъ такой-то, родившійся и умершій тогда-то, а ниже: Іоаннъ Рыдалецъ, Христа нашего ради юродивый. Князь, вельможа только передъ самой кончиной примирился съ Богомъ и людьми. И, по княжескому желанію, ничто, кромѣ имени и начала покаяннаго псалма Давида, не украсило княжеской могильной плиты. Плита же юродиваго, не выразившаго никакихъ предсмертныхъ желаній, украшена стихами и однимъ изъ любимѣйшихъ плачей его. «Юродъ, неряшенъ міру онъ казался» — говоритъ строфа, посвященная его памяти неизвѣстнымъ поэтомъ. А подъ нею отлиты тѣ горькія и страшныя слова пророка Мижя, съ которыми и умеръ юродивый: «Буду рыдать и

плакать, буду ходить, какъ ограбленный, буду выть, какъ шакалы, и вопить, какъ страусы!»

Тѣ, что ѣдутъ въ экспрессѣ на воды, знаютъ о князѣ — изъ книгъ. А въ селѣ Грѣшномъ образъ его смутенъ; село знаетъ только то, что лѣтъ сто тому назадъ пріѣхалъ онъ доживать свой вѣкъ въ грѣшинской глуши, что малъ ростомъ и чуденъ былъ онъ, что странными поступками ознаменовалъ онъ свой пріѣздъ. Доложили ему рано утромъ въ день Нового года, что пришелъ священникъ съ причтомъ. «Позвать его въ залу», — сказалъ князь — и долго заставилъ ждать себя. Выйдя-же внезапно изъ боковой дверки въ эту высокую холодную залу, еще не бритый, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и халатикѣ на заячьемъ мѣху, отрывисто спросилъ священника: «Зачѣмъ, сударь, пожаловалъ?» Священникъ оробѣлъ, смущенно отвѣтилъ, что желалъ бы совершить служеніе. И князь, ѣдко засмѣявшись, будто бы сказалъ ему: «Такъ служи мнѣ, сударь, въ такомъ разѣ панихиду». — «Но осмѣлюсь спросить ваше сіятельство: по комъ же?» — «А по старому году, сударь, по старому году!» — сказалъ князь — и самъ подтягивалъ причту, не дерзнувшему послушаться. . . Въ этотъ-то день и отдано было первое приказаніе — дать полсотни розогъ Ивану, съ плачемъ и лаемъ выскочившему изъ ельника на князя, на разметенную аллею, по которой гулялъ князь.

Тѣ, что ѣздить мимо станціи Грѣшное на богомолье, на поклонъ угоднику воронежскому, про угодника грѣшинскаго даже и не слышали никогда. Въ селѣ же Грѣшномъ вотъ что про него рассказываютъ. Росъ, говорятъ, Ваня въ семьѣ честной и праведной, у родителей своихъ, выселенныхъ княземъ подъ Землянскъ-

городъ. Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ онъ Писаніе. Мать настаиваетъ, отецъ кланяется: женись сынокъ! А онъ плачетъ, рыдаетъ, проситъ себѣ отъ Бога видѣнія, на Афонъ собирается. Вышло ему въ видѣніи испытаніе: послухаться отца. Всталъ онъ на ране, далъ отцу полное согласіе. Сыграли свадьбу, положили молодыхъ въ отхожую спальню, а они другъ дружки не коснулись, вышли оба заплаканные. Сѣлъ Ваня опять за свое, за всякое священное писъмо, а день хорошій, морозный, за ночь снѣгъ выпалъ, виденъ слѣдокъ вездѣ: всѣ къ обѣднѣ пошли, пошла и молодая съ новыми родными, только Ваня одинъ дома, не пожелалъ и въ церковь пойти. И видитъ въ окно: подъѣзжаетъ къ окну поповъ работникъ въ новыхъ розвальняхъ, на ворономъ коню: лошадь отличная, поповская, хлѣбная. Подходить работникъ, стучитъ кнутовищемъ: «Ваня, велѣлъ тебѣ отецъ въ церковь ѣхать, взять съ собою лапти новые и денегъ двадцать копеекъ.» Ваня говоритъ: «Да я и не знаю, гдѣ деньги у отца.» — «А за образами» — говоритъ поповъ работникъ. (По нашей мѣстности всегда такъ — какую записочку, поминаніе — все туда кладутъ, а допрежъ и деньги класть не боялись). Нечего дѣлать, досталъ Ваня деньги, надѣлъ армячокъ, вышелъ, сѣлъ въ сани на колѣнки, поѣхалъ по селу, увидалъ на горѣ храмъ Божій, сказалъ: «Господи Іисусе...» И только сказалъ — глядь, сидитъ онъ въ степи, въ полѣ, на снѣгу, на морозѣ, разутъ, раздѣтъ, новые лапти на ногахъ, старые осметки на веревкѣ черезъ плечо, а самъ плачетъ-рыдаетъ. Узнали о томъ на селѣ, наладили подводу за Ваней, хотятъ на сборню везть, думали — бродяга какой, а онъ плачетъ, рыдаетъ, на всѣхъ, какъ цѣпной

кобель, кидается, самъ кричитъ на все поле: «Буду, буду ходить, какъ ограбленный, буду вопить, какъ штраусы!» Ну, конечно, навалились всѣмъ міромъ-соборомъ, связали, повезли, а навстрѣчу отецъ идетъ: пришелъ, говоритъ, отъ обѣдни, вижу, сына нѣту, а видать чей-то пѣшій слѣдъ пробить за гумна, за овины; пошелъ я, говоритъ, по этому слѣду и вижу: лапти новые, а слѣдъ отъ одной ноги до другой — болѣ трехъ сажень. . .

Село Грѣшное этимъ и кончаетъ житіе святого. А смутно помнятъ его лишь старухи, доживающія свой долгій вѣкъ въ княжеской мертвой усадьбѣ. Всю жизнь свою, говорятъ онѣ, Иванъ скитался и непристоенъ былъ. Онѣ долго сидѣлъ на желѣзной цѣпи въ отцовской избѣ, грызъ себѣ руки, грызъ цѣпь, грызъ всякаго, кто къ нему приближался, часто кричалъ свое любимое: «Дай мнѣ удовольствіе!» — и былъ нещадно битъ и за ярость свою и за непонятную просьбу. А сорвавшись однажды, пропалъ — и объявился страннымъ, пошелъ по деревнямъ, всюду съ лаемъ и оскальненными зубами кидаясь на господъ, на начальниковъ и въ слезахъ вопя: «Дай мнѣ удовольствіе!» Былъ онѣ худой, жиленый, ходилъ въ одной длинной рубахѣ изъ веретя, подпоясывался обрывкомъ, за пазухой носилъ мышей, въ рукѣ — желѣзный ломъ и ни лѣтомъ ни зимой не надѣвалъ ни шапки, ни обуви. Кровавоглазый, съ пѣной на губахъ, со всклоченными волосами, онѣ гонялся за людьми, — и люди, крестясь, бѣжали отъ него. Былъ онѣ пораженъ какой-то болѣзнию, все лицо его покрывавшей бѣлой известковой коркой и сдѣлавшей еще ужаснѣе его алые глаза, былъ особенно яростенъ, когда пришелъ въ Грѣшное,

прослышавъ о прїѣздѣ князя. Приказавъ отнять у него ломъ и при себѣ выпоротъ, — конюхи плакали, растягивая Рыдальца, съ воплями кусавшаго ихъ, — князь сказалъ: «Вотъ тебѣ, Иванъ, и удовольствіе. Я бы могъ тебя въ кандалы заковать и въ тюрьмѣ сгноить, да я, сударь, не злобенъ: гуляй себѣ, проповѣдуй, ори, токмо меня не ондируй. А ежели ты не уймешься, то я неклончиво буду доставлять тебѣ то самое удовольствіе, о коемъ ты кричишь, уподобляя себя штраусу.» И такъ какъ Иванъ не унялся, почитай каждую недѣлю жестокко пугалъ князя, выскакивая изъ-за угловъ и запуская въ него мышами, то и таскали чуть не каждую недѣлю люто оравшаго Рыдальца на конюшню. . .

Въ старомъ селѣ Грѣшномъ скоро забываютъ прошлое, было скоро претворяютъ въ легенду. Ивана Рыдальца запомнили надолго только потому, что на самого князя возставалъ онъ, а князь всѣхъ поразилъ своимъ предсмертнымъ приказаніемъ. Онъ, когда ему, больному и изсохшему, доложили о кончинѣ Ивана, умершаго въ полѣ, въ дождливую осень, твердо сказалъ: «Схороните же сего безумца возлѣ церкви, а меня, вельможу-князя, положите рядомъ съ нимъ, съ моимъ холопомъ.» И сталъ Иванъ Рябининъ Іоанномъ Рыдальцемъ, и видится онъ селу Грѣшному точно въ церкви написанный — полунагой и дикій, какъ святой, какъ пророкъ.

На станціи Грѣшное каждый годъ, осенью, сходитъ съ экпресса и направляется къ церкви, сопровождаемая начальникомъ станціи, некрасивая, худая дама въ траурѣ, съ красивымъ тонконогимъ корнетомъ подъ руку. У церковной ограды съ поклонами встрѣчаетъ

ихъ полный священникъ въ черной ризѣ и дьячокъ съ кадиломъ. Надъ полями тянутся низкія тучи, дуетъ сырой вѣтеръ. Но священникъ и дьячокъ стоятъ съ обнаженными головами. А входя въ церковную ограду, обнажаютъ головы и корнетъ и начальникъ станціи, слѣдующій позади всѣхъ и спокойнымъ видомъ своимъ дающій понять, что идетъ онъ только ради вѣжливости. Сзади всѣхъ, спокойно и вѣжливо, стоитъ онъ и тогда, когда начинаетъ развѣваться по вѣтру пахучій кадильный дымъ надъ страшными кирпичными могилами и обходитъ ихъ, кадя и поклоняясь, возглашая вѣчную память князю и рабу его, священникъ. Корнетъ молится разсѣянно. Онъ, юный, красиво наряженный, выставляетъ острое колѣно, крестится мелкими крестиками и склоняетъ маленькую головку съ той недоведенной до конца почтительностью, съ которой кланяются святымъ и прикладываются къ нимъ люди, мало думающіе о святыхъ, но все-таки боящіеся испортить свою счастливую жизнь ихъ немилостью. Но дама плачетъ. Она заранѣе поднимаетъ вуаль, опускаясь на колѣни передъ могилой Ивана Рябинина, — она знаетъ, что сейчасъ навернутся на глаза ея слезы. «Юродъ, неряшенъ міру онъ казался» — читаетъ она на гробовой плитѣ. И слова эти трогаютъ ее. А страшныя слова пророка Михея, упоминаніе шакала и страуса, внушаютъ трепеть и тоску. И она сладко плачетъ, стоя на колѣняхъ, опершись одной рукой, въ перчаткѣ, на тонкій зонтикъ, а другой — голубой, прозрачной, въ кольцахъ — прижимая къ глазамъ батистовый платочекъ.

Капри. 18. II. 1913.

ЖЕРТВА

Семень Новиковъ, жившій съ братомъ своимъ, сухорукимъ Никономъ, петрозками горѣлъ. Братья согласились подѣлиться, и Семень, выселяясь изъ Брода, рубилъ себѣ избу на большой дорогѣ.

Подъ Ильинъ день плотники отпросились ко двору. Надо было ночевать на постройкѣ Семену. Поужинавъ вмѣстѣ съ большой семьей брата, въ тѣснотѣ, среди мухъ, онъ закурилъ трубку, накинулъ полушубокъ и сказалъ своимъ:

— У васъ тутъ духота. Пойду на постройку, тамъ ночью.

— Ты хоть собакъ-то возьми, — отвѣтили ему.

— Вона! — сказалъ Семень и пошелъ одинъ.

Ночь была мѣсячная. За думами о будущемъ дворѣ Семень и не замѣтилъ, какъ поднялся изъ села по широкому прогону на гору и отмахалъ по большой дорогѣ съ версту — до своей запотолоченной, но еще не покрытой избы, стоявшей на опушкѣ хлѣбовъ, въ пустомъ полѣ, чернѣвшей окнами безъ рамъ и тускло блестящей противъ мѣсяца концами свѣжихъ бревень по угламъ, паклей, торчавшей изъ пазовъ, и щепой на порогахъ. Низкій юльскій мѣсяцъ, поднявшійся

за оврагами Брода, былъ мутенъ. Теплый свѣтъ его разсѣивался. Спѣлые хлѣба тускло, сумрачно бѣлѣли впереди. А къ сѣверу было и совсѣмъ хмуро. Тамъ заходила туча. Мягкій вѣтеръ, дувшій со всѣхъ сторонъ, иногда усиливался, порывисто бѣжалъ по ржамъ и овсамъ — и они сухо, тревожно шелестѣли. Туча на сѣверѣ казалась неподвижной, но часто подергивалась золотымъ быстрымъ блескомъ.

Семень, по привычкѣ сгибаясь, вошелъ въ избу. Въ ней было темно и душно. Желтый мѣсячный свѣтъ, глядѣвшій въ пустоты оконъ, не мѣшался съ темнотой, только увеличивалъ ее. Семень кинулъ полушубокъ на стружки посреди избы, какъ разъ на одной изъ полосъ свѣта, легъ на спину. Пососавъ потухшую трубку и подумавъ еще маленько, онъ заснулъ.

Но вотъ понесло въ окна вѣтромъ, глухо заворчало вдали. Семень очнулся. Вѣтеръ усилился — онъ бѣжалъ теперь по горячечно шумящимъ хлѣбамъ непрерывно, и свѣтъ мѣсяца сталъ еще тусклѣй. Семень вышелъ изъ избы за уголь, въ сухо и знойно шуршавшіе, блѣдные, какъ саванъ, овсы, посмотрѣлъ на тучу. Она, темно-аспидная, заняла полъ-неба. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, задиралъ, путалъ волосы и мѣшалъ смотрѣть. Мѣшали смотрѣть, слѣпили и молніи, загоравшіяся все жарче и грознѣй. Семень, крестясь, сталъ на колѣни: вдали, среди овсяного моря, выдѣляясь на стѣнѣ тучи, двигалась на Семена небольшая толпа, съ обнаженными головами, въ бѣлыхъ подпояскахъ, въ новыхъ полушубкахъ, — съ трудомъ несла саженный запрестольный образъ древняго письма. Толпа была туманная, прозрачная, но образъ виденъ хорошо — страшный, строгій ликъ, краснѣвшій на черной доскѣ,

опаленной свѣчами, закапанной воскомъ, окованной старымъ, сизымъ серебромъ.

Вѣтеръ разобралъ волосы на лбу Семена, пріятно отдувая ихъ, — и Семень, въ страхъ и радости, до земли поклонился образу. Когда же поднялъ голову, то увидѣлъ, что толпа стоитъ, неловко держа величаво откинутый образъ, а на тучѣ, какъ церковная картина, начертался и высится огромный зракъ: бѣлобрадый могучный Илья въ огненномъ одѣяніи, сидящій, какъ Богъ-Саваофъ, на мертвенно-синихъ клубахъ облаковъ, а надъ нимъ — двѣ горящихъ по аспиду зелено-оранжевыхъ радуги. И, блестя очами-молніями, голосъ свой сливая съ гуломъ, съ громами, сказалъ Илья:

— Держись прямѣй, Семень Новиковъ! Слушайте, князья-хрестьяне, вотъ я буду судить его, временно-обязаннаго хрестьянина Елецкаго уѣзда, Предтечевской волости, Семена Новикова.

И все поле, бѣлѣвшее вкругъ, всѣ колосья его вмѣстѣ съ куколемъ понесли, побѣжали впередъ, поклоняясь Ильѣ, и въ шумъ ихъ сказалъ Илья:

— Я серчалъ на тебя, Семень Новиковъ, желалъ покарать тебя.

— За что, Батюшка? — спросилъ Семень.

— Непростойно тебѣ, Семень Новиковъ, меня, Илью, спрашивать. Ты долженъ отвѣтъ держать.

— Ну, инъ, будь по-твоему, — отвѣтилъ Семень.

— Позалѣтошній годъ я убилъ молоньей Пантелея, старшѣго твоего: ты зачѣмъ закопалъ его въ землю по-поясъ, колдовствомъ воротилъ его жить?

— Прости, батюшка, — сказалъ Семень, кланяясь.

— Жалко было малого. Разсуди: вѣдь кормилецъ-поилецъ при старости.

— Лѣтошній годъ я посѣкъ, повалилъ твою рожь градомъ-вихрями: ты зачѣмъ прозналъ о томъ загодя, запродалъ эту рожь на корню?

— Прости, Батюшка, — сказалъ Семень, кланяясь. — Сердце чуюло, нуждишка была.

— Ну, а нонче, въ петровки, не я ли спалилъ тебя? Ты зачѣмъ спѣшишь строиться, отдѣляешься?

— Прости, Батюшка, — сказалъ Семень, кланяясь. — Сухорукій братъ мой несчастливый: отъ него и всѣ бѣды, думалось.

— Закрой глаза. Я подумаю, посоветуюсь, чѣмъ казнить тебя?

Семень закрылъ глаза, склонилъ голову. Вѣтеръ шумѣлъ, — онъ старался сквозь шумъ его тайкомъ поймать, о чемъ шепчется Илья съ крестьянами. Но опять загремѣло надъ нимъ — ничего не стало слышно.

— Нѣтъ, не придумаемъ, — во весь голосъ сказалъ Илья. — Самъ посоветуй мнѣ.

— А глаза-то открыть? — спросилъ Семень.

— Не надобно. Слепой тверже думаетъ.

— Чуденъ ты, Батюшка, — серьезно усмѣхнулся Семень. — Да и что жъ тутъ придумывать? Поставлю тебѣ свѣчку трехрублевую.

— Не изъ чего. На постройку потратился.

— Тогда въ Кіевъ схожу, либо въ Бѣлгородъ.

— Это только бездѣльничать, лапти трепать. На кого же хозяйство останется?

Семень задумался.

— Ну, дѣвчонку, Анфиску, убей. Ей и всего-то второй годокъ. Дѣвочка, сказать по совѣсти, умильная, — жалко намъ будетъ ее, да вѣдь что жъ исдѣлаешь? Все не съ малымъ смѣнить.

— Прислушайте, православные, — громко сказалъ Илья. — Соглашаюся!

И такой огонь разорвалъ всю высь, что у Семена чуть вѣки не вспыхнули, и такой ударъ раскололъ небеса, что вся земля подъ нимъ дрогнула.

— Святъ, святъ, святъ, Господь-Богъ-Саваофъ! — прошепталъ Семень. — Ай да Сватушка!

Очнувшись, открывъ глаза, онъ увидѣлъ лишь пыльную тучу, хлѣбъ и себя самого на колѣняхъ стоящаго въ нихъ. Пыль вихремъ неслась по дорогѣ, и мѣсяць совсѣмъ замутился.

Семень вскочилъ на ноги. Позабывъ о полушубкѣ, онъ поспѣшно пошелъ въ село. Крупный дождь захватилъ его на выгонѣ. Темныя облака надвинулись надъ стемнѣвшими оврагами. Красный мѣсяць закатывался. Село спало крѣпкимъ сномъ, но скотина по дворахъ безпокоилась, пѣтухи орали. И, подбѣгая къ своей старой избѣ, Семень услыхалъ въ ней вопли. У порога стоялъ сухорукій Никонъ, въ полушубкѣ и безъ шапки, тощій и морщинистый, глядѣлъ тупо и растерянно.

— Бѣда у тебя, — сказалъ онъ, и по голосу его было слышно, что онъ еще не совсѣмъ проснулся.

Семень вбѣжалъ въ избу. Бабы съ крикомъ метались въ темнотѣ, ища сѣрниковъ. Семень выхватилъ

изъ-за образа коробочекъ, зажегъ каганецъ: люлька, повѣшенная возлѣ печи, носилась изъ стороны въ сторону, — бабы задѣвали ее, бѣгая, — а въ люлькѣ лежала вся сизая, мертвая дѣвочка, и на головкѣ ея чепчикъ тлѣлъ.

Жиль Семень съ тѣхъ поръ счастливо.

Капри. 17. I. 1913.

ОБРОКЪ

I

Аверкій слегъ, разговѣвшись на Петровъ день.

Молодые работники умылись съ мыломъ, причесались, надѣли сапоги, новыя ситцевыя рубахи. Аверкій, чувствуя слабость, равнодушіе, не сходилъ передъ праздникомъ ко двору, не смѣнилъ рубаху; что до остального наряда, то былъ онъ у него одинъ — и въ будни и въ праздникъ. Молодые работники ѣли не въ мѣру много и весь обѣдъ хохотали, говорили такое, что стряпуха съ притворнымъ негодованіемъ отворачивалась, а порою даже отходила отъ стола, бросивъ мокрую ложку. Аверкій ѣлъ молча.

Онъ былъ уже въ той порѣ, когда хорошіе, смирные мужики, много поработавшіе, — а онъ таки-поработалъ, въ однихъ батракахъ жилъ тридцатый годъ! — начинаютъ плохо слушать, мало говорить и со всѣмъ, что имъ ни скажешь, соглашались, думать же что-то иное, свое. Онъ былъ въ тѣхъ мужицкихъ годахъ, которыхъ не опредѣлишь сразу. Онъ былъ высокъ и нескладенъ: очень худъ, длиннорукъ, въ кости вообще широкъ, но въ плечахъ, на видъ несильныхъ, опущенныхъ, узокъ. И съ этой полевой нескладностью, съ лаптями и полушубкомъ, никогда не сходившимъ съ

плечь, странно сочеталось благообразіе: небольшая, лысѣющая со лба, въ длинныхъ, легкихъ волосахъ голова, изможденное лицо съ тонкимъ, сухимъ носомъ, жидко-голубые глаза и узкая сѣдѣющая борода, не скрывающая сухой челюсти.

Все, надъ чѣмъ смѣялись за обѣдомъ, казалось ему ненужнымъ, несмѣшнымъ. Но неприязни на его лицѣ не было. Ёль онъ не спѣшно, кладя ложку, съ дѣтства привыкнувъ совершать трапезу, какъ молитву, ибо эта трапеза всю жизнь была для него вѣнцомъ трудового дня, среди вѣчныхъ опасеній за будущій день, хотя всю жизнь и говорилъ онъ привычное:

— Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу. . .

Мысли его туманились. Костлявые выступы скуль, обтянутые тонкой сѣрой кожей, розовѣли. Душа не принимала пищи. Но онъ ёль пристально: и потому, что ужъ такъ полагается въ праздникъ, и потому, что ёда могла, какъ думалъ онъ, помочь ему, и потому, наконецъ, что жалко было не ёсть: вотъ онъ заболѣлъ, съ мѣста, должно, сойдетъ, дома же не только сладкихъ харчей, а, можетъ, и хлѣба не будетъ.

Подали на деревянномъ кругѣ круто посоленную жирную баранину. Аверкій вспомнилъ, какъ служилъ онъ когда-то зиму въ городѣ. Подумавъ, онъ осторожно взялъ кусокъ своими тонкими пальцами и блѣдно усмѣхнулся.

— Люблю горчицу, а гдѣ я ее могу взять? — сказалъ онъ застѣнчиво, не глядя ни на кого.

Отъ баранины стало нехорошо; но онъ досидѣлъ-таки до конца стола. Когда же работники, дохлебавъ до послѣдней капли огромную чашку голубого молока и самодовольно икая, стали подниматься и закуривать,

смѣшивая запахъ махорки съ запахомъ ѣды и свѣжихъ ситниковъ, Аверкій осторожно надѣлъ свою большую шапку, — въ пеньковомъ днѣ ея всегда была иголка, обмотанная ниткой, — и вышелъ на порогъ сѣнецъ, постоялъ среди голодныхъ собакъ, жадно смотрѣвшихъ ему въ глаза, точно знавшихъ, что его тошнить. Погода портилась. Стало сумрачно, похоже на будничное предвечернее время; мелкій дождь стрекоталъ по газетѣ, валявшейся у крыльца барскаго дома; индюшки, опустивъ мокрые хвосты, усаживались на развалившейся оградѣ, а цыплята, которыхъ сердито клевали онѣ, лѣзли, прятались подъ ихъ крылья. . . Сладкіе харчи! Аверкій зналъ имъ цѣну. Послѣдняя предсмертная тягота наступала для него, а все же крѣпко не хотѣлось ему терять ихъ, когда брель онѣ за избу.

II

Воротился онѣ блѣдный, съ дрожащими ногами, и попросился у стряпухи на печку.

Она равнодушно спросила:

— Ай захвораль?

— Служиль тридцать лѣтъ, — въ тонѣ ей отвѣтилъ Аверкій, влѣзая на нары, ставя лапоть въ печурку и поднимаясь въ тѣсное, жаркое пространство между печью и потолкомъ: — служиль тридцать лѣтъ съ чистымъ лицомъ, а теперъ шабашъ, ослабъ. . . Блоху не подкую, — пошутилъ онѣ. — Износилъ, задыхаться сталъ, — еще тверже и даже съ удовольствіемъ скавалъ онѣ, ложась.

И какъ только легъ, лучше пристроивъ голову въ шапкѣ на какую-то сломанную плетушку, тотчасъ сталъ задремывать и слышать свое глубокое, однообразно прерывающееся дыханіе, ощущать его жаръ въ губахъ. Онъ уже твердо рѣшилъ, что захворалъ безъ отлѣку, что онъ — «оброчный кочетъ». Онъ давно перемогался. Больныя собаки уходятъ со двора, ищутъ по ме- жамъ, по лѣснымъ опушкамъ какую-то тонкую, лишь имъ вѣдомую траву, и ѣдятъ ее — тайкомъ ищутъ се- бѣ помощи. Отдаляясь отъ дворни, Аверкій тоже ис- калъ — тайкомъ покупалъ то водки, то соды. . . Теперь перемогаться уже не стало силъ. Но все-таки надо бы- ло подумать: какъ быть съ мѣстомъ, сходить или нѣтъ? Если скоро умрешь, думать тутъ, конечно, нечего. Ну, а если не скоро?

Работники курили и хохотали. Слушая и думая, онъ сталъ видѣть сны. Но изъ печальныхъ и скучныхъ вос- поминаній складывались они. Вотъ онъ будто вышелъ изъ избы — надо ѣхать за хоботьемъ на гумно. . . А во дворъ входитъ и останавливается, увидя поднимаю- щихся собакъ, странникъ: голова закутана женской шалью, на лѣвой рукѣ лукошко, въ правой высокая палка, на худыхъ ногахъ растоптанные лапти. . . «Если Богъ подыметъ, пойду въ Кіевъ, въ Задонскъ, въ Оп- тину, — подумалъ Аверкій въ дремотѣ. — Вотъ дѣло настоящее, чистое, легкое, а то не знамо, зачѣмъ и жилъ на свѣтѣ. . .»

Но тутъ громко и дружно захохотали работники, на- дымившіе всю избу. Аверкій очнулся. Стукнула дверь, кто-то вошелъ.

— Опять залилъ глаза! — сказала стряпуха, вытирая столъ и не глядя на вошедшаго. — Опять приперся. . .

Дѣдъ, да ай у тебя стыда-то совсѣмъ нѣту? — спросила она, оборачиваясь, — Ну, чего пришелъ? Не надоѣлъ еще?

Но дѣдъ, — караульщикъ снятаго мѣщаниномъ сада, «старикъ-плясунъ», какъ называлъ онъ самъ себя для потѣхи, всегда хмѣльной, обтрепанный, всегда мучившій Аверкія своей неряшливостью, своей болтливостью, всей своей свободной, немужицкой жизнью, — дѣдъ не обратилъ на стряпуху вниманія.

— Ребята, разсудите: мысленно ли? — понесъ онъ съ непритворнымъ отчаяніемъ, разводя руками передъ работниками. — Одинъ какъ есть на этакій садъ! Да я съ него шести цѣлковыхъ не возьму! Пріѣдетъ нынче, такъ и скажу: хомуть да дуга, я тебѣ больше не слуга! Будя! Вонъ ребятишки ужъ зачали въ завязь вникать, двѣ яблоньки отрясли, а я что? Дули, говоритъ, береги главнѣй всего. . . А что я одинъ исдѣлаю? Вишенья опять оборвали на валу — ну, и чортъ съ ними! Я больной человекъ!

— Больной, а все хоть выжми! — сказала стряпуха.

— Полегче! — отвѣтилъ старикъ, садясь на нары. — Ты-то помолчи. У меня вонъ моя старуха тебѣ въ матери годится, а я ее, можетъ, полгода не видалъ. . . да, почестъ, и весь вѣкъ не видалъ, не знаю, зачѣмъ и женился. . .

— Не хуже меня такого-то, — подумалъ Аверкій, закрывая глаза и уже не чувствуя къ старику прежняго отвращенія.

— А она, небось, мнѣ не чужая, — продолжалъ тотъ съ искренней горечью. — Я и ребятамъ вотъ говорю: что я могу? Сейчасъ отшелъ, а въ салашѣ чуйка хозяйская, а она семь цѣлковыхъ! Да что жъ исдѣла-

ешь? И унесутъ, то же возмешь. . . А господамъ я вишенья дозволяю рвать: можете! Господа, они и съвдять-то два зернышка, это вѣдь нашъ братъ дорвется. . . Правду я говорю, ай нѣтъ? — крикнулъ онъ, снова оживляясь. — И тебѣ, староста, завсегда дозволяю, ты тутъ, можетъ, первый человекъ надо всѣми! Только ты меня чѣмъ обидѣлъ: тесу на кровать не даль! Спасибо хоть барчукъ помогаетъ: проплясалъ ему давеча маленько — анъ на косушку и есть. . .

Аверкій сталъ опять забываться. . . Подъ вечеръ, въ полѣ, шелъ онъ за возомъ. Моросило. Широко отворены были ворота на скотномъ дворѣ богатаго степного мужика; бродилъ по двору и гоготалъ гусакъ, потерявшій гусыню. . . «Богатому вездѣ хорошо!» — съ обидой и болью въ голосѣ кричалъ гдѣ-то внизу старикъ. Аверкій кивалъ шапкой, соглашался, а самъ думалъ свое: «Богатый, какъ быкъ рогатый, — въ тѣсныя ворота не пролѣзетъ. . .» И очнулся, чувствуя, что бредить. — «Да, Богъ не любитъ высокихъ мыслей. . . Да, старика жалко. . . Но дымъ и ненужный говоръ, чужіе люди, чужая печка — ахъ, какая тоска, безпріютность! Звѣрь, и тотъ забивается умирать въ свою собственную норь. . . Нѣтъ, конецъ, домой пора!»

III

Онъ очнулся въ сумерки. Ни работниковъ, ни стряпухи въ избѣ не было. На лавкѣ возлѣ окна сидѣла дурочка Анюта, скитавшаяся по господамъ, по мужикамъ. Она была толстая, стриженная. Она глядѣла въ

окно, — голова ея сзади была похожа на кувшинъ внизъ горломъ, — и плакала: стряпухинъ мальчишка не далъ ей лечь уснуть — все по лавкѣ скакалъ.

— А тамъ индюшки замучили, — говорила она, плача, думая, что Аверкій спитъ, и жалуясь самой себѣ. — Легла отдохнуть въ палисаднику — дождь, индюшки всю голову изодрали, а тутъ этотъ демоненокъ. . . Такъ-то, Анна Матвѣевна! Такъ-то, матушка! Чужой кусокъ не сладокъ! А богатая была, умнѣй барыни слыла!

Это она вспоминала то золотое время, когда было у нея цѣлыхъ тридцать шесть рублей. Она копила и хранила ихъ долго, какъ зѣницу ока. Да выпросилъ, вымолилъ въ долгъ мужикъ, у котораго она стояла на квартирѣ, поклялся на церковь, что отдасть — и, конечно, не отдалъ, даже прямо сказалъ: такъ и знай, не отдамъ и не шатайся. . .

Аверкій открылъ глаза. Было лучше, чѣмъ давеча, уже не мутилась голова. Онъ послушалъ дурочку и усмѣхнулся. Ахъ, Господи, изъ-за чего только волнуются, страдаютъ люди! Этотъ старикъ, такъ растерянно жаловавшійся работникамъ. . . Эта плачущая отъ обиды на ребенка Анята. . .

— А ты бы его за виски, — сказалъ онъ, усмѣхаясь.

— Ай ты проснулся? — спросила дурочка. И вдругъ неприятно, неумѣренно зарыдала. — Да ай я слажу съ нимъ?

Когда она стала затихать, Аверкій негромко и ласково окликнулъ ее.

— Что тебѣ? — тупо отозвалась она.

— Сходи, матушка, къ моей старухѣ, — сказалъ Аверкій. — Скажи, чтобъ пришла за мной. Боюсь, ей и самой ѣсть нечего, да вѣдь что жъ издѣлаешь? Какъ-нибудь перебьемся. Я, видно, свое отслужилъ. Все дома-то лучше, пристойнѣе. . .

— Не съ чужими же людьми смѣнить! — съ горечью отвѣтила дурочка. — Схожу, не бойся. . . А ты не обидишься на меня, что я тебѣ скажу?

— Нѣтъ. . .

— А, можетъ, испугаешься дюже?

— А что? — спросилъ онъ.

— Да такъ. . . Я тебѣ же добра желала. Пришла давеча, говорятъ, ты захворалъ. Я и зашла къ Пантюшѣ погадать на счетъ тебя. . .

— Ну и что же?

— Тебѣ, батюшка, плохо вышло. . . Онъ набралъ земли на сковородку, легъ подъ святые и запѣлъ. . . А самъ все беретъ землю со сковородки да на лицо себѣ посыпаетъ. . . Беретъ и посыпаетъ. . .

— А ты фамилію-то мою сказала? — спросилъ Аверкій.

— Та-то и бѣда, что сказала. . .

Аверкій помолчалъ.

— А ты все-таки къ старухѣ-то сходи, — сказалъ онъ.

— Объ этомъ ты не убивайся. Схожу.

Вынувъ изъ своего нищенскаго мѣшка крендель, дурочка стала ѣсть, собирая съ колѣнъ крошки.

— Хочешь кренделька? — спросила она.

— Нѣтъ, матушка, спасибо, что-й-то не хочется, — сказалъ Аверкій.

Вздыхнувъ, онъ повернулся на бокъ. Дурочка открыла окно, — стала доходить свѣжесть вечера. Тонкій, какъ волосокъ, серпъ мѣсяца блестѣлъ надъ черной покатою равниной за рѣкой, въ прозрачномъ небо-склонѣ. Далеко на селѣ хорошо и протяжно пѣли дѣвки старинную величальную пѣсню: «При вечерѣ, вечерѣ, при ясной лучинѣ. . .» Когда и съ кѣмъ это было? Мягкій сумракъ въ лугу, надъ мелкой заводью, теплая розовѣющая отъ зари, дрожащая мелкой рябью, расходящаяся кругами вода, чья-то водовозка на берегу, слабо видный въ сумракѣ дѣвичій станъ, босые ноги — и неумѣлыя руки, съ трудомъ поднимающія полный черпакъ. . . Шагомъ ѣдетъ мимо малый въ ночное, сладко дышитъ свѣжестью луга. . .

— Ай не узнала? — спрашиваетъ онъ притворно-небрежно.

— Дюже ты мнѣ нуженъ узнавать! — отзывается нѣжный, грудной, неувѣренно-звонкій голосъ — и противъ воли звучитъ въ немъ ласка, радость нечаянной встрѣчи.

— Ай помочь?

— Дюже ты мнѣ нуженъ помогать. . .

Пересиливая себя, считая непристойнымъ навязываться съ разговоромъ, онъ молча поднимается въ гору, въ росистое темное поле, глядитъ на звѣзды, слушаетъ перепеловъ и дѣловито думаетъ:

— Хороша, да бѣдна. Ишь, сама воду возить. . .

Это было давно, въ самомъ началѣ жизни. . . Неужели это она, та, что придетъ завтра, поведетъ его домой умирать? Она, она. . .

IV

Она пришла за нимъ на другой день. Она ласково и заботливо убрала своими темными руками его добришко, — армякъ, онучи, линючую подпояску, — и повела его, блѣднаго и слабо улыбающагося, домой:

— Пойдемъ, пойдемъ, батюшка. Будя, поработалъ. Весь свой вѣкъ ждала тебя. А ты вонъ какой сталъ — совсѣмъ никуда. Износился. Да завѣтный перстенецъ и поношенный хорошъ. . .

И онъ все радовался первое время: вотъ онъ и дома, отслужился! Онъ не легъ въ избѣ, давно хотѣлось ему полежать на свободѣ, на покоѣ, на чистомъ поле-вомъ воздухѣ. Легъ онъ на своемъ гумнишкѣ, въ старенькой ригѣ, густо заросшей кругомъ лебедою, легъ въ телѣгѣ безъ колесъ — и въ открытыя ворота день и ночь вѣялъ на него сырой вѣтеръ съ огородовъ и гумень, несло вѣтромъ косою крупный дождь.

Всѣ дѣла обсудили они со старухой, пожалѣли дочь, по нуждѣ рано выданную въ дальнее село, во дворъ зажиточный, но больной дурной болѣзнию, и порѣшили дать ей знать, чтобъ пріѣхала провѣдать отца.

Дочь однако не ѣхала — вѣрно, не пускала погода.

Погода мучила. Съ утра свѣтило солнце, парило надъ дымящимися полями, надъ грязными дорогами, надъ хлѣбами, насыщенными водою, легшими на землю. Съ утра Аверкій, порою покидавшій свою телѣгу и добредавшій до избы, обѣщалъ старухѣ, что опогодится. Но къ обѣдамъ опять заходили тучи, казавшіяся еще чернѣе отъ блеска солнца, мѣняли облака свои необыкновенные цвѣта и очертанія, поднимался холод-

ный вѣтеръ, и бѣжалъ по полямъ косою радужный дождь.

— Будутъ бѣды великія, — говорила сосѣдка, бывшая дворовая. — Раньше и тучки не тѣ были, все зайчики да кусточки, а теперь облако грубое пошло. . .

Но Аверкій, сидя въ валенкахъ и полушубкѣ возлѣ избы, только слабо улыбался: какое дѣло было ему теперь до будущихъ бѣдъ!

Сосѣди, двоившіе паръ, пріѣзжали къ обѣдамъ мокрые, усталые, жаловались, что на нихъ армяки попрѣли, и тоже все хотѣли увѣрить себя, что, авось, Богъ дастъ, разгуляется. Но послѣ обѣдовъ темнѣло отъ тучъ, гнала буря ливень съ градомъ. Къ вечеру стихало, солнце проглядывало; но на востокѣ громоздились розовыя горы, а западный небосклонъ весь покрывался странной серебристой зыбью, похожей на утиный пухъ.

А ночи были туманныя. Зеленоватыя пушистыя звѣзды, какъ большіе свѣтляки, глядѣли на Аверкія въ ворота. Спалъ онъ мало, по ночамъ скучалъ. Но, вспоминая теперешнюю свою свободу ото всѣхъ заботъ и горестей, благодарно крестился на небо.

Худѣлъ и слабѣлъ онъ не по днямъ, а по часамъ. Но, чувствуя, что смерть овладѣваетъ имъ безъ мукъ, безъ издѣвательства, часто говорилъ старухѣ:

— Ничего, ты не бойся, я удобно помру.

А старуха втихомолку надѣялась, не давала вѣры его словамъ. Больше всего пугало ее его равнодушіе. Но и равнодушіе долго пыталась она истолковывать его слабостью, пока, наконецъ, не перешло оно мѣры.

Въ концѣ іюля, когда кое-какъ стали убираться въ поляхъ и дожди перестали, пропала у нея телушка, которую съ великими лишеніями нажила она себѣ, которая ходила за ней, какъ собака. Старуха всѣ поля, всѣ сосѣднія деревни обѣгала. Въ тоскѣ, въ тревогѣ, она разспрашивала каждого встрѣчнаго, не видали ли рыжей телушки, и все не сдавалась, придумывала все новыя мѣста, куда надо итти на поиски. Какъ вдругъ, въ одинъ сумрачный вечеръ, собаки притащили на деревню рыжую голову съ маленькими рожками. У собакъ ее отняли и принесли старухѣ на крыльцо. Она растерялась и заплакала, какъ ребенокъ. И всѣ долго стояли вокругъ крыльца, не зная, что говорить, что дѣлать. На всѣхъ эта страшная, въ сухой крови и съ рожками голова произвела тяжелое впечатлѣніе. И только одинъ Аверкій, который на говоръ прибрелъ изъ риги къ избѣ, легонько рукой махнулъ.

— Ужъ чего тамъ! — сказалъ онъ. — Смолоду не наживали, а теперь не къ чему. . .

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ и еще дружнѣе загалдѣли, что этого такъ оставить нельзя. Пастухъ сказалъ, что собаки рыли въ лѣсу. Несмотря на сумерки, рѣшили немедля ѣхать въ лѣсъ. Сосѣдъ торопливо запрягъ лошадь въ телѣгу, посадилъ въ нее плачущую старуху, вскочилъ самъ и поскакалъ, загремѣлъ по улицѣ. Поскакали за нимъ верховые. Въ поляхъ было темно, въ лѣсу темно и тихо, уже пахло опавшими листьями. Лѣсъ слабо освѣщался съ одной стороны красноватымъ свѣтомъ всходившей луны. Пріѣхали къ караулкѣ на полянѣ, возлѣ дуба съ засохшей верхушкой. Лѣсникъ ужиналъ и, увидя толпу, очень испугался. Потребовали у него фонарь, пошли за пас-

тухомъ къ тому мѣсту, гдѣ рыли собаки, нашли зарытую въ землю требуху, подняли гамъ и повезли лѣсника въ деревню, къ Аверкію.

Аверкій не спалъ, сидѣлъ въ темной избѣ. Когда вздули огонь и стала изба наполняться народомъ, когда привели старосту съ палевою бородой и наперебой стали кричать, обвиняя лѣсника, Аверкій неожиданно принялъ его сторону. Лѣсникъ въ свое оправданіе говорилъ только одно:

— Красть я не согласенъ. Мой родитель не король, и я не согласенъ. Кабы я король, у меня бы ничего не было, Богъ бы не далъ, а то у меня свое хозяйство есть.

Но Аверкій, со своимъ равнодушіемъ къ земнымъ дѣламъ, вполнѣ вѣрилъ ему — и даже возвысилъ голосъ, настаивая, чтобы его отпустили, а не сажали въ холодную. И удивленные, сбитые съ толку сосѣди, въ концѣ концовъ покорились ему. Покорилась его голосу, его гробовому лицу и старуха.

На выздоровление его у нея не осталось съ этой ночи никакой надежды.

V

Дочь съ мужемъ посулились пріѣхать и пріѣхали на престольный праздникъ, ко второму Спасу. Было рѣшено, что зять свезетъ Аверкія въ больницу, покажетъ доктору. Аверкій согласился — и на день, на два ожилъ.

На день, на два воротились къ нему обычныя человѣческія чувства. Съ помощью старухи, онъ съ раннего утра умылся, причесался для гостей.

Въ обѣды онъ лежалъ и прислушивался: не идутъ ли? Послышались шаги и голоса вдали. Въ рамѣ воротъ показался зять, за нимъ — дочь съ дѣвочкой, сзади старуха. Зять, высокій, съ зеленоватыми волосами, съ бѣлыми рѣсницами, былъ подбрить и наряженъ: новый картузь, новые сапоги, сѣрая жилетка поверхъ новой желтой рубахи, Дочь, которую Аверкій всегда считалъ красавицей, и на этотъ разъ удивила его своею красотой, скромностью, соединенной съ достоинствомъ, длинными опущенными рѣсницами, лиловымъ сарафаномъ и смуглостью маленькихъ рукъ. Она, женственная, милая, вела за руку бѣлобрысую дѣвочку въ зеленомъ платьицѣ, которая съ любопытствомъ осматривала дыры въ крышѣ риги и сосала деревянную катушку изъ-подъ нитокъ.

Подойдя, гости поклонились Аверкію, осторожно поцѣловались съ нимъ, подняли къ нему не хотѣвшую цѣловаться, воротившую въ сторону личико, дѣвочку; Аверкій съ нѣжностью замѣтилъ, что волосы у нея бѣло-золотистыя, тверды и гладки, какъ трава послѣ лѣта. Гости заговорили бодро, безпечно, — зять все старался шутить, — но не сводили съ Аверкія глазъ и, видимо, не знали, что говорить. Онъ это чувствовалъ, неловко улыбался и тоже бодрился, а самъ думалъ, сравнивая дочь со старухой: нѣтъ, моя душевнѣе была! И дочь была хороша и скромна, какъ мать въ молодости, но у дочери было больше спокойствія, сдержанности. Дочь трогала его своею красою, рѣсницами, блескомъ стеклянныхъ капель въ гребешкѣ, а старуха — лаптями, дряблостью кожи, усталостью, искренностью. Ихъ противоположность взволновала его, и опять почувствовалъ онъ на мгновение: сладка жизнь!

Старуха не притворялась. Она вошла и стала, грустно глядя на него, какъ бы говоря: вотъ привела, хотять поглядѣть на тебя — не хорошъ ты сталъ, батюшка, да что жъ сдѣлаешь. А онъ, и правда, былъ страшенъ. Волосы его еще больше порѣдѣли, стали еще тоньше, они лѣзли, падали на широкій воротъ рубахи, на ключицы, торчавшія подъ нею, какъ удила. По обѣимъ сторонамъ ввалившихся висковъ торчали большія прозрачныя уши. Глубоко западали глаза.

Гости обѣдали въ избѣ. Ему прислали чашку зеленого кваса съ саломъ, ломоть хлѣба. Онъ приподнялся, взялъ чашку, низко склонился надъ нею, выгнулъ зубчатую отъ позвонковъ спину, перекрестился, зачерпнулъ дрожащей рукой ложку и проглотилъ торопливо, боясь, что не хватить силъ поѣсть. И точно, не хватило. Онъ усталъ, задохнулся, легъ на спину. . . И чашка такъ и осталась стоять на землѣ возлѣ телѣги. Квасъ запѣнился, подернулся соляной пленкой, въ него нападало много мухъ. Аверкій отгонялъ ихъ и рассматривалъ свою руку, голубые ногти. Дивила его ладонь: впалая, она была суха и блестяла, будто натертая воскомъ. . . И, подумавъ о больницѣ, онъ насмѣшливо улыбнулся.

VI

Передъ вечеромъ прошелъ недолгій дождь. Со смѣхомъ, накрывшись подолами, гуртомъ прибѣжали съ улицы дѣвки, стали у воротъ, не обращая вниманія на Аверкія, ждали, пока перейдетъ дождь, видный въ рамѣ воротъ на сѣрой тучкѣ. За воротами говорили, смѣ-

ялись ребята, кто-то все начиналъ играть на сломанной, съ западающими клапанами, гармоніи. Подошелъ къ воротамъ зять, слегка хмельной. Онъ выставилъ впередъ правое колѣно, поставилъ на него свою большую, мягко и пріятно рычавшую гармонію. Онъ томно смотрѣлъ въ одну точку, играя. А противъ него стояла и, слегка склонивъ голову, упорно смотрѣла на него солдатка, блѣдная женщина съ свѣжимъ, пріятнымъ ртомъ и серебристыми глазами въ черныхъ рѣсницахъ. Они звали другъ друга взглядами, словами безконечной «страдательной». И всѣ долго, подъ рѣдкимъ дождемъ, слѣдили за ихъ любовными переговорами. Потемнѣло въ углахъ риги, темнѣло въ воротахъ. Закрывъ глаза, Аверкій слушалъ. Ему было хорошо.

Улица такъ и осталась возлѣ риги до поздней ночи, расходясь постепенно. Поздно ночью небо расчистило, двѣ большія звѣзды глядѣли въ ригу. «Значить, такъ надо, — думалъ Аверкій — значить, ему дочь моя не хороша, иную надо.» Гармонья смолкла. Кто-то говорилъ за воротами дрожащимъ, охрипшимъ голосомъ, о чемъ-то упрашивая. Женщина отвѣчала протяжно, уклончиво, но сопротивленіе ея было слабое. Потомъ двѣ тѣни на минуту заслонили звѣзды въ рамѣ воротъ, прошли мимо, влѣво, къ остаткамъ соломы. . .

«Ахъ, неладно», — подумалъ Аверкій. А дочь небось, любитъ его. . . Въ душѣ зазвучала пѣсня, нѣжная, любовная: «Я соскучилась, любезный, безъ тебя: вся постелюшка простыла безъ тебя, изголовьице заиндевѣло. . .» Онъ забылся и очнулся отъ громкаго кашля. Зять, проводивши солдатку, смѣло воротился въ ригу, сѣлъ на розвальни и, разуваясь, со стукомъ побросалъ сапоги наземь. Онъ зажегъ спичку, освѣ-

тивъ пѣтуха, ночевавшаго на деревянномъ козлѣ для рѣзки.

Чтобы показать, что онъ не обижается, не вмѣшивается въ чужія дѣла, Аверкій, усмѣхнувшись, сказалъ про пѣтуха:

— Ишь, гдѣ квартиру себѣ нашелъ!

— А ты чего жъ не спишь? — спросилъ зять.

— Я, почестъ, никогда не сплю, — отвѣтилъ Аверкій.

— Помираешь, значить, — равнодушно сказалъ зять, ложась.

— Худая трава изъ-поля вонъ, — пошутилъ Аверкій. — А чую — конецъ. Чую — она. Ночью скучаю, пуще всего какъ полуночная звѣзда-зарница взойдетъ. Никакая! — сказалъ онъ безнадежно. — Стали ужъ колокольцы въ глоткѣ звенѣть...

Зять сталъ засыпать, сумрачно похрапывая. И грусть, умиленье одиночества нашли на Аверкія. Хотѣлось еще поговорить, сказать, что-нибудь дружелюбное, пріятное зятю. Онъ окликнулъ его:

— Спишь?

— Нѣтъ, — отозвался зять, очнувшись. — А что?

И забормоталъ строго:

— Будя буровить-то, людямъ спать не давать... Спи!

Аверкій смолкъ. Хотѣлось сказать: «Ахъ, хороша любовь на свѣтѣ живетъ!» Онъ лежалъ, думалъ и за-таивалъ дыханіе, стараясь представить себя въ могилѣ... Зять храпѣлъ, спалъ крѣпкимъ сномъ поздней ночи. Слабое, мутное зарево долго было видно за воротами, за темными полями. Показался поздній полумѣсяцъ, — какъ отраженіе въ затуманенномъ зеркалѣ,

— прошелъ низко и скрылся. Потемнѣло передъ разсвѣтомъ. Сталь на всю ригу кричать пѣтухъ. Стало въ рамѣ воротъ серебриться небо, сталь заниматься для живыхъ новый день.

Зять проснулся, свѣжо и крѣпко зѣвнулъ, снова разбудивъ тонко дремавшаго Аверкія. Утро настало веселое. Весело и молодо глядѣло въ ворота голубое, по горизонту оранжевое небо. Холодная роса сверкала на травѣ. Зять, надѣвая сапоги, надувался и стучаль ими въ землю.

— Обузиль хромой дьяволь! — сказалъ онъ хрипло и бодро, разумѣя сапожника.

— Тѣсный сапогъ осеннее дѣло никуда, — отвѣтилъ Аверкій. — Мука.

— Да это еще по чулку, — сказалъ зять. — А по портянкѣ и совсѣмъ не вобьешь. . . Ну, погоди же, хромой!

Старуха съ дочерью нарядили Аверкія. На него надѣли ситцевую рубаху, давно слинявшую, но чистую, легкую, узкія сѣрыя брюки въ полоскахъ, — подарокъ съ барскаго двора, — и кожаныя бахилки; надѣли полушубокъ, большую шапку и подъ руки повели къ телѣгѣ. Дѣвочка гонялась по ригѣ за пѣтухомъ, все норовила поймать его за хвостъ. Поджимаясь, пѣтухъ мелко убѣгалъ отъ нея, и Аверкій усмѣхался. Послѣ риги небо показалось ему безконечно-просторнымъ, свѣтлымъ и радостнымъ, воздухъ въ поляхъ — упоительнымъ. Дорога уже обвяла. День былъ августовскій — прохладный, блестящій, со стальными облаками. О больницѣ, о выздоровленіи не хотѣлось и думать: и такъ было хорошо.

VII

Прошелъ еще мѣсяць. Жизнь еще больше отодвинулась отъ Аверкія за этотъ мѣсяць. Черныя катышечки въ пахучемъ желтомъ порошокѣ, конечно, не помогли, — только палили изжогой. Но онъ все-таки вѣлъ ихъ — цѣлыхъ двадцать дней. Когда же проглотилъ послѣднюю и зачѣмъ-то спряталъ круглый пузырекъ подъ подушку, вздохнулъ такъ облегченно, точно свалилъ съ плечъ послѣдній тяжкій долгъ. А съ людьми онъ мысленно уже простился: люди понемногу забывали о немъ, заходили къ нему все рѣже, а заходя, говорили то трогательное, то смѣшное, то грустное, но всегда неважное. Все время онъ чувствовалъ себя гостемъ, заѣзжимъ въ какой-то край, гдѣ онъ жилъ когда-то и гдѣ теперь живутъ еще бѣднѣе и скучнѣе, чѣмъ жили прежде, при немъ.

Воротился домой и заходилъ раза два солдатъ, побывавшій въ Портъ-Артурѣ и въ Японіи, — на войнѣ и въ плѣну. И не рассказаль ничего путнаго ни о войнѣ, ни о плѣнѣ, говорилъ то же, что говорили и всѣ, побывавшіе на войнѣ и въ чужихъ странахъ. На войнѣ страшно, а потомъ ничего, и не думаешь, а въ чужихъ странахъ все не по-людски: земли много, а ходить негдѣ, вездѣ горы, людей всякихъ — и не счесть, а поговорить не съ кѣмъ. . . Много рассказываль солдатъ о японкахъ, но и ихъ осуждалъ: «малы ростомъ и не завлекательны.»

— Воды много, а пить нечего.

Заходила Анюта. Съ ней Аверкію было легко, она сидѣла долго, никуда не спѣшила, не говорила притвор-

но: «ну, я пойду, дѣльце есть. . .» Она была задумчива, проста, хотя и задѣвала Аверкія тѣмъ, что стала говорить съ нимъ теперь, какъ съ равнымъ, какъ съ дурачкомъ, со своимъ братомъ, лишнимъ человѣкомъ.

Заходилъ старикъ плясунъ, въ полушубкѣ и старой господской соломенной шляпѣ, приносилъ яблокъ, съ неумѣренной настойчивостью совалъ ихъ подъ подушку Аверкію и съ неумѣреннымъ оживленіемъ болталъ, внутренно радуясь своему постоянному хмелю, а жизнь свою то восхваляя, то ни въ грошъ не ставя. Онъ дышалъ перегаромъ, говорилъ безъ умолку.

— Хм! — говорилъ онъ. — Мнѣ тутъ, въ селѣ, рай! Тутъ я маленько оправился, человѣкомъ сталъ. А то сослали меня прошлый годъ. . . Имѣньишко въ полѣ, садъ въ полѣ — хотъ бы тебѣ дворишко! Скука — избавь Богъ! Не то, что у васъ въ селѣ: тутъ въ поле выдешь, и то что-нибудь увидишь обязательно: либо гдѣ ребята въ конопяхъ, либо такъ какой фигурой заинтересуешься, либо бабу примешь къ свѣдѣнію. . .

Хозяйственнымъ людямъ было не до Аверкія: они вѣяли новое зерно и опять разсѣвали его. Разъ эта мирная жизнь была нарушена тревогой, набатомъ, торопливо сзывавшимъ испуганное село къ мѣсту неожиданной бѣды, къ омету на дальнемъ гумнѣ, внезапно охваченному среди жаркаго полдня весело и торопливо разгоравшимся оранжевымъ пламенемъ. У Аверкія, всегда боявшагося пожаровъ, заколотилось сердце. Онъ, насколько могъ, поспѣшно приподнялся и долго глядѣлъ въ ворота, на голубое спокойное небо, по которому безпокойно и высоко неслись черныя хлопья, «галки». Онъ жадно прислушивался къ тому шуму и гаму въ селѣ, который люди, бѣгущіе на пожаръ, всег-

да зачѣмъ-то преднамѣренно увеличиваютъ. Онъ, по старой привычкѣ, заразился-было этимъ чувствомъ, но скоро понялъ, что пожару онъ только обрадовался — обрадовался развлеченію, тому, что прибѣгутъ къ нему, потащатъ его изъ риги на траву; понялъ и то, что пожаръ далеко, и что ничего этого не будетъ — и опять почувствовалъ равнодушіе, опять легъ.

Разъ зашелъ къ нему дьячокъ въ парусиновомъ подрясникѣ; посидѣлъ, пошутилъ надъ его болѣзнию, надъ тѣмъ, что скоро прибавится «земляного товару», и, задумавшись, сказалъ:

— Да. . . «И возвратится персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его. . .» Этого, братъ, не минуешь!

И Аверкій, которому очень понравились его слова, торопливо отвѣтилъ:

— Избавь, Богъ! Какъ можно того миновать!

На мгновенье ему стало жутко отъ церковныхъ словъ дьячка, но, подумавъ, онъ еще тверже повторилъ:

— Нѣтъ, избавь, Господи, — не миновать-то! Я вонъ жалюсь иной разъ, я, моль, кочеть оброчный, какъ говорится, а развѣ не правда? И Богъ оброку требуетъ. . .

И, запутавшись въ своихъ мысляхъ, прибавилъ некстати:

— Нѣтъ, какъ можно. . . А то бы столько грѣха развелось! Такъ-то, святые люди говорятъ, шла Божья Матерь отъ креста и плакала навзрыдъ. . . Всѣ цвѣты отъ слезъ пожглись, посохли, одинъ табакъ остался. . . За то-то вотъ и жгутъ его, курятъ. . .

Послѣ больницы онъ часто дѣлалъ попытки вспомнить всю свою жизнь. Казалось, что необходимо привести въ порядокъ все, что видѣлъ и чувствовалъ онъ на своемъ вѣку. И онъ пытался сдѣлать это, и каждый разъ напрасно. Воспоминанія его были ничтожны, бѣдны, однообразны. Вспоминались пустяки, безо всякаго толку и все въ картинахъ — неясныхъ и отрывочныхъ. Только начнешь вспоминать жизнь по порядку, съ начала, съ дѣтства, какъ все сольется въ одинъ какой-нибудь день, въ одинъ какой-нибудь вечеръ, часто и не относящійся къ дѣтству и такой далекой, такой ненужной, что только рукой махнешь. Съ тоскою махнулъ рукой Аверкій и на всѣ свои знанія, на всѣ свои способности умственные. «Вѣдь вотъ какое чудо! — думалъ онъ: — жилъ, жилъ, а ничего не помню, ничего не понимаю. . .» Говорятъ, на примѣръ, что родился онъ вотъ тамъ-то и тогда-то. А что это значитъ — родился? Не оказывалось даже пониманія собственнаго рожденія, не оказывалось даже въ него ощутительной вѣры! Всегда и всѣ говорили, что отцомъ его былъ вотъ тотъ-то, а матерью — вотъ та-то. Теперь онъ и этому не вѣрилъ, и этого не понималъ. Онъ всю жизнь считалъ родителей самыми близкими людьми; но, когда умеръ отецъ, онъ совершенно забылъ его, точно такъ же, какъ и мать: не только жалѣть пересталъ, а даже лица отцовскаго не могъ ясно представить себѣ. Такъ сближался онъ на своемъ вѣку и со многими другими людьми. Но и ихъ забылъ — вотъ какъ сны, на примѣръ, развѣ мало видѣлъ онъ сновъ, а попробуйка, вспомни ихъ!

Только далекія сумерки на рѣкѣ, далекую встрѣчу свою съ той молодой, милой, которая равнодушно жа-

лостно смотрѣла на него теперь старческими глазами, ощутительно помнилъ онъ да ясно видѣлъ лицо дочери.

VIII

И еще мѣсяцъ прошелъ, и приблизилось время принести этотъ горькій и сладкій оброкъ Богу.

Осень наступила рано. Замученный холодами, старой одеждой, пролежнями и сухими ранами на локтяхъ, Аверкій только головой качалъ, разумѣя смерть:

— Ну, и норовиста! Не докличешься!

Міръ онъ попрежнему видѣлъ только въ ворота — видѣлъ только крохотный кусочекъ огромной картины. Шли по горизонту за обнаженными лозинками все бѣлѣвшія, все холодѣвшія облака. Умирая, высохли и погнули травы. Пусто и голо стало гумно. Стала видна сквозь лозинки мельница въ безпріютномъ полѣ. Дождь порой смѣнялся снѣгомъ, вѣтеръ гудѣлъ въ дырахъ риги зло и холодно. Аверкій тупо думалъ:

— Ъдетъ осень на пѣгой кобылѣ...

А въ черныя, ледяныя и мокрыя ночи, когда только рама воротъ мутнымъ и неподвижнымъ призракомъ стояла передъ нимъ, свинцово глядѣла на него, ему было жутко. Перейти же въ избу онъ не рѣшался: зналъ, что задохнется въ первую же ночь — и умретъ мучительно.

Разъ приснился ему такой сонъ. Очень холодно, низкія тучи вдали надъ зелеными, надъ желто-красной грядой лѣса за ними. Возлѣ грязной дороги ѡдетъ онъ самъ — древній, длинноволосый, длинноногий, въ длин-

номъ полушубкѣ на изсохшемъ длинномъ тѣлѣ — и поталкиваетъ латтемъ пѣгую кобыленку, глубоко вязнущую въ сырой землѣ, комами выворачивающую зелена. Нагналъ его барскій староста верхомъ, на сѣдлѣ, молча, злобно далъ ему въ душу. Онъ, Аверкій, молча, легко съѣхалъ со спины кобылы вмѣстѣ съ армякомъ, на которомъ сидѣлъ, повалился на колѣни, снялъ тяжелую шапку съ лысой головы, сталъ плакать, просить прощенья, говорить, что онъ глухъ, старъ, слабъ, ѣдетъ къ дочери. . . Оскаливъ зубы, староста сталъ драть его кнутомъ по чемъ попало, — и отъ боли и отъ ужаса Аверкій проснулся весь въ слезахъ. И до разсвѣта лежалъ, глядѣлъ на свинцовый призракъ воротъ, чувствовалъ, что замираетъ, бьется послѣднимъ торопливымъ боемъ его истомленное сердце, и не понималъ, — сонъ ли это былъ, или сама земная жизнь его, слившаяся въ ту тоску, въ то горе, съ которымъ онъ во снѣ повалился передъ старостой на колѣнки. И, вытирая мокрое отъ слезъ лицо, засмѣялся и твердо сказалъ себѣ:

— Нѣтъ! Перейду въ избу! Задохнусь — туда и дорога. . .

А на утро и поневолѣ пришлось переходить. Внезапно пришла зима. И жизнь въ Аверкїи вспыхнула еще разъ.

Ахъ, въ зимѣ было давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снѣгъ, первая мятель! Забѣлѣли поля, потонули въ ней — забивайся на полгода въ избу! Въ бѣлыхъ снѣжныхъ поляхъ, въ мятели — глушь, дичь, а въ избѣ — уютъ, покой. Чисто выметутъ ухабистые земляные полы, выскребутъ, вымоютъ столъ, тепло вытопятъ печь свѣжей соломой — хорошо!

И дочь пріѣхала: «точно почуяло ея сердце», — подумалъ Аверкій, хотя и зналъ, что пріѣхала она къ подругѣ на сговоръ. Бѣлой курбѣ несло надъ деревней, убѣляя ее, гнилую и темную. Бѣлы были косогоры и берега рѣки — только сама рѣка, еще не застывшая, чернѣла, и по ней еще плавали бѣлые гуси. А въ сѣнцахъ избы стояла дочь, веселая и красивая. Теперь ей совсѣмъ не жалко было отца, — вѣдь все равно ему не встать. Осенью умерла ея дѣвочка — это снова сдѣлало ее молодой и свободной. Старуха готовила на нарахъ постель Аверкію. И дочь ждала ее, чтобы итти за отцомъ, на розвальняхъ перетаскивать его въ избу.

Пріѣхавъ, она скинула шубку, скинула шаль съ головы на плечи и стояла на порогѣ въ сѣнцахъ. Въ раскрытую дверь несло серебристой пылью. Она стояла въ голубомъ шерстяномъ платѣ, отъ котораго хорошо, душисто пахло. На волосахъ ея блестѣли остинки снѣга. Сосѣдскій теленокъ лѣзъ въ сѣнцы. Она нѣсколько разъ выгнала его, потомъ выскочила на порогъ. Ей казалось, что она опять живетъ дома, у батюшки съ матушкой, дѣвкой. Ее радовало, что она знаетъ, чей это теленокъ и кому нужно крикнуть о немъ.

— Мишка, родимецъ тебя расшиби! — крикнула она, выскакивая на порогъ и радуясь, что можетъ, какъ своя, тутошняя, не обидно ругаться. — Я за твоимъ быкомъ гоняться не стану!

Въ сѣнцы, грызя подсолнухи, вошла подруга, та, на чей сговоръ она пріѣхала, дѣвка серьезная, съ широкими черными бровями, тоже наряженная, въ новомъ большомъ платкѣ стального цвѣта съ серебристыми листьями.

— Пойдемъ батюшку перевозить, — торопливо сказала ей дочь Аверкія. — Совсѣмъ помираетъ, за попомъ велѣлъ итить. . .

Аверкій, возбужденный и безсонной ночью, и первой мятежью, и переходомъ въ избу, — близкой смертью, — лежалъ въ розвальняхъ и слушалъ, какъ холодно, по зимнему шумитъ вѣтеръ, несущій бѣлые хлопья, какъ шуршитъ сухой рѣшетникъ, сквозь который дуетъ онъ. Аверкій дрожалъ, ежился въ своемъ истертомъ полушубкѣ, накрытый для тепла пѣгими попонами, и все надвигалъ на лоснящійся лобъ свою глубокую шапку. Лицо у него было ждущее, но глаза, большіе, потемнѣвшіе, ничего не выражали. Онъ самъ, своими силами, шатаясь и пьянѣя отъ слабости, перебрался изъ телѣги на розвальни и съ дѣтскимъ довольствомъ думалъ: придутъ, чтобы перекладывать его, — анъ у него ужъ все готово, только за оглобли берись. . . Вдругъ раздался звонкій голосъ дочери:

— Батюшка! Живъ?

Дочь, увидя его, внезапно заплакала: такъ великъ и древень показался ей этотъ живой покойникъ, съ остатками жидкихъ волосъ, отросшихъ до плечъ, въ шапкѣ, ставшей отъ ветхости какимъ-то высокимъ шлыкомъ, въ родѣ скуфьи, и въ длинномъ армякѣ, цвѣта сухого ржаного хлѣба, поверхъ полушубка. Онъ поздоровался съ ней чуть слышно. И, опустивъ глаза, она почти безъ помощи подруги потащила розвальни къ избѣ. И по бѣлоснѣжному покрову потянулись отъ риги до избы двѣ черныхъ полосы — траурный слѣдъ полозьевъ, все лѣто стоявшихъ на влажной землѣ.

IX

На дворѣ сизѣли сумерки, но еще свѣтло было, бѣло отъ снѣга. А изба уже наполнялась сумерками.

Въ сумерки, весь въ снѣгу, нагибаясь на порогѣ низкой двери, вошелъ въ избу священникъ.

— Гдѣ онъ тутъ у васъ? — бодро крикнулъ онъ, и голосъ его раздался, какъ голосъ самой смерти.

Въ тихомъ страхѣ встала съ лавки старуха. (Дочь, не думая, что конецъ отца такъ близокъ, ушла на сговоръ). Упираясь дрожащими руками, приподнялся и самъ Аверкій и замеръ въ ожиданіи, какъ вставшій изъ гроба. Въ темнотѣ мертвенно-блѣдно синѣло его ужасное лицо. Взглянувъ на него, священникъ понизилъ голосъ и быстро, съ испугомъ, такимъ тономъ, точно вошелъ въ избу еще кто-то, тотъ, для кого все это и дѣлалось, — самъ Богъ какъ будто, — сказалъ:

— Шапку-то, шапку-то сними!

Аверкій стащилъ ее, положилъ на колѣни...

Потомъ затеплилась желтымъ огонькомъ восковая свѣча. Исповѣдовавшись, причастившись, Аверкій чуть слышно спросилъ:

— Батюшка! Ну, какъ по-вашему, — вы это дѣло хорошо знаете, — есть ужъ она во мнѣ?

И священникъ отвѣтилъ ему громко и поспѣшно, почти грубо:

— Есть, есть. Пора, собирайся!

Не глядя на старуху, онъ поймалъ ея руку, въ которой ужъ давно отпотѣлъ приготовленный двугривенный, и поспѣшно шагнулъ за порогъ. Старуха, пере-

крестившись, подошла къ нарамъ и стала, подпирая рукой подбородокъ, наглядываясь въ послѣдній разъ на того, кого она такъ мало видѣла при жизни. . . «Пора, пора!» — крикнулъ на него священникъ. И онъ покорно легъ на спину, зажавъ свѣчу въ костлявыхъ пальцахъ. Сердце его мѣло, таяло — онъ плылъ въ туманѣ, въ предсмертной зыби. Желтый дрожащій свѣтъ скользилъ по его пепельнымъ губамъ, сквозившимъ въ рѣдкихъ усахъ, по блестящему острому носу, по большимъ лиловымъ яблокамъ закрытыхъ глазъ. Чувствуя чью-то близость, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе — хотѣлъ что-то сказать и пріоткрыть глаза. Но только дрогнуло его лицо. Можетъ, его пугалъ и беспокоилъ этотъ свѣтъ, эта черная дрожащая тьма, напоминающая церковь? И старуха, думая, что до конца еще далеко, тихо вынула свѣчу изъ рукъ Аверкія и, дунувъ на нее, сѣла возлѣ него.

И въ тишинѣ, въ темнотѣ Аверкію стало легче. Представился ему лѣтній день, лѣтній вѣтеръ въ зеленыхъ поляхъ, косогоръ за селомъ и на немъ — его могила. . . Кто это такъ звонко и такъ жутко кричитъ, причитаетъ надъ нею?

— Родимый ты мой батюшка, что жъ ты себѣ сдумалъ, что ты надъ нами сдѣлалъ? Кто жъ будетъ нами печалиться, кто будетъ заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встрѣтилъ, никто не привѣтилъ! Я, бывало, батюшка, иду мимо васъ — ты меня встрѣчаешь, ты меня привѣчаешь! Ужъ ты грянь, громушекъ, просвѣтися, молонья, разступися, мать-сыра-земля! Ужъ вы дуньте, вѣтры буйные, — вы раздуйте золотую парчу, распахните мово батюшку!

— Ахъ, это дочь! — подумалъ Аверкій съ радостью, съ нѣжностью, съ затрепетавшей въ груди сладкой надеждой на что-то. . .

Умеръ онъ въ тихой, темной избѣ, за окошечкомъ которой смутно бѣлѣлъ первый снѣгъ, такъ неслышно, что старуха и не замѣтила.

Капри. 22. II. 1913.

ЛИРНИКЪ РОДІОНЪ

Сказывалъ и пѣлъ этотъ стихъ о сиротѣ лирникѣ Родіонѣ, молодой нищій, рябой слѣпецъ, безъ повода-ря странствовавшій куда Богъ на душу положитъ: отъ Гадяча на Сулу, отъ Лубенъ на Умань, отъ Хортицы къ гирламъ, къ лиманамъ. Сказывалъ и пѣлъ въ Херсонскихъ плавняхъ, въ низовьяхъ Днѣпра, въ теплый и темный весенній вечеръ.

Изъ конца въ конецъ Днѣпровья странствовалъ и я въ ту весну. Въ Полтавщинѣ она была прохладная, съ звонкими вѣтрами «суховіями», съ изумрудомъ озимей, съ голыми метлами хуторскихъ тополей, далеко видныхъ среди равнинъ, гдѣ, какъ въ морѣ, были малы и терялись люди, пахавшіе на волахъ подъ яровое. А на югѣ тополя уже одѣлись, зеленѣли и церковно благоухали. Розовымъ цвѣтомъ цвѣли сады, празднично бѣлѣли большія старинныя села, и еще праздновали, наряжались молодья казачки: еще недавно смолкъ пасхальный звонъ, подъ вѣтряками и плетнями еще валялась скорлупа крашенныхъ яицъ. Въ гирлахъ-же было совсѣмъ лѣто, много стрекозъ вилось надъ очеретомъ, много скигливо рыбалокъ, отражавшихся въ серебристыхъ разливахъ рѣки.

На югъ, въ Никополь и дальше я плылъ на пароходѣ «Олеги», очень грязномъ и ветхомъ; весь дрожа, все время дымя и поспѣшно шумя колесами, медленно тянулся онъ среди необозримыхъ камышевыхъ зарослей и полноводныхъ затоновъ. Въ первомъ классѣ «Олега» никого не было, кромѣ какой-то дѣвицы, знакомой капитана, державшейся особнякомъ. Во второмъ было нѣсколько евреевъ, съ утра до ночи игравшихъ въ карты, и все молчалъ, все прогуливался и ровно ничего не требовалъ въ буфетѣ актеръ съ безстрастно-печальными глазами и синей щетиной на блѣдно-сѣромъ лицѣ. А на нижней палубѣ набилось душъ полтораста хохлушекъ, вѣхавшихъ на весенніе заработки. Днем у нихъ было шумно, тѣсно, жарко; днемъ онѣ ѣли, пили, ссорились, спали. Вечерами долго сумерничали, разговоры вели мирные, задумчивые, пѣли негромко.

Этотъ вечеръ былъ особенно прекрасенъ, особенно располагалъ къ тому.

По палубѣ бродила, останавливалась и притворялась залюбовавшейся облаками на закатѣ знакомая капитана. Она накинула на голову зеленый газъ, тонкій, какъ паутина, обвила его концы вокругъ шеи, и сумеречный вѣтерокъ чуть игралъ ими. Она была въ прозрачной кофточкѣ, высока и такъ хрупка станомъ, что казалось, вотъ-вотъ онъ переломится. Одной рукой она придерживала газъ, другой — подоль юбки, обтягивая и дѣлая стройнѣй ноги, покусывала губы, стараясь придать имъ свѣжесть и яркость. А за нею все время слѣдилъ актеръ.

Актеръ бокомъ прислонился къ скамьѣ, закинулъ ногу на ногу, какъ бы показывая, что онъ ничуть не стѣсняется своими ужасными ботинками. Онъ поднялъ

воротникъ клѣтчатого пальто съ широкимъ хлястикомъ на поясицѣ, надвинулъ на лобъ широкополую шляпу и, шевеля тросточкой, поводилъ глазами. Въ первый день плаванія мы попробовали разговориться — и смолкли, почувствовавъ другъ къ другу ненависть. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ, что переносятъ только слушателей, а не собесѣдниковъ. Онъ могъ говорить только о себѣ и объ искусствѣ.

Дѣвица гуляла, останавливалась, будто и не замѣчала его. Но взгляды изъ-подъ широкополой шляпы дѣлались все пристальнѣе. Внезапно вздрогнувъ, какъ бы отъ вечерней свѣжести, она вскинула брови, подхватила подолъ и будто беззаботно побѣжала по трапу внизъ. И, прикрывъ глаза, актеръ притворился дремлющимъ. За мягкой чернотой правобережья, его вѣтряковъ и косогоровъ, слившихся съ затопами, съ густыми камышами, медленно блекли въ чемъ-то сумрачно-аломъ слабыя очертанія мутно-синихъ облаковъ. Въ вышинѣ, сквозь темный дымъ изъ трубы, проступали мелкія, блѣдныя звѣзды. «Олеги», дымя, дрожали и однообразно шумѣли колесами. . . И вотъ, вполслуха, стройнымъ хоромъ, запѣли хохлушки, выпавшія за день.

Я въ тѣ годы былъ влюбленъ въ Малороссію, въ ея села и степи, жадно искалъ сближенія съ ея народомъ, жадно слушалъ пѣсни, душу его. Пѣлъ онъ чаще всего меланхолически, какъ и подобаетъ сыну степей; пѣлъ на церковный ладъ, какъ и долженъ пѣть тотъ, чье рожденье, трудъ, любовь, семья, старость и смерть какъ бы служеніе; пѣлъ то гордо и строго, то съ глубокой нѣжностью. Съ ярмарки на ярмарку, въ передвиженіяхъ гуртами на работы часто сопровождали его банду-

ристы и лирники, наводившіе мужчинъ на воспомина-
нія о былой вольности, о казацкихъ походахъ, а жен-
щинъ на пѣвучія думы о разлукахъ съ сыновьями, съ
мужьями, съ любимыми. Богъ благословилъ меня сча-
стьемъ видѣть и слышать многихъ изъ этихъ странни-
ковъ, вся жизнь которыхъ была мечтой и пѣсней, ду-
шѣ которыхъ были еще близки и дни Богдана, и дни
Сѣчи, и даже тѣ дни, за которыми уже проступаетъ
сказочная, древне-славянская синь Карпатскихъ вы-
сотъ. Родіонъ, случайно пристравшій къ женщинамъ
и плывшій вмѣстѣ съ ними, былъ молодъ и безвѣстенъ.
Онъ говорилъ, что даже не считаетъ себя пѣвцомъ,
лирникомъ. Но пѣвецъ онъ былъ поистинѣ удиви-
тельный. Если онъ еще живъ, Богъ, вѣрно, далъ ему ста-
рость счастливую и отрадную за ту радость, что да-
валъ онъ людямъ.

Слѣпые народъ сложный, тяжелый. Родіонъ не по-
хожъ былъ на слѣпца. Простой, открытый, легкій, онъ
совмѣщалъ въ себѣ все: строгость и нѣжность, горячую
вѣру и отсутствіе показной набожности, большую серъ-
езность и беззаботность. Онъ пѣлъ и «псалмы», и
«думы», и любовное, и «про Хому», и про Почаевскую
Божью Матерь, — и легкость, съ которой онъ мѣнял-
ся, которая въ другомъ была бы непріятна, въ немъ
была очаровательна: онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣд-
кимъ людямъ, все существо коихъ — вкусъ, чуткость,
мѣра. Если бы онъ снялъ съ плеча свою холщевую су-
му, никто и не подумалъ бы, что онъ нищій: такъ чистъ
и опрятенъ былъ онъ. Голова у него была небольшая,
темные волосы, ровно подрубленные въ кружокъ, за-
крывали чолкой лобъ. Сухое, рябое лицо съ за-
крытыми и глубоко запавшими маленькими вѣками

безъ рѣсницъ, обычно ничего не выражало. Но лишь только онъ открывалъ ротъ, чтобы пѣть и играть, оно преобразалось: одними движеніями бровей и улыбка-ми, озарявшими его лицо на сотни ладовъ, онъ выражалъ тончайшія и разнообразнѣйшія чувства и мысли. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плечи имѣлъ узкія, покатыя и худощавыя, пальцы тонкіе и цѣпкіе. Носилъ короткую сермяжную свитку, огромные сапоги. И чудесно, по-славянски краснѣла ленточка, которой завязывалъ онъ воротъ своей сорочки изъ суроваго холста.

Въ этотъ сумеречный и теплый вечеръ женщины начали со старинной казацкой пѣсни о сынѣ и матери, ласково и безнадежно уговаривавшей его не губить своей молодости ради одной пьяной удали. Кончивъ ея протяжные, спокойные и грустные укоры, — «ой ты, сыну, мій сынъ, ты дытына моя!» — долго не запѣвали другой; запѣли-было въ три голоса какую-то визгливую, мѣщанскую, и тотчасъ бросили. Родіонъ вполголоса занялъ первую строку пѣсни еще болѣе старинной, чѣмъ о матери и сынѣ, — «край Дунаю трава шумитъ» — и вдругъ окликнулъ кого-то какой-то прибауткой, и вокругъ него радостно прыснули, покатились со смѣху.

И долго только шутки, тихій говоръ слышались въ дремотѣ теплой вечерней тьмы, среди ровнаго, уже ночного шума колесъ. Кое-гдѣ по смутно чернѣющимъ берегамъ шли поздніе огоньки. Впереди, на чуть видномъ затонѣ, между двухъ черныхъ стѣнъ камыша, ночной рыбакъ лучилъ рыбу: спокойное отраженіе его огня въ водѣ было похоже на зажженную длинную восковую свѣчу. Кто-то заговорилъ о Кіевѣ. Можетъ-быть, глядя именно на это отраженіе, заговорили о Со-

фіевскомъ соборѣ, о Михайловскомъ, — народъ былъ все степной, многія впервые побывали на этомъ пути въ Кіевѣ, — и стали съ умиленіемъ дивиться ихъ красотѣ и ужасаться картинамъ Страшнаго Суда, которыми славятся многія кіевскія церкви. Тогда, какъ бы продолжая ихъ мѣрную рѣчь, медленно и пѣвуче заняла, заскрежетала и зажужжала старая лира Родіона.

Онъ какъ бы тоже перебиралъ въ своей памяти картины соборовъ, проходовъ подъ златоверхими колокольнями, темныхъ и тѣсныхъ полуподземныхъ придѣловъ. И, дойдя до картинъ судныхъ, усилилъ тонъ: лира его зажужжала и запѣла смѣлѣе, тверже. Послышались вздохи, слабыя восклицанія нѣжности и грусти. И онъ еще усилилъ — и сквозь восточную, степную меланхолю мотива ясно проступило подобіе средневѣковаго органнаго хорала. Онъ почувствовалъ, понялъ, что именно долженъ спѣть онъ для своихъ слушательницъ, и сталъ имъ, матерямъ и невѣстамъ, сказывать нѣчто очень близкое женскому сердцу, — о сиротѣ и о мачехѣ, — мѣшая органныя угрозы и назиданія съ пѣсней, съ мягкими славянскими укорами.

— Ой, зашумилы луги ще й быстри рикы, — вздохнулъ и строго сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и заглушивъ лиру.

И пояснилъ, снова уступая мѣсто ея звенящему жужжанію:

— Померла матинка, застались диты. . .

Потомъ онъ просто и серьезно сталъ напоминать женскому сердцу, — сердцу и безпощадному и жалостливому, — какова она, эта сиротская доля. Отецъ, сказалъ онъ, тотъ утѣшится:

— Отецъ жону знайде буде въ пари жыты. . .

А сиротамъ никто не замѣнитъ родной матери:

— Нещасни сыритки — ти пидуть служыты. . .

Но не спасеть ихъ, сказалъ онъ, никакая служба, никакая самая старательная работа:

— Що сырота робить — работа ни за що, а люде говорятъ: сырота ледащо!

Однимъ тономъ словъ и лиры онъ далъ трогательный образъ всѣмъ чужаго, всѣмъ покорнаго ребенка, стриженной, босой, въ грязной сорочкѣ и старенькой плахтѣ дѣвочки. Она долго опускала заплаканные глазки, долго надѣялась терпѣніемъ и непосильнымъ трудомъ снискать милость мачехи — но напрасно: даже родной отецъ, рабъ этой безжалостной, хозяйственной женщины, избѣгалъ глядѣть на свою сироту, боялся хотя бы словомъ вступить за нее. А ужъ если родному отцу въ тягость собственное дитя, то гдѣ-же правда, гдѣ справедливость, гдѣ состраданіе? Ихъ надо искать по свѣту, по міру, паче же всего гдѣ-то тамъ, куда скрылась мать, единственный нескудѣющій источникъ нѣжности. — И, опять со вздоха возвышая свой грудной голосъ, опять усиливая звенящій тонъ лиры, Родионъ продолжалъ:

— Ой, пишла сыритка темными лугами, — вмывается сыритка дрибными слъозами. Не могла сыритка мачуси вгодыти, — ой, пишла сыритка по свиту блудыти: по свиту блукаты, матынки шукаты. . .

Сынъ народа, не отдѣляющаго земли отъ неба, онъ просто и кратко рассказалъ о страшной встрѣчѣ ея «въ темныхъ лугахъ», въ свѣтлые пасхальные дни, съ Самимъ воскресшимъ Гоподомъ:

— Тай зустривъ її Христось, ставъ її пытаты: «Куды йдешь, сыритка?» — «Матери шукаты.» — «Ой,

не йди, сыритка, бо далеко зайдешь, вже-жъ своей матинки й по викъ не знайдешь: бо твоя матинка на высокій гори, тило спочивае у смутному гроби. . .»

Съ великой нѣжностью, но все также просто передалъ онъ горькую «розмову» сироты съ матерью, — точнѣе говоря, съ «Янголемъ» (ангеломъ), отзывавшимся изъ могилы за усопшую:

— Ой, пишла сыритка на той гробъ рыдаты: чи не обизвется въ гробу ридна мати? Обизвався Янголь, якъ ридная маты, та й ставъ її стихо, словесно пыта-ти:

— Хто це гирко плаче
На моему гроби?
— Охъ, це я, матинка:
Прийми мене къ соби!
— Насыпано земли,
Що вже-жъ я не встану,
Слипилися очи,
Вже й на свить не гляну!
Охъ, якъ тяжко, важко
Каминня глодаты:
А ще тяжче, важче
Тебе къ соби взяты!
Нема тутъ, сыритка,
Ни исты, ни питы,
Тилько веливъ Господь
Въ сырій земли гныты!
Пишла бъ ты, сыритка,
Мачухи бъ просила:
Може бъ змылувалась —
Сорочку пошила. . .

И съ непередаваемой трогательностью отвѣтилъ ребенокъ Ангелу-матери:

— Я жь її просыла, я жь її годыла. А злая мачуха сорочки не шыла!

Какъ всѣ истинные художники, Родіонъ сердцемъ зналъ, когда надо сказать, когда помолчать. Сказавъ послѣднія слова, онъ смолкъ, опустилъ незрячія очи, наслаждаясь горькими и счастливыми вздохами своихъ слушательницъ. А наслаждавшись, вдругъ грозно и радостно возвысилъ голосъ и развернулъ уже иныя картины — картины Христова суда, Его возмездія:

— Посылае Христось-Богъ Янголивъ отъ Себе, — сказалъ онъ торжественно, чистымъ и звонкимъ голосомъ: — возьми ту сыритку до яснаго неба! Посыдишь сыритку у свитлому раю, у Господа-Бога, у чести и славы!

И со скрежетомъ и звономъ лиры далеко разлилъ свой зазвенѣвшій отъ радостнаго гнѣва плачь:

Посылае Богъ зъ пекла
По злую мачуху,
По злую мачуху
И по її духу:
— Злитайтесь, пекельни,
Изъ ливого боку,
А тягнить мачуху
Зализнімъ гакомъ!
Пиднимить мачуху
У гору високо,
Закыньте мачуху
У пекло глубоко!

Кончивъ, онъ опять помолчалъ и твердо сказалъ обычнымъ голосомъ, безъ лиры:

— Слушайте жъ, люде: хто сироты мае, нехай доглядае, на путь наставляе.

И сказавъ, уже не нарушилъ молчанія ни единымъ добавленіемъ. Только долго покрывалъ сказанное однообразнымъ нытьемъ, ропотомъ лиры, какъ бы смягчая силу впечатлѣнія.

Актеръ спалъ, прислонясь къ скамейкѣ. Выходила большая теплая луна, видно было лицо, грустное во снѣ. Тускло золотились подъ луной дальнія чащи черныхъ камышей. Широкой золотой столбъ погружался въ зеркальную глубину между ними, и жабы, чувствуя лунный свѣтъ, начали сладострастно, изнемогая, стонать въ нихъ, похохатывать. Слѣдуя изгибамъ затоновъ, «Олегъ», поворачивалъ; и тянуло то тепломъ, то сыростью, гнилью — весною, плавнями. Только крупные лучистыя звѣзды остались въ небѣ, и дымъ изъ трубы поднимался прямѣе, выше. . .

А записывалъ я стихъ про сироту въ Никополѣ, въ жаркій полдень, среди многолюднаго базара, среди телѣгъ и воловъ, запаха ихъ помета и сѣна, сидя вмѣстѣ съ Родіономъ прямо на землѣ. Диктовалъ Родіонъ ласково и снисходительно, повторяя одно и то же по нѣскольکو разъ, и порою останавливался, сдерживая легкую досаду, когда я ошибался, порою поощрялъ меня, какъ старательнаго, но малоспособнаго ученика. А чѣмъ я былъ виновать? Нѣкоторые стихи онъ говорилъ то такъ, то сякъ, кое-что улучшая по своему вкусу.

Когда мы кончили, онъ долго что-то додумывалъ, и солнце пекло его непокрытую голову, его незрячее, ничего не выражающее лицо. Потомъ съ тонкой улыбкой

намекнулъ на счетъ корчмы. Я положилъ въ его ладонь нѣсколько пятаконъ. Онъ быстро зажалъ ихъ своими цѣпкими пальцами, быстро приподнялся, сунувъ лиру подъ мышку, и, поймавъ мою руку, радостно и осторожно поцѣловалъ ее.

Капри. 28. II. 1913.

ЕРМИЛЬ

Въ нашихъ мѣстахъ есть довольно большой лѣсъ, который зовутъ Островами. Вотъ что случилось въ немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Святкахъ, когда караулилъ его нѣкто Ермилъ, малорослый, коротконогій, морщинистый мужичишка.

Лѣсъ отъ села недалеко. Когда нѣтъ ни мятели, ни поземки, онъ виденъ съ гуменъ; блѣдно сѣрѣютъ поля, склоняется къ горизонту низкое небо, надъ горизонтомъ виситъ сумрачная полоса тумана, а подъ нею залегаетъ синеватая полоса лѣса. Но кажется она далекой — какъ все зимою. Если же поселиться среди этихъ волчьихъ и заячьихъ овраговъ, окруженныхъ лѣсными островами, въ старой избѣ среди рыжихъ дубковъ и кустарниковъ, торчащихъ изъ бѣлыхъ пушистыхъ сугробовъ, то съ непривычки будешь чувствовать себя за сто верстъ отъ людей. А Ермилъ былъ къ лѣсу не привыченъ: нанимался онъ все по селамъ, служилъ много лѣтъ при водокачкѣ на станціи, стоялъ при бардѣ на винокурнѣ.

Какъ многіе изъ тѣхъ, что никогда не видали добра ни отъ начальника, ни отъ ближняго, онъ давно мечталъ быть отъ людей подальше. Они его не любили,

онъ ихъ чуждался. Они имъ помыкали, думая, что онъ дуракъ и безотвѣтный. Онъ же, помалкивая, копилъ въ себѣ утѣху — злое сознание, что далеко не такъ онъ простъ, какъ думаютъ. Онъ внушилъ себѣ, что всѣ ему лиходѣи, и жилъ, надвинувъ шапку на глаза, но сторожко. Переселяясь въ лѣсъ, онъ гадалъ пожить хоть одну зиму спокойно.

Былъ онъ, какъ большинство мужиковъ, трусливъ. Но однажды на споръ сходилъ въ полночь въ овинъ и увѣрился, что ему все ни по чемъ. Увѣренно переселился онъ въ самое глухое осеннее время и въ лѣсъ. Но оказалось, что онъ даже и представить себѣ не могъ, до чего жутка лѣсная жизнь. Ухъ, какъ зловѣще шумѣлъ невидимый лѣсъ въ тѣ черныя, непроглядныя ночи, когда пошли ноябрьскіе дожди, когда стали они лить по ночамъ безъ перерыва, когда, какъ говорится, хоть кричи, не докричишься ни души, когда въ поляхъ только вѣтеръ, черныя пашни, пустыя дороги да непробуднымъ сномъ умершія деревни! Въ безграничномъ морѣ тьмы чувствовалъ онъ себя и спалъ тревожно, при лучинѣ, часто просыпаясь. Мечталъ онъ, бывало: будетъ у меня въ рукахъ дубинка, буду въ темныя ночи похаживать по лѣсу — и ужъ только попадись мнѣ тогда воръ, грабитель! Но оказалось, что въ такія ночи и за избу-то выйти не возьмешь свѣта бѣлаго.

День тоже не радовалъ: и днемъ было темно отъ тучъ, и днемъ лилъ дождь на лѣсъ, на лужи — нельзя было на порогъ показаться. «А придетъ зима, пойдутъ святошныя вьюги — и совсѣмъ хоть пропадай!» — думалъ Ермилъ, валяясь послѣ обѣда на нарахъ, поджидая новой долгой ночи. Иногда онъ садился, собиралъ

ся приняться за лапти, да только все глядѣль и глядѣль въ окошечко на мокрый кустарникъ, на тучи. Онѣ къ ночи стужались. Нагоняя тьму, разыгрывалась буря. Ермилъ слѣзалъ съ нарѣ, открывалъ печку, вынималъ пукъ лучинѣ, искалъ спичекъ по печуркамъ. А пока возился, выбирая лучину посуше, и совсѣмъ смеркалось. А когда лучина разгоралась и онѣ втыкалъ ее въ свѣтецъ, окошечко было уже черно. Онѣ опять ложился — и, пользуясь мертвой тишиной и свѣтомъ, на самую середину избы выбѣгала сѣдая тощая крыса, жившая подъ печкой. Въ лѣсу же, въ его мелочахъ, въ непролазныхъ чащахъ по оврагамъ, были волчьи притоны. Въ самую полуночную пору не разъ, съ визгомъ, съ захлебывающимся лаемъ, кидались въ глубину сѣней собаки, ночевавшія у порога. Схвативъ свою тяжелую, ржавую одностволку, шальной отъ сна при дымщей лучинѣ, крича, выскакивалъ Ермилъ въ сѣни — и сколько огненно-зеленыхъ глазъ разсыпалось передъ нимъ въ черной тьмѣ кустарниковъ, по скату оврага! Съ бьющимся сердцемъ, блѣдный, возвращался онѣ, впуская за собою грязныхъ собакъ, тотчасъ забывавшихся подъ лавку. Дымно, красно пылала лучина, роняя огненные искры въ лохань подъ свѣтцемъ, гоня дрожащія тѣни. Тяжко и глухо шумѣлъ обломный дождь. И Ермилъ бралъ рогачъ, подпояску, прикладывалъ рогачъ къ притолкамъ поперекъ двери, захлестывалъ подпояской и его и скобку, туго-натуго затягивалъ. . . Потомъ опять ложился на спину, въ шапкѣ, въ полушубкѣ, задиралъ тонкія короткія ноги въ огромныхъ лаптяхъ на свою укладку. Пронзительные желтые глаза его не моргали.

И вотъ пришла зима. Вѣтеръ повернулъ. Гнилыя

бури и ливни сдѣлали свое дѣло, раскрыли лѣсъ, дали студеному облачному небу свободно бѣлѣть сквозь него, оборвали листву и завалили ею, мокрой и ржавой, есъ овраги. Шель снѣгъ и таялъ. Но голый лѣсъ гудѣлъ уже туго, сурово, по-зимнему. И Ермилъ повеселѣлъ-было. Но не сровнялось и недѣли, какъ, обходя однажды верховье съ дубинкой въ рукѣ и одностволкой на плечѣ, слушая холодное, зимнее гуканье красногрудыхъ, раздувавшихся по вѣтру снѣгирей и шлепая лаптями по лѣснымъ ухабистымъ дорогамъ, полнымъ грязи и блѣднаго снѣга, между тѣмъ какъ собаки, по своей манерѣ, все бочкомъ, все забирая въ сторону, бѣжали впереди, за стволами, наткнулся онъ на страшное мѣсто: въ раскрытыхъ гудящихъ вершинахъ высоко висѣла и качалась на сукѣ высокаго дуба веревка, а на веревкѣ — оскаленная, до кости объѣденная муравьями собачья голова съ двумя-тремя позвонками перегнившей и разорвавшейся шеи. На землѣ же, у корней дуба, лежали ребра, клоки истлѣвшей бурой шерсти. И, раскапывая эти клоки дубинкой, Ермилъ долго, долго, до ряби въ глазахъ, и такъ и этакъ вглядывался въ нихъ, все стараясь сообразить: велика ли была собака, мужицкая ли, барская ли она, и кто и по какой причинѣ — со зла или для забавы — удавилъ ее. И вдругъ опустилъ дубинку, замеръ, скосилъ глаза въ переносицу: а что, если и его вотъ такъ-то удавятъ? Лѣсъ, глушь кругомъ, онъ одинъ, какъ перстъ, на всемъ свѣтѣ, жизнь его никому не дорога, о смерти его и узнать-то могутъ только черезъ мѣсяць и, узнавъ, не больно-то встревожатся, а тутъ идутъ праздники, Святки. Это время жуткое для человѣка, живущаго въ лѣсу, въ полѣ. Что же будетъ чувствовать онъ въ одиночествѣ,

когда придетъ оно: однѣ волчьи свадьбы чего стоятъ. А вѣдь и помимо того не Богъ вѣсть какъ просты вечера и ночи на Святкахъ. И лихіе люди пользуются этими ночами. Удавили же когда-то мужики лѣсника въ Дехтярномъ, чтобы натопить изъ покойника какихъ-то свѣчей колдовскихъ... У Ермила, какъ у стоящаго надъ пропастью, заныло, заломило въ ляжкахъ. Онъ повернулся и, надвигая шапку, поспѣшно, неловко, задѣвая за корни, зашагалъ назадъ.

Снѣгъ валилъ непроглядный, весь день. Къ вечеру пересталъ. Стало теплѣй, затихло. Ермилъ слазилъ на потолокъ, нашель возлѣ борова старыя лыжи, привязалъ къ нимъ новыя оборки и опять пошелъ къ дубу. Но снѣгъ былъ пушистъ, лыжи тонули, скользить на нихъ Ермилъ не умѣлъ, поминутно попадалъ одной лыжей на другую — измучился, извихлялся и вернулся къ избѣ. Вечерѣло. Все вокругъ глубоко покрыто было снѣгомъ. Сизо, съ розовымъ оттѣнкомъ бѣлѣлъ противоположный бугоръ въ мелкомъ чернолѣсѣ. «Кажись, опогодится, — подумалъ Ермилъ, мучимый страннымъ желаніемъ еще разъ поглядѣть на собачью голову. — Схожу завтра пѣшій.» Но опять поднялся ночью вѣтеръ — и опять на цѣлую недѣлю понесло снѣгомъ. Зима спѣшила — до Святокъ оставалось чуть. И Ермилъ сталъ готовиться къ нимъ.

Собачья голова не выходила у него изъ ума. Какъ только темнѣло, онъ крѣпко-накрѣпко связывалъ подпояской рогачъ и дверную скобку. Спалъ еще тревожнѣе. А чѣмъ свѣтъ онъ слѣзалъ съ печки, выпускалъ своего бѣлаго лохматаго кобеля, — сучка куда-то сбѣжала, если только не попалась на зубы волку, — шелъ по сугробамъ въ оврагъ, на прудъ; возвратясь,

затапливалъ, умывался, молился и принимался за работу — вѣрнѣе, за думы. Были онѣ нехороши, но онѣ все болѣе входилъ во вкусъ ихъ, сосредоточенно поддѣвая на деревяжкѣ лыко, постукивая кочетвыкомъ. Дымилъ, сипѣлъ, стрѣлялъ хворостъ въ печи. Сыро и тепло было въ избѣ. За окошечкомъ, на завалинкѣ, задомъ къ стеклу, сидѣлъ, застилъ кобель — наслаждался, зимнее отродье, тѣмъ, что его заноситъ снѣгомъ. А Ермилъ думалъ: какъ бы приучить его кидаться чужому человѣку прямо на горло; гдѣ бы достать волчій капканъ, чтобы къ святочной ночи положить его возлѣ порога, заровнявъ соломкой, снѣгомъ. . . Дни шли. Пора было обезопасить себя! Но какъ? Что выбрать изъ придуманнаго? Выбрать надо было то, что исполнимо, то, что вѣрнѣе и тверже всего. Поумнѣй злодѣя надо было оказаться! И страхъ Ермила таялъ, замѣняясь расчетливой злобой.

Въ избѣ все бѣлѣло, все свѣтлѣло отъ сугробовъ вокругъ. Лѣсъ порыжѣлъ, измельчалъ, день и ночь гудѣлъ въ зимней дремотѣ подъ сумрачнымъ небомъ. Непорочно-бѣлые наносы, въ которыхъ тонули его скрипучіе стволы и корявые кустарники, день и ночь росли, дымясь бѣлымъ дымомъ. За порогомъ насквозь прохватывалъ крутой сѣверный вѣтеръ. Весь въ снѣгу ворочался Ермилъ съ пруда. Скинувъ полушубокъ, затопивъ печку, березовымъ голикомъ подмахнувъ земляной полъ, онъ обмывалъ подъ своими густыми волосами, вѣчно грѣвшими его маленькій лобъ, свое морщинистое лицо водой съ ледяжками, обдергивалъ свою безсмѣнную посконную рубаху и становился на молитву, врозь раскинувъ носки сопрѣвшихъ лаптей. Щурясь, онъ устремлялъ пристальный, но невидящій взоръ

на дощечку въ углу, привычно шепталъ что-то и въ опредѣленные моменты съ размаху кланялся ей. Но думы его были не возлѣ Бога. Не о Немъ думалъ онъ и послѣ молитвы, сѣвъ за работу.

Онъ всю жизнь полагалъ, что вѣрить въ Бога, но только полагалъ. Темная сила — другое дѣло: въ нее онъ вѣрилъ, чувствовалъ ее крѣпко. Сколько ея не только въ мірѣ, но и въ человѣкѣ! Ермилъ клалъ лапотъ на колѣни и долго смотрѣлъ своими желтыми глазками въ полъ. Онъ вспоминалъ всю свою жизнь, съ тѣхъ дней, когда онъ по-людски женился, по-людски нанялся съ женой на барскій дворъ. Теперь ему пятьдесятъ, тогда было восемнадцать, но и тогда звали его корявымъ, короткимъ, а въ придачу къ тому, былъ онъ глупъ. Женили его на рябой, высокой; рябая была смѣла и распутна, и онъ всѣмъ рассказывалъ, какъ она ухитрилась провести его, оказаться невинной. Онъ искалъ сочувствія, а что же вышло? Его же ославили дуракомъ. Рябая любила мѣдныя и серебряныя кольца и скоро сошлась съ приказчикомъ. Онъ-было сунулся на него, защищая свою честь. Но какъ просто, при общемъ хохотѣ сбиль съ него приказчикъ шапку и прогналъ со двора долой! И примолкъ Ермилъ, затаился, покорился судьбѣ, понесъ, вдовцомъ, по чужимъ угламъ, камень за пазухой. . .

Случай, такіе, какъ въ Дехтярномъ, правда, рѣдки. Да чего не бываетъ! И, значить, пора подумать покрѣпче. Итти немедля въ село, какъ сгоряча хотѣлъ Ермилъ, просить помощи противъ лихихъ людей у старосты, урядника, добыть капканъ, вырыть яму — все это никуда не годилось, все это скоро стало казаться пустой затѣей: надо было похитрѣе выдумать. Порою,

въ спокойную минуту, думалось: ну, кто придетъ давить его! Но тутъ Ермилъ начиналъ разжигать себя. Кто — неизвѣстно, да въ злодѣяхъ недостатка нѣтъ. За что? А за то-то! Развѣ не сжили его со станціи, съ винокурни — и за то только, что онъ густоволосъ, морщинистъ, коротконогъ, за то, что молчить-то онъ молчить, а всѣхъ насквозь видитъ. Развѣ не собирались рабочіе то ноги переломать ему, то удушить его соннаго полушубками, то, какъ будто нечаянно, столкнуть въ горячую барду? Смирно шель онъ на Казанскую по селу, а развѣ не оралъ за нимъ пьяный сапожникъ, Ванька Махоръ, первый разбойникъ въ селѣ: «Погоди, погоди, я те подыму со лба волосы!» — Нѣтъ, видно, никогда не откажется человѣкъ искалѣчить, пришибить человѣка, если только съ рукъ сойдетъ. Глянь, какъ рветъ, молотитъ мужикъ вора, стащившаго клокъ соломы. Клокъ не дорогъ, да вѣдь какъ такой случай упустить! За вора-то ничего не будетъ. И недаромъ, знать, пословица лежитъ: «Золь злодѣй, а ты позлѣй злодѣя окажись.»

Наконецъ все было обдуманно. Пора было дѣло дѣлать.

И прежде всего Ермилъ испробовалъ свою ржавую одностволку съ самодѣльнымъ прикладомъ. Онъ продулъ ее, пробилъ пистономъ, зарядилъ утиной дробью, крѣпко забилъ палкой, вышелъ изъ избы и съ часъ стоялъ среди острыхъ сугробовъ и дымныхъ вихрей, среди рыжаго, гудящаго лѣса, по колѣно въ бѣлѣйшемъ снѣгу, поджидая, не сядетъ ли гдѣ поблизости ворона. Вѣтромъ принесло ее наконецъ, глупую, каркающую, голодную. Проваливаясь въ наносы по-поясъ, согнувшись, падая, набивая стволъ снѣгомъ, Ермилъ пробрал-

ся къ тому дереву, на которомъ раскачивалась она, присѣлъ, положилъ стволъ на ближній сучокъ, долго водилъ мушкой по грязно-сѣрой, сутулой отъ карканья птицѣ, — наконецъ спустилъ курокъ. Его оглушило, ослѣпило, отдало въ плечо и въ щеку такъ крѣпко, что онъ свалился навзничь. Но тотчасъ же онъ вскочилъ и, вмѣстѣ съ яростно лаявшимъ кобелемъ, кинулся къ своей добычѣ: окровавленная, на клочки изорванная, она валялась, тонула въ рыхломъ снѣгу подъ тѣмъ же самымъ деревомъ, на которомъ, за мгновеніе передъ тѣмъ, хрипѣла, тужилась, качалась.

Затѣмъ онъ ловко выбилъ палкой кусочекъ стекла въ нижнемъ углу своего окошечка; попробовалъ всунуть въ него дуло одностволки и присѣсть на скамейку возлѣ самой лавки: дуло вошло отлично. Ночь будетъ, если и мутная отъ мятели, да все-таки видная, лунная, — это ужъ навѣрно. Вотъ и накидаетъ онъ на завалинку соломы, чтобы таилось въ ней торчащее изъ окна дуло: потомъ вернется въ избу, потушитъ огонь, прильнетъ къ стеклу и будетъ ждать — смотрѣть на тропинку, поднимающуюся по косогору противъ окна. Тотъ, кто будетъ итти по этой тропинкѣ, ничего не разсмотритъ въ окнѣ, прикрытомъ соломой. Самого же Ермила, сидящаго въ темной избѣ, — тѣмъ болѣе. . . А кто же именно итти-то будетъ? Теперь ужъ самому Ермилу приходилось выбирать. И, подумавъ еще маленько, онъ выбралъ.

Въ Сочельникъ онъ пошелъ въ село.

Теперь, послѣ цѣлыхъ двухъ недѣль размышленія объ одномъ и томъ же и подсчета всего того, чѣмъ весь вѣкъ радовали его люди, онъ совсѣмъ, казалось, освободился отъ страха. Онъ былъ возбужденъ, былъ

какъ во хмелю, слабости уже не чувствовалъ. Напротивъ. «Нѣтъ, постой, меня голой рукой не возьмешь!» — думалъ онъ. Теперь, если бы ему сказали, что никто къ нему не придетъ, онъ бы, кажется, молить сталъ о томъ. Съ дубинкой на плечѣ, ковылялъ онъ среди полей, тонувшихъ въ туманѣ вьюги, по чуть видной дорогѣ, къ невидному селу, гнулъ голову отъ снѣжныхъ вихрей и рѣшалъ, что именно надо сдѣлать, у кого побывать и что кому сказать въ селѣ.

Показались сквозь куру прутья лозняка по задворкамъ, по окраинамъ скудныхъ мужицкихъ гумень, забитыхъ, занесенныхъ. Скучно, дико было и въ селѣ, а все не то, что въ лѣсу. Въ лѣсу и снѣгъ-то куда бѣлѣе, пушистѣй, глубже, — не жилой это снѣгъ, звѣриный. . . Онъ прошелъ околицу, прошелъ мимо рѣдкихъ крестовъ, торчавшихъ изъ слоистаго сѣраго наста на погостѣ, вѣчно на юру обдуваемаго вѣтромъ, перекрестился на деревянную церковь, на рѣшатчатые окна алтаря, до половины прикрытыя сугробомъ. . . Дальше стало тише, теплѣй, свободнѣй. Онъ осунуль подпояску на самые кострецы, отвернулъ съ угловъ обледенѣвшій, затвердѣвшій воротъ армяка, пошевелилъ плечами въ толстыхъ низкахъ. . . Зачернѣли люди, вѣхавшіе въ кабакъ, въ лавку. Ермилъ не спѣша переступилъ порогъ ея, сталъ въ сторонкѣ, держа, какъ нищій, мѣшокъ въ лѣвой рукѣ, а дубинку въ правой, скромно дожидаясь очереди.

Мужики въ тулупахъ, въ полушубкахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, скрипѣли мерзлыми лаптями и валенками, входя, заворачивая полы, сморкаясь въ нихъ. Лавочникъ въ тонкой поддевкѣ, худой, съ чистой желтой кожей, съ большими кофейными глазами, съ длинной,

рѣдкой бородкой, похожій на угодника, доведшій свою молчаливую ловкость до щегольства, то перевертывалъ мѣрку съ мѣдными обручами въ подставляемые мѣшки, ссыпая туда пшено, то наливалъ, щедро перебивая, бутылки керосиномъ, то бросалъ свиныя середки на изсѣченный пенъ, взмахивалъ топоромъ и съ единого взмаха отрубалъ ровно столько розоваго мяса и мерзлаго сала, сколько требовалось, лишь для видимости прикидывая на ржавыхъ тарелкахъ вѣсовъ. Раздражающе пахло маринованными сельдями, ситцами, кругами хомутины, на видъ какъ бы копчеными. . . Ермилъ сдержанно поздоровался, побалакалъ кое съ кѣмъ, взялъ пшена, соли, спичекъ, кренделей; платя, нарочно показывалъ всѣмъ трехрублевыя бумажки. Потомъ сталъ говорить, ни къ кому не обращаясь, медленно пряча деньги и закуривая, хотя не курилъ никогда, — только затѣмъ, чтобы подольше побыть въ лавкѣ и пользоваться бесплатнымъ табакомъ, махоркой, насыпанной лавочникомъ въ коробку изъ-подъ килекъ для угощенія покупателей:

— А у васъ тутъ хорошо въ селѣ. . . Вамъ жисть. Не то, что мнѣ, въ лѣсу, въ глухомани. Вамъ Святки идутъ, веселье, пированье, а мнѣ — жуть. . . Я на это робокъ. . . Еще сдуру придетъ кто да убьетъ. Да что жъ! Небось, скажетъ, у него и деньжонки есть. . . Человѣкъ, молъ, скрытный, бережной. . . А не то, святошное дѣло, и такъ только — попугать вздумаетъ. . . А я и отъ того могу обезпокоиться. Я слабосилень. Старѣть сталъ. . .

— А ты вотъ брешь такъ-то побольше, накликай на себя, — сказалъ лавочникъ, протягивая щербатому, почернѣвшему курному старику пачку нюхательнаго табаку. — Брешь побольше. Народъ-то и разнесетъ.

Мужики подхватили:

— Вѣрно. Это ужъ извѣстно — только пусти слухъ по народу. . .

Ермилъ поглубже надвинулъ шапку, чтобы скрыть довольство. Постоялъ, дурацки разводя руками, и медленно вышелъ.

Заходилъ онъ и въ кабакъ. Выпилъ сотку, купилъ бутылку, глубоко запряталъ ее въ карманъ и опять поговорилъ съ народомъ, опять продѣлалъ то же самое.

А отъ кабака онъ пошелъ подъ гору, гдѣ жили духовные, шорникъ, коноваль, Ванька Махоръ. Смеркалось, синѣли снѣжныя сумерки, чернѣли подъ горой мѣщанскія избушки. У Ваньки избушка была всѣхъ меньше, всѣхъ ниже и грязнѣе. На вогнутой стѣнѣ ея, съ осыпающейся коркой глины, висѣла дощечка, на которой Махоръ нарисовалъ сапогъ, похожій на орудіе каменнаго вѣка, а вокругъ него — много желтыхъ и бѣлыхъ медалей. Въ темныхъ сѣняхъ Ермилъ нащупалъ скобку, обмотанную тряпкой, и рванулъ къ себѣ. Въ полутьмѣ, въ свинцовомъ полусвѣтѣ у мерзлаго и вѣчно мокраго, оттаивающаго окна, у лавки, заваленной кусочками кожи, инструментомъ, жестянками съ прокисшимъ клеемъ, согнувшись сидѣли самъ Махоръ и его подручный Мишка. Больная старуха спала за ситцевой занавѣской на нарахъ. И гнилью мѣщанскаго угла, и сапожнымъ товаромъ, и всячески воняло тутъ. Было скучно, тяжело отъ присутствія больного человѣка, спящаго въ сумерки, и отъ двухъ пестрыхъ куръ, тоже дремавшихъ возлѣ печки. Но чернявый Мишка бойко стучалъ молоткомъ по каблуку перевернутаго вверхъ подошвой и зажатаго въ колѣни сапога, одинъ

за однимъ вгонялъ въ него мелкіе деревянные гвоздики. А Махоръ поспѣшно, видимо, съ большой охотой, налаживалъ старую гармонію, вынималъ изъ снятой крышки мѣдныя планочки съ серебряными клапанами, попеременно прикладывалъ ихъ къ губамъ, безъ передышки тянулъ въ себя воздухъ — и клапаны дребезжали, пѣли, пищали. Было ему лѣтъ двадцать пять, но усовъ у него еще не было, лицо его было длинно, крупно и очень блѣдно, взглядъ, бараній, бѣлый, прямъ и нагль. Длинно, велико было и туловище его. Какъ неуклюже вихлялось оно, падая впередъ, когда Махоръ игралъ въ праздники съ мальчишками въ лодыжки! Какой дуракъ онъ былъ, какъ сцѣпливался онъ, верзила, спорить съ какимъ-нибудь соплякомъ и какъ гордъ, холоденъ и веселъ былъ, всѣхъ обыгравъ и уходя прочь!

И Ермилу на минуту стало очень страшно. Онъ переступилъ порогъ — и оба работавшіе подняли головы и, увидавъ его, расширили глаза отъ удивленія. Но онъ и тутъ не потерялся.

Стараясь хоть изрѣда встрѣчаться съ глазами Ваньки и казаться простодушнѣй, онъ, войдя, тотчасъ же заговорилъ о томъ, что вотъ былъ онъ въ селѣ, кое-что покупалъ, да и надумалъ забѣжать прицѣпиться, сколько, примѣрно, могутъ стоять сапоги.

— Головки? — отрывисто спросилъ Махоръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же. . . хворменные сапоги.

Махоръ поднялъ голову, и его бѣлые глаза холодно повеселѣли:

— Это кому же?

— А хоть бы и мнѣ, — сказалъ Ермилъ. — Что жъ, ай я и этого не нажилъ себѣ за всю свою службу?

— Франтъ тоже! — сказалъ Махоръ, оглядывая его. — Да тебѣ околѣвать пора. Ай погодить хочешь? Мишка улыбался ядовито, съ любопытствомъ.

Ермилъ сощурилъ глаза и изъ-подъ волосъ покосился на сапожника. «Не околѣй ты прежде!» — подумалъ онъ. И съ притворной развязностью отвѣтилъ:

— Помри ты нынче, а я завтра. Ты про сапоги-то говори. А не хочешь — я къ Кострецу, къ хроному, пойду. Миѣ, братъ, шесть цѣлковыхъ не деньги. . .

— А! Вонъ оно что! — свистнулъ Махоръ.

Онъ въ упоръ посматрѣлъ на Ермила и, уже совсѣмъ, какъ разбойникъ, не скрывающій своихъ мыслей, спросилъ:

— Значить, у тебя, правда, есть деньги?

Ермилъ дрогнулъ отъ этого взгляда и поспѣшно забормоталъ:

— Что ты, что ты. . . Какія у меня деньги? Откуда онѣ у меня? Вотъ такъ-то болтаютъ, плетутъ. . . А я сижу ни живъ ни мертвъ въ лѣсу. . . По ночамъ не сплю. . . Кто и поугатъ просто вздумаетъ, и то навѣкъ не чедовѣкомъ сдѣлаетъ. . .

— Родимчикъ приключится? — сказалъ Махоръ.

— А ты что жъ думаешь? — подхватилъ Ермилъ.

— Время святошное. . . Кто-нибудь шутку вздумаетъ, полушубокъ для смѣху вывернетъ, да подъ окно, а миѣ и каюкъ. . .

— А! — опять сказалъ Махоръ, но уже равнодушно. — Значить, ты просто пофорсить пришелъ, побрехать. . . А я-то, дуракъ, съ тобой зубы чешу.

И опять наклонился къ гармоніи. Но вдругъ загоготалъ и подмигнулъ Мишкѣ.

— Чего ты? — торопко спросилъ Ермилъ.

— А то чего же! — отвѣтилъ Махоръ весело и загадочно.

Ермилъ посидѣлъ еще минуту, чтобы не замѣтили его торжества, — онъ понялъ этотъ хохотъ, онъ уже не сомнѣвался теперь, что Ванька придетъ въ вывернутомъ полушубкѣ, — и, сославшись на то, что припоздалъ, наобѣщавъ непременно договориться «какъ-нибудь на гулянкахъ» о сапогахъ, вышелъ вонъ, пока Махоръ зажигалъ лампочку. Была уже ночь. Мерзлые помой у порога тускло блестѣли. Высоко, надъ самой головой, ныряли и сіяли въ волнистыхъ облакахъ луна и какая-то яркая звѣзда. Сіялъ порою и крестъ церкви, когда быстро шель мимо нея Ермилъ.

Пришелъ онъ домой поздно. Кобель сидѣлъ у избы, противъ луны, ждалъ его. Дружно и быстро вошли они въ избу и тотчасъ же, не зажигая огня, легли спать. Спали крѣпко, но оба видѣли путанные яркіе сны. Кобель нылъ, вскакивалъ. Ермилъ проснулся среди ночи. Лунный свѣтъ бѣлѣлъ пятномъ, какъ разъ посреди избы, на земляномъ полу. На лавкѣ сидѣлъ блѣдно-зеленый, сквозной старикъ, въ длинной рубахѣ, съ гробовымъ вѣнчикомъ на лбу — покойникъ-батюшка. Ермилъ подошелъ къ нему и усмѣхнулся.

— Батюшка? Ты зачѣмъ? — спросилъ онъ. — Я теперь тебя не боюсь.

Покойникъ, улыбаясь, поднялъ слабую руку и легонько перекрестилъ его:

— Спи, Господь съ тобой. Злыхъ людей бойся.

И Ермилъ проснулся и увидалъ, что и не думалъ онъ слѣзть, подходитъ къ лавкѣ, а лежитъ, какъ лежалъ. Но еще много разъ казалось ему, что онъ просыпается, пробуетъ, крѣпко ли привязанъ рогачъ къ

двери, вздуваетъ лучину, вынимаетъ похлебку изъ печи и ѣстъ: забылъ поужинать, придя изъ села. . .

Проспалъ онъ и весь слѣдующій день, не топилъ даже. Передъ вечеромъ всталъ, поѣлъ вчерашней, кислой похлебки и, помолившись, сталъ заряжать ружье. Было уже темно, но огня онъ не вздувалъ. Руки тряслись, зарядъ казался то малъ, то великъ. Кобель стоялъ возлѣ и заглядывалъ ему въ глаза вопросительно, совсѣмъ по-человѣчьи.

Часовъ въ восемь онъ вышелъ на порогъ. Опять ныряла въ вышинѣ, въ облакахъ, луна, но была ночь мутнѣе, бѣлѣе, чѣмъ вчера: по кустамъ несло бѣлымъ, поземкой.

Потомъ онъ долго, не шевелясь, не дыша, сидѣлъ на лавкѣ возлѣ окна, въ крѣпко запертой полутемной избѣ. И вдругъ — насторожился. Тихо, тихо приподнялся и прильнулъ къ стеклу: въ бѣлесой мути, блѣдно озаряемой луной, на тропинкѣ среди кустарника, точно мукой осыпаннаго, чернѣли двѣ поднимавшіяся изъ-подъ горы фигуры. Впереди была та, что повыше. . . И не прошло и минуты, какъ она надвинулась на завалинку, затемнила свѣтъ и уже хотѣла было тоже прильнуть къ окошечку, какъ Ермилъ оглушительно, какъ изъ пушки, выстрѣлилъ.

Мишка кинулся, свалился назадъ, подъ гору. Махоръ остался на мѣстѣ. Ермилъ, выскочивъ изъ избы за неистово лаявшимъ кобелемъ, наклонился надъ лежащимъ ничкомъ большимъ человѣкомъ съ нарисованными углемъ усами, въ вывернутомъ тулупѣ. Снѣгъ подъ животомъ его былъ окровавленъ. . .

А черезъ три мѣсяца послѣ этого Ермила ввели въ залу суда. И онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное

впечатлѣніе. Войдя, онъ долго крестился на золотой образъ въ углу, отвѣсилъ низкій поклонъ судьямъ. Вызванный, онъ всталъ твердо, разобралъ густые волосы на потѣющемъ лбу, откинулъ голову, отвѣчалъ точно, охотно, щурясь добродушно, съ хитрецою, по-стариковски, и къ каждому слову прибавлялъ:

— Господа-начальники, судьи праведные. . .

Ему, видимо, нравилось, что собралось столько народа для него, что въ залѣ сидятъ барыни, купцы въ сюртукахъ, что на столѣ сукно съ бахромой, за столомъ мундиры, а у золотого образа горитъ красная лампадка. Онъ говорилъ:

— Мой великій грѣхъ, господа-начальники, судьи милостивые. Злые люди загубить хотѣли, а я того весь вѣкъ ждалъ.

— Но вѣдь они съ гармониками шли, — возражали ему.

— Бѣсъ и губить да трубить, играетъ, козлякаетъ. А на умѣ у него никто не былъ. Казните меня тюрьмой-каторгой. . .

Въ монастырѣ, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе, не было человѣка работающаго его: какъ чисто мель онъ дворъ, какъ ловко кололъ дрова, какъ усердно таскалъ воду въ братскую кухню!

И монахамъ понравился онъ. Съ ними и остался, отбывъ покаяніе, — «прижился къ Богу». Но въ монахи постричься не пожелалъ:

— Нѣтъ, я дюже преступный, — говорилъ онъ съ удовольствіемъ.

Капри. 27. XII. 1912.

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХЪ

Лукьянъ Степановъ прїѣхалъ въ свѣтлый сентябрьскій день въ Галино, къ помѣщицѣ Никулиной. До его хутора версть пятнадцать, лошадыми онъ дорожитъ, какъ зѣницей ока. Значитъ, прїѣхалъ онъ по важному дѣлу.

Гнѣдой жеребецъ, сверкая глазами, тяжело влетѣлъ во дворъ, къ сараю, гдѣ еще до сихъ поръ слѣзаютъ тѣ, что не рѣшаются слѣзать у крыльца. Лукьянъ Степановъ сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ, на голой доскѣ.

— Что же это вы Лукьянъ Степановъ, безъ подушки-то? — смѣясь, спросилъ его лицеистъ Сева, шедшій отъ конюшни.

— Погоди, расскажу, — отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, привязывая жеребца къ телѣгѣ безъ передковъ.

Сева сталъ годить. Привязывалъ Лукьянъ Степановъ долго, основательно. Привязавъ, высморкался на землю, вытерся полою и, наконецъ, отвѣтилъ, протягивая руку:

— Вотъ оттого-то у вашего брата, господь, и нѣту ничего. Есть подушка — валяй ее и въ хвостъ и въ голову!

Взявъ съ дрожекъ мѣшочекъ, набитый чѣмъ-то тяжелымъ, онъ пошелъ къ дому — большой, толстый отъ одежды. На немъ была теплая поддевка, сверхъ поддевки бараній тулупъ, голова подъ шапкой повязана по ушамъ краснымъ платкомъ, ноги обуты въ тяжелые сапоги.

Сева опять засмѣялся и сказалъ:

— А тепло вы одѣты!

— Мнѣ, братъ, восемьдесятъ съ гакомъ, — отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ. — Доживи-ка до моего.

— Ну, ужъ и восемьдесятъ! Откуда вы столько набрали?

— Въ полѣ, братъ, набралъ.

— Ну, а уши-то вы зачѣмъ же завязали?

— Глухой быть не хочу — вотъ зачѣмъ. — Отчего вы, господа, глухіе-то всѣ? Вотъ отъ этого. Выскочилъ въ чемъ попало, надуло въ уши — и готовъ.

Вышла въ залъ хозяйка, ея старшій сынъ Мика, лысый, усатый, близорукій, и дочь Люлю — блѣдная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи въ пуховой платочекъ и неожиданно, притворно вздрагивающая. Хозяйка угощала бѣлымъ хлѣбомъ, наливала чаю, много говорила, дѣлая видъ, что очень осведомлена въ сельскомъ хозяйствѣ. Сева не спускалъ смѣющихся глазъ съ Лукьяна Степанова, съ его загорѣлаго лица и носа, который отъ загара лупился, былъ лиловый, въ золотистой шелухѣ. Мика, наклонясь къ столу, курилъ, сбрасывалъ пепель въ пепельницу въ видѣ ладони и каталъ хлѣбные шарики, что всегда раздражало хозяйку. Люлю сѣла съ ногами на диванъ, прижалась въ уголокъ, съежилась и, не моргая, глядѣла красивыми печальными глазами въ большой ротъ Лукьяна Сте-

панова: десны у него были розовыя, голыя, безъ единого зуба. Всѣхъ томила загадка: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? А ну какъ приторговываться къ имѣнію? Ахъ, если бы далъ Господь! Хозяйка очень тонко, какъ ей казалось, подводила разговоръ къ продажѣ имѣній, намекала на то, что, по нынѣшнимъ временамъ, и она охотно продала бы.

— Ахъ, Лукьянъ Степанычъ, съ нашимъ народомъ поневолю прйдешь къ заключенію, что банкъ-то самое надежное мѣсто для капитала!

Но Лукьянъ Степановъ говорилъ только о своихъ лошадяхъ, объ умолотѣ, очень охотно ѣлъ бѣлый хлѣбъ, деликатно бралъ ложечку варенья прямо изъ вазы, глубоко запуская ее въ ротъ, клалъ обратно и пилъ чай. Онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ хозяйку, изумлялся самымъ простымъ вещамъ, хлопалъ себя по колѣну — и опять говорилъ только о себѣ, не давая говорить хозяйкѣ. Сидѣлъ онъ въ разстегнутой поддевкѣ, подъ которой была линючая ситцевая рубашка, вытиралъ лысую голову и лицо платкомъ, снятымъ съ ушей. «Совсѣмъ еще здоровый мужикъ! — думали всѣ. — Только борода сѣдая, да и то не совсѣмъ, еще видно, что она была рыжая; есть, конечно, и въ глазахъ что-то тусклое, старческое, животъ провалился. . .» Наконецъ, онъ всталъ, принесъ изъ прихожей и развязалъ свой тяжелый мѣшочекъ, полный серебра вперемежку съ золотыми. Оказалось, что онъ пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы похвастаться. «Да это еще что! — сказалъ онъ. — Развѣ это деньги? Такъ, запродавъ овсишко, ну и взялъ маленько задатку. . .»

Вызвавъ удивленіе, зависть, почтеніе, онъ довольно и хитро засмѣялся, вѣрнѣе, засипѣлъ, открывая розо-

вый ротъ, поблагодарилъ за чай, за угощеніе и пошелъ одѣваться.

— Нѣтъ, пора, пора, — сказалъ онъ, хотя никто не оставлялъ его. — И такъ припоздалъ. Лучше на Покровъ еще прїѣду.

Всѣ были разочарованы и ушли, не дождавшись, пока онъ одѣнется. Въ прихожей остался одинъ Сева.

— Ну, вотъ вы, Лукьянъ Степанычъ, говорите, что вамъ восемьдесятъ съ гакомъ, — началъ онъ, садясь на коникъ. — Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

— погоди, расскажу, — отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, одѣваясь.

И опять ничего не рассказалъ. Повязавъ уши, надвинувъ шапку на самыя брови, туго и низко подтясавшись, онъ сталъ нанизывать на себя тулупъ. Справившись съ этимъ, онъ усталъ, задохнулся и тяжело сѣлъ рядомъ съ Севой.

— Смерти-то? — сказалъ онъ. — Кто же ее не боится? Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь что жъ исдѣлаешь? И умрешь, не откажешься... И богатства своего, братъ, съ собой не возьмешь!

— А вотъ, вы съ деньгами такъ-то ѣздите: не боитесь, что убьютъ, ограбятъ?

— Что я съ деньгами, того никто не знаетъ. А и узнаетъ, не догонитъ. Такого жеребца, какъ мой, у твоего дѣда на свадьбѣ не было.

Усѣвшись на дрожки верхомъ, Лукьянъ Степановъ шибко понесся со двора, но, миновавъ церковь, гумно, всѣхъ, кто могъ его видѣть, потянулея шагомъ. А въ накуренномъ залѣ долго стоялъ столбами свѣтъ предвечерняго солнца. Сева открылъ пианино, въ тысячный

разъ началъ Лунную сонату, изъ которой зналъ только первую страницу. Хозяйка съ грустнымъ и важнымъ лицомъ несправедливо обиженной, но покорной своей судьбѣ женщины занялась мытьемъ и вытираніемъ чайной посуды, брезгливо отдавъ горничной вазу съ вареньемъ, изъ которой ѣлъ Лукьянъ Степановъ:

— Выкиньте это и вымойте горячей водой.

Люлю встала съ болѣзненной гримасой: — ахъ, ужъ эти доморощенные музыканты! — и, выйдя изъ дому, медленно пошла по липовой аллеѣ, стараясь наступать на сухіе листья, золотые и розовые. «Осень, осыпаетъ весь мой бѣдный садъ!» — высокимъ голосомъ запѣла она. Но оборвала пѣсню на первыхъ словахъ, свернула на дорожку среди сиреневой заросли, сѣла на скамью и вдругъ зарыдала, подавляя рыданія, злобно закусывая край платка, чтобы не закричать отъ боли. Полоса яркаго вечерняго свѣта легла на сѣрый старый столъ возлѣ скамьи. Какая-то черноглазая птичка беззвучно слетѣла на вѣтку, съ вѣтки на столъ, туго, бочкомъ прыгнула раза два, съ любопытствомъ глядя на плачущую. На гумнѣ, куда, притворяясь хозяиномъ, шелъ Мика въ австрійской курткѣ и длинныхъ сапогахъ, ровно гудѣла молотилка. Ясный, равнодушный вечеръ былъ такъ тихъ, что она слышна была далеко въ полѣ — желтомъ, пустомъ, золотившемся шелковыми сѣтями паутины.

Черезъ нѣсколько дней подали къ крыльцу никулинскаго дома тройку. Кучеръ надѣлъ плисовую безрукавку, шелковую канареечную рубаху и шляпу въ павлиньихъ перьяхъ, барыня и барышня — трауръ: всегда есть какая-нибудь умершая дальняя родственница, а это вѣдь такъ удобно, если нѣтъ хорошихъ костюмовъ

для вагона. Спустивъ вуали, натягивая фильдекосовыя перчатки, они ласково и грустно прощались съ прислугой, принимая зонтики, накидки, рыжій пледъ покойнаго Никулина. Сева поѣхалъ верхомъ, на нервной худой кобылкѣ. До станціи всего двадцать верстъ, поѣздъ отходилъ въ семь, а выѣхали въ два. Можно было отстать. Сева отсталъ возлѣ хутора Лукьяна Степанова. Тройка скрылась въ степи, среди ржаныхъ жнивій; онъ повернулъ на перекопанную, заросшую полынью дорогу къ хутору.

Было жарко, вокругъ блестѣла сухая вспаханная земля на картофельныхъ обобранныхъ поляхъ. Вдали серебрились тополя. Навстрѣчу шелъ по пыли бѣлый толстый мальчикъ, лѣтъ трехъ, въ грязной рубашечкѣ, въ большомъ картузѣ, похожій на старичка, — шелъ, положивъ голову на плечо, неизвѣстно куда. «Заблудится, зайдетъ къ чорту на кулички», — подумалъ Сева, смѣясь.

Былъ праздникъ, послѣобѣденное время — хуторъ казался необитаемымъ. Вотъ плетень и въѣздъ въ широкій дворъ. На дворѣ — телѣги, сорокаведерное каменное корыто, журавль давно высохшаго колодца, тѣнь отъ старыхъ амбаровъ подъ сизой соломенной крышей съ навѣсомъ. Нарушая видъ степного мужицкаго гнѣзда, бѣлѣетъ за амбарами еще некрашенная желѣзная крыша новаго мѣщанскаго дома на высокомъ фундаментѣ. Дальше — какой-то черный исполинскій шалашъ, возлѣ котораго виситъ на шесть дошлый ястребъ. Впереди — мелкій прудъ, сверкающій на солнцѣ, глиняные берега въ гусиномъ пуху. А по другую сторону двора — развалины варка, стариннаго, еще тѣхъ временъ, когда хуторъ принадлежалъ барону Ачкасову: камен-

ныя крѣпостныя стѣны, голый остовъ несокрушимыхъ стропиль. Всѣ ворота настезь — виденъ навозъ, слежавшійся, спекшійся, выросшій за многіе годы подъ самые переметы.

Лукьянъ Степановъ одиноко и величаво стоялъ среди двора, безъ шапки, въ лиловой рубахѣ, опираясь на рогачъ. Невдалекѣ тихо сидѣлъ въ ведрѣ, забитый въ него, закутанный въ попонку, блѣдный ребенокъ въ чепчикѣ. Другой, въ продранной на тугомъ животѣ рубахѣ, криво и старательно заносилъ полную ножку, взбираясь на каменное крыльцо амбара. А вокругъ все было усѣянno спящими: одной семьи у Лукьяна Степанова шестнадцать человѣкъ, да еще гости, кумъ съ женой, пріѣхали. Всѣ ошалѣли, ослабѣли послѣ обѣда, повалились гдѣ-попало и заснули. Одинъ Лукьянъ Степановъ не сдался: былъ еще во хмелю, красенъ, но стоялъ, стерегъ свои владѣнія бодро.

Когда Сева вѣхалъ во дворъ, Лукьянъ Степановъ, не спѣша, подошелъ, подалъ руку и осмотрѣлъ запотѣвшую подъ сѣдломъ кобылку.

— Въ Москву за пѣснями? — спросилъ онъ съ усмѣшкой.

Подъ навѣсомъ амбаровъ сидѣли на цѣпяхъ овчарки. Онъ погрозилъ имъ. Возлѣ нихъ, въ тѣни, крѣпко спалъ на спинѣ кумъ, мужикъ съ черно-шелковой бородой. На солнцѣ, въ телѣгѣ — баба въ зеленомъ платьѣ и старшій сынъ Лукьяна Степанова, въ атласной синей рубахѣ, въ кованыхъ сапогахъ, съ выпущенными изъ-за голенищъ каемками шерстяныхъ чулокъ. Эти лежали ничкомъ, обнявшись. Прочіе спали прямо на травѣ. Бабы — прикрывшись отъ солнца фартуками, подолами.

— Яишинку? А? — спросилъ Лукьянъ Степановъ. Сева, смѣясь, отказался.

— Мы только-что отъ завтрака.

— Ну, чайку?

— Право, не хочется.

— А то ветчинки накрою?

— Нѣтъ, спасибо, ей-Богу, ничего не хочу. Да и на станцію боюсь опоздать.

— Значить, вѣрно — опять въ Москву?

— Да... Пора. Я и такъ пропустилъ уже много уроковъ.

— Жисть вамъ! — сказалъ Лукьянъ Степановъ, какъ бы съ завистью; но не скрывая и насмѣшки. — Урковъ! А я вотъ тысячъ на сорокъ имѣю, князь во князьяхъ, а все сижу. Въ Кіевъ и то не соберусь никакъ. А понужнѣй твоихъ урковъ. Пойдемъ, домъ покажу.

Возлѣ дома, на рвани ватнаго одѣяла, сушилось просо.

— Кшъ, пропасти на васъ нѣту! — сказалъ Лукьянъ Степановъ, махнувъ рогачемъ на высокихъ худыхъ цыплятъ, бѣгавшихъ по просу, и поднялся на крыльцо, вошелъ въ сѣни, дѣлившія домъ на двѣ половины. Половъ въ сѣняхъ еще не настилали: навалены были тутъ разсыпавшіяся колеса, разохшіяся кадушки, кирпичи; известка. Въ отворенныя двери глядѣли пустыя комнаты, кафельныя печки, мѣдные отдушники, стѣны въ голубенькихъ обояхъ.

Сева спросилъ, оглядываясь:

— А что же вы его не додѣлываете?

— Это кого? Домъ-то?

— Да.

— Капиталу, братъ, не хватаетъ. Это вѣдь у тебя одна забота — урки учить, задачи рѣшать да диктовку гнать.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? И не додѣльваете и не переходите. Вѣдь вы, говорятъ, подъ шалашомъ, въ землянкѣ живете?

— Она землянка, а лучше всякой избы, — сказалъ Лукьянъ Степановъ. — А не перехожу, это правда. Третій годъ не перехожу, оттого и не додѣльваю. Не етъ капиталъ, понятно, дѣло. Дай ребятенки пододутъ, выровняются.

— Какіе ребятенки?

— А внуки. Ихъ у меня числа нѣтъ. Пусти-ка ихъ! Живо всѣ шпалеры обдерутъ.

Въ задней комнатѣ, въ залѣ, какъ назвалъ ее Лукьянъ Степановъ, сидѣла на полу босая баба, миловидная, очень смиренная на видъ, и рубила косаремъ зеленую траву.

— Это кому же? — спросилъ Сева.

— Свиньямъ кушанье готовить, — сказалъ Лукьянъ Степановъ. — Пойдемъ. Тутъ жарко.

— А я все-таки избу вашу хотѣлъ бы посмотреть.

— И въ избу сведу.

Подъ громаднымъ, чернымъ отъ старости шалашомъ толстый потолокъ изъ бревенъ покрывалъ громадную землянку. Спустились внизъ по землянымъ стертымъ ступенькамъ. Внизу было мрачно, темно — свѣтъ проходилъ только въ два крошечныхъ окошечка подъ самымъ потолкомъ. Сева увидалъ нары человѣкъ на двадцать, опять-таки заваленныя старьемъ — попонами, лотками, ошметками лаптей, люльками; оглядѣлъ разсѣвшуюся кирпичную печь, полати, столъ, занимав-

шій чуть не половину избы, щербатые чугуны на мокромъ земляномъ полу возлѣ печки, — въ нихъ, въ водѣ съ золой, выпаривались портки и рубахи.

— Но это ужасно! — сказалъ онъ, смѣясь. — Какъ же вы тутъ живете! Вѣдь васъ шестнадцать человекъ. И цѣлую зиму спите всѣ вмѣстѣ. . .

— Ничего тутъ нѣту ужаснаго, — сказалъ Лукьянъ Степановъ, что-то внимательно оглядывая подъ печкой и вдругъ махнулъ рогачомъ: изъ-подъ печки, раздувая золу, вылетѣлъ больной облѣзлый голубь. — Ничего тутъ нѣту, братецъ ты мой, ужаснаго. Девять лѣтъ прожилъ, какъ дай тебѣ Богъ прожить. Ни разу не угорѣли. Диво, а не изба. А теплынь какая! Зимой прямо хоть рубаху скидавай. . . Мы, братъ, люди земляные.

— Но сыро, должно-быть, ужасно?

— Наладилъ! Сыро, это правда, дюже сыро. Пойдемъ свою охоту покажу.

«Охота» Лукьяна Степанова, его знаменитые на всю округу чернопѣгіе битюги помѣщались въ особомъ дворѣ, въ каменной, крытой тесомъ пристройкѣ къ новому дому. Отомкнули замки на высокихъ тесовыхъ воротахъ, вошли въ уютный квадратъ изъ денниковъ и амбарчиковъ съ крылечками и маленькими желѣзными дверками.

— Вотъ буду жить въ новомъ домѣ, проснусь такъ-то ночью, гляну, анъ мнѣ изъ залу все и видно, — сказалъ Лукьянъ Степановъ, показывая на окошечко, глядѣвшее изъ дома во дворъ. — Понялъ? Умно придумано? Истинно, какъ Адамъ въ раю, живу! Истинно, князь во князьяхъ.

Глаза его стали блестять. Денники тоже были на замкахъ. Отмыкая ихъ, онъ распахивалъ дверь, смѣло шель прямо къ заду лошади, оглаживалъ его и шель къ головѣ.

— Ты не ходи, не ходи! — кричалъ онъ изъ денника. — На порожекъ стой. На-смерть убьетъ! Меня только одного подпускають. . .

Страшныя траурныя лошади вздрагивали всей кожей, шарахались, храпѣли, косили огненными глазами. Гривы у нихъ были черныя, густыя, чуть не до земли. Раскормлены онъ были на удивленіе, до желобовъ на спинахъ и крупахъ.

— А? Что? Каково? — глухо кричалъ Лукьянъ Степановъ изъ темноты. — Видалъ? А то Москва-а. . . Болъ ста лѣтъ въ нашемъ роду этотъ самый заводъ, такой масти ни у кого во всей губерніи нѣту. Стану помирать, накажу цѣльную тройку запречь въ самую первую телѣгу, — тройкой гробъ помчатъ!

Потомъ, нагнувшись, переступилъ порогъ денничка, гдѣ стояла ладная жемчужная кобылка.

— А это моя любимица! Жемчужная лошадка называется. У, матушка! Любишь? Любишь? — Любить, чтобъ ей носикъ чесать, страсть любить, — сказалъ онъ съ восторгомъ, оборачиваясь къ гостю.

Все осмотрѣвъ и затворивъ, замкнувъ, онъ обрѣлъ самое прекрасное, ровное и ласковое расположеніе духа.

— погоди, дурачокъ, погоди, поспѣешь! — говорилъ онъ, удерживая Севу. — Пойдемъ чай пить. Ну, а не кочешь, давай такъ посидимъ, побалакаемъ. . .

Онъ сходилъ въ избу, принесъ скамью, сѣлъ; глу-

боко и довольно вздыхая, усадилъ Севу рядомъ съ собой.

— Эй, бабка! — закричалъ онъ на весь дворъ. — Старуха!

Толстая, сутулая старуха въ шерстяныхъ чулкахъ, въ очкахъ, съ паголенкомъ и спицами въ рукахъ, показала изъ-за шалаша.

— Княгиню-то мою еще не видалъ? — спросилъ Лукьянъ Степановъ, кивая на нее. — Заодно ужъ и ее погляди. Она у меня тоже при дѣлу. За избой сидитъ, макъ стережетъ.

Старуха подошла и низко поклонилась.

— Ну, какъ? — спросилъ Лукьянъ Степановъ. — Сидишь? Никого не видать?

— Пока, слава Богу, никого. Да вѣдь знаютъ, что есть карауль.

— Маку немножко для потѣхи посѣялъ, — сказалъ Лукьянъ Степановъ, обращаясь къ гостю. — Я этихъ тамъ маковъ, подсолнуховъ ни по чемъ не уважаю — для потѣхи только сѣю по малости, абы, абы ребятишкамъ хватило. Какъ сѣяли дѣды-прадѣды ржицу, такъ и намъ Богъ велѣлъ. Они только ее одные, матушку, знали, а цыгарки изъ трехрублевокъ вертели. Я, братецъ ты мой. . .

Старуха стояла и блестя мелькающими спицами, слушала, глядя исподлобья, изъ-за очковъ. Лукьянъ Степановъ слегка нахмурился.

— Ну, будя, послушала, — сказалъ онъ и махнулъ на нее рукой. — Что приглядываешься? На мнѣ узоръ нѣту. Ступай, ступай отцеда. . .

Вечерѣло. Галки, болтая, усаживались на рѣшетчатые колпаки на трубахъ новаго дома. Стали просыпаться

ся спавшіе. Одинъ за однимъ прошли мимо, на прудъ, умываться, сыновья Лукьяна Степанова, — угрюмые, густоволосые, крѣпкіе мужики. Ребенокъ, сидѣвшій въ ведрѣ, повалился вмѣстѣ съ ведромъ и кричалъ на весь дворъ. Сева простился. — «Ну, во святой часъ, — сказалъ Лукьянъ Степановъ: — подюжѣй учись», — и Сева, вскочивъ на свою нервную кобылку, поѣхалъ по плотинѣ пруда. Вечерняя прохлада и тишина сходили на степь. Воробьи осыпали горѣлую, голую лозинку на плотинѣ сплошнымъ трескомъ, вечернимъ, уютнымъ. Желтоватая жидкая вода кишѣла возлѣ плотины мельчайшими вшами. Умывшійся мужикъ сидѣлъ на глиняномъ берегу распояской, отражался подъ берегомъ и глядѣлъ на оранжевое солнце, садившееся за степью, за неоглядной равниной, въ молочно-голубомъ сухомъ туманѣ. Жнивья были лимонныя. Пастушонокъ, съ раздутой губой, въ бараньей шапкѣ, медленно гналъ по нимъ стадо овецъ. Онѣ двигались скопомъ, на ходу докармливаясь, съ шумомъ дыханія. Сева, отѣхавъ отъ хутора, взглянулъ на его миръ и уютъ съ завистью, ударилъ плеткой по лошади и понесся вскачъ, оставляя за собой столбъ пыли. Столбъ этотъ протянулся на версту и не опадалъ долго, долго, пока не стемнѣло. . .

Въ Москвѣ всю осень шли дожди. Мика не писалъ и не слалъ денегъ изъ деревни — опять съ любовницей связался. Мама хворала, — по крайней мѣрѣ, не принимали никого, говоря, что она хвораетъ. Принимали только одного Жедринскаго, стараго театрала, бритаго, очень полнаго, страдавшаго одышкой, славившагося своими остротами на весь городъ. Въ ноябрѣ Люлю, неожиданно для всѣхъ, вышла за него замужъ. Теперь уже валилъ снѣгъ, ночью вверхъ по Тверской одна за

одною неслись, гремя глухарями, тройки. Жедринскій, очень подружившійся съ Севой, какъ всегда проводилъ ночи съ компаніями въ Стрѣльнѣ и бралъ его съ собою. Куря на морозѣ сигару, сидя въ дохѣ между женою и маленькой знаменитой артисткой, Жедринскій все наклонялся къ ней и остротами вполголоса заставлялъ ее хохотать до упаду и бить его по рукамъ. Люлю, въ дорогихъ легкихъ мѣхахъ, въ средневѣковомъ бархатномъ беретѣ, печальными, молящими глазами, уткнувъ лицо въ муфту необыкновенной величины, смотрѣла на сидящаго напротивъ молоденькаго сумскаго офицера. Его сосѣдъ, знаменитый пѣвецъ, съ лицомъ екатерининскаго вельможи, стриженный въ скобку, по-мужицки, но въ цилиндрѣ и мѣдвѣжьей шубѣ, дѣлалъ лѣнивые, безстрастные глаза: ревновалъ. Люлю грустно думала:

— Я гадкая, гадкая. . .

Жизнь въ Стрѣльнѣ, у Яра только начиналась. Весело было входить туда, въ огни, тепло, блескъ зеркалъ, теплый воздухъ, пахнувшій сигарами, шампанскимъ и жареными рябчиками, отряхивать морозный снѣгъ съ мѣховъ, кидать ихъ на руки ловкихъ людей въ поддевахъ и помогать дамамъ, шуршащимъ шелкомъ юбокъ, покраснѣвшимъ и сіяющимъ съ мороза, разстегивать ботики!

А Лукьянъ Степановъ, мирно ночевавшій со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ и телятами въ теплой земляной берлогѣ, уже третій разъ просыпался въ эту пору и босой выходилъ наверхъ, на скрипучій снѣгъ, подъ черно-синее небо и звѣзды.

Капри. 30. XII. 1912.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ

Все было кончено: свели проданную скотину, увезли проданные экипажи, сбрую, мебель, настезь распахнули ворота варковъ и сараевъ, двери амбаровъ и конюшенъ: вездѣ было пусто, просторно, на дворѣ — хоть шаромъ покати.

Новый владѣлецъ, мѣщанинъ Ростовцевъ, извѣстилъ, что будетъ вечеромъ двадцатаго апрѣля. Въ тотъ же день, въ три часа, рѣшилъ уѣхать и Воейковъ; семью онъ отправилъ въ городъ еще двѣнадцатаго.

Изъ работниковъ осталось двое: солдатъ Петръ и Сашка. Они валялись по лавкамъ въ пустой кухнѣ, курили и то со смѣхомъ, то съ сожалѣніемъ говорили о прожившемся баринѣ. А онъ, одѣтый по-городскому, въ коричневой пиджачной парѣ и уланскомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, держа въ одной рукѣ костьль, въ другой табуретъ, ходилъ по дому. Какъ было свѣтло въ его нагихъ стѣнахъ! Растворяя двери изъ комнаты въ комнату, онъ влѣзалъ на табуретъ и задиралъ сверху внизъ засиженные мухами, отставшіе отъ стѣнъ обои: съ трескомъ и шумомъ падали на полъ огромные куски ихъ, съ исподу покрытые известкой и сухимъ клейстеромъ. Въ большой угловой комнатѣ обои были синіе

съ золотомъ. Они поблекли, выцвѣли, но много было на нихъ темныхъ овальныхъ кружковъ, квадратовъ: эта комната всегда была увѣшана дагеротипами и мелкими старинными гравюрами, а въ углу образами. Ободрать ее не удалось. Солнечный свѣтъ мягко проникалъ сквозь тонкія и тускляя, выгорѣвшія стекла четырехъ большихъ оконъ. Вспоминая дѣтство, проведенное здѣсь, Воейковъ ударилъ костылемъ въ одно окно, въ другое. . . Стекла съ звономъ посыпались на гнилые подоконники, на желтые восьмиугольники разохшагося паркета. Въ дыры потянуло мягкимъ весеннимъ вѣтромъ, стали видны сѣрые кусты сирени.

Сѣвъ на табуретъ, Воейковъ рѣшилъ додумать и послѣднее.

Онъ сидѣлъ долго, снявъ картузъ, опустивъ широкую голову, причесанную на косою рядъ по-старинному — справа налѣво, съ косицами на виски. Снова и снова вспомнились дѣды, прадеды, жившіе и умершіе въ этомъ домѣ, въ этой усадьбѣ; вспомнились чуть не всѣ имена борзыхъ, прославившихъ воейковскую охоту. . . Теперь захудалыхъ, обозображенныхъ голодомъ и старостью потомковъ ихъ осталось всего шесть штукъ. . . Они скоро поколѣютъ, конечно. . . Да, но не Гришкѣ же Ростовцеву оставить ихъ! Воейковъ поднялъ свое тяжелое смуглое лицо, все въ желчныхъ складкахъ и морщинахъ, съ черно-зелеными крашенными ушами. Темные глаза его блестѣли строго.

Надѣвъ картузъ, стуча костылемъ, онъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ черезъ дворъ въ кухню. На порогъ выскочилъ длинный Петръ.

— Гдѣ собаки? — спросилъ Воейковъ. . .

Петръ глянулъ въ сѣнцы, по двору, въ садъ. . .

— Да всѣ, кажись, дома.

— Ну, вотъ и отлично, — громко и твердо крикнулъ Воейковъ. — Всѣхъ удавить. Получишь по четвертаку за каждую.

И, закуривая толстую короткую папиросу въ дорогомъ прокопченомъ мундштукѣ, сѣлъ на ступени крыльца. Петръ скрылся въ кухню, удивилъ и обрадовалъ Сашку, быстро сообщивъ ему о рѣшеніи барина, нашель подъ лавкой веревку и снова вышелъ на порогъ, думая: съ какой начать?

Три пѣгихъ собаки лежали среди двора, на солнцѣ. Двѣ бѣлыхъ — въ тѣни, возлѣ сарая. Одна бѣжала отъ ельника по свѣтлой аллеѣ еще сквозного сада съ голыми зацвѣтающими яблонями, по розоватой весенней землѣ. Всѣ были стары, стара и эта — палевая сучка съ черными ушами, съ длинной сухой шерстью на тонкихъ жилистыхъ ногахъ. Петръ посвисталъ и похлопалъ себя по колѣнкѣ. Сучка направилась черезъ дворъ прямо къ нему, виляя густымъ загнутымъ хвостомъ, лизнула ему руку. Петръ накинулъ ей на шею веревку и, заскребая сапогами, побѣжалъ по двору къ саду. Схвативъ желѣзную лопатку, забытую въ углу сѣнецъ, коротконогій веселый Сашка побѣжалъ за нимъ.

Собака пошла сперва охотно. Но у воротъ сада вдругъ уперлась, взвилась и, завизжавъ, закувыркалась. Сашка на бѣгу поднялъ рогатый зелено-золотой яблоневый сукъ и нѣсколько разъ ударилъ ею по сухой спинѣ, оставляя на рогулькахъ лохмотья старой шерсти. Петръ бѣжалъ, держа веревку черезъ плечо и точно падая; собака, подскакивая, кидалась во всѣ стороны, рвалась назадъ, присѣдая и отматывая, отрывая себѣ

голову. Спавшія борзья очнулись и стаей бросились катать ее.

— Отрыжь! — грозно гаркнулъ Воейковъ, вскочивъ съ крыльца.

Сашка лопатой разогналъ ихъ. А на деснахъ сучки, яростно грызшей веревку, показалась кровь: давясь, она защемила языкъ. Въ боковой аллеѣ изъ кустовъ акаціи Петръ пошелъ тише: она внезапно изнемогла, перестала сопротивляться, похудѣла еще болѣе, уже шаталась, путая задними ногами, и отставила опустившійся хвостъ. Когда Петръ перекинулъ веревку черезъ толстую вѣтвь раскидистаго клена, засыхающаго на перекресткѣ двухъ дорожекъ, и, быстро повернувшись къ нему правымъ плечомъ, рванулъ ее внизъ, собака, вздернутая на дыбы, судорожно скорчивъ переднія лапы, сдѣлала усиліе удержаться на взрытой подъ кле-номъ землѣ, но повисла, едва касаясь ея. Черно-лиловый языкъ ея высунулся, обнажились въ гримасѣ коралловыя десны, дневной свѣтъ, отраженный въ потухающихъ глазахъ винограднаго цвѣта, сталъ тускнѣть.

— Теперь молчи, не вякай, — сказалъ Петръ, усвоившій себѣ манеру шутить сумрачно.

Сашка, напѣвая женскимъ голосомъ, рылъ яму среди голыхъ кустовъ, покрытыхъ блѣдно-зелеными зернами почекъ. Вдали, на старыхъ деревьяхъ въ низахъ сада, шумѣли грачи. Кругомъ пѣли скворцы, стрекотала сорока, солнце сушило слежавшуюся листву въ корняхъ кустовъ, а Сашка твердо и съ удовольствіемъ наступалъ на блестящую лопату, легко уходившую въ рыхлую синюю землю и рѣзавшую надвое жирныхъ малиновыхъ червей. Подошелъ Андрей, стерегшій свою

кобылу въ безхозяйномъ саду, молодой опрятный мужикъ съ деревни.

— За что такъ сказнили? — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Значить, такъ приказано, — отвѣтилъ Петръ, все еще державшій веревку черезъ плечо. — На прощанье, значить. Всѣхъ велѣлъ къ смерти предать. Чтобъ никому не доставались.

— Горюеть?

— Загорюешь! А ты, кажись, пристроился лошадей въ саду кормить? Смотри, — къ вечеру новый пріѣдетъ. У этого, братъ, не покормишь.

— Я къ вечеру сгоню, — сказалъ Андрей.

Онъ палкой приподнялъ подъ задъ собаку, — собака очнулась, зарычала, втягивая животъ, — и продолжалъ разсѣянно:

— А я тоже недавно собачонку удавилъ. Пристряла чья-то, живетъ недѣлю, другую, брехать не брешетъ. . . Я подумалъ, подумалъ, взялъ да и удавилъ.

— Собакъ что, и людей, какіе позамѣчательнѣе, и то много казнятъ, — сказалъ Петръ.

— А ты что жъ, видалъ?

— Видѣть я этого никакъ не могъ. Никого не допускаютъ: ближнимъ даже и то нельзя. Мнѣ солдаты рассказывали. Сдѣлаютъ съ ночи висѣльницу, а на разсвѣтъ приведутъ этого самого злодѣя, палачъ мѣшокъ ему на голову надѣнетъ и подыметъ на резиновомъ канатѣ. Докторъ подойдетъ, глянетъ и сейчасъ говоритъ, удавился или нѣтъ. . . Тутъ же подъ висѣльницей и могила.

— Такъ безъ гробовъ и валяютъ?

— А ты думалъ — подъ стекло?

— И такъ ни одинъ алхитекторъ не найдетъ, — сказалъ, смѣясь, изъ кустовъ Сашка.

Петръ бросилъ веревку, — собака упала и осталась въ сидячемъ положеніи, — и сталъ закуривать.

— А потомъ, значить, станокъ этотъ на иную мѣсто переносятъ? — спросилъ Андрей.

— Куда нужно, туда и переносятъ.

— А за что же ихъ казнятъ?

— Понятно, не за хорошее. За всякія разновѣрія, за начальство, за разбой. Не буянь, не воруй. . .

— А палачъ-то этотъ самый, онъ что жъ, жалованье получаетъ?

— А какъ же. И харчи, и одежду даютъ отличную.

— Смотри, отдышитъ, — пошутилъ Андрей и пошелъ къ лошади, трещавшей сушью въ чащу стараго вишенника.

— Небось, — сказалъ Петръ и крикнулъ Сашкѣ: — Готово, что ль?

Вмѣстѣ съ мраморными и желтыми, сухими и мокрыми листьями онъ потащилъ собаку къ ямѣ. Закидавъ яму землей, Сашка сталъ утаптывать ее, и влажная земля дышала подъ его сапогами.

— Ну, вѣчная память, — сказалъ онъ. — Намъ жить, поживать, тебѣ гнить.

И, вскинувъ лопату на плечо, пошелъ за Петромъ къ дому. Петръ на дворѣ остановился и, держа веревку за спиной, манилъ къ себѣ большого, уже сѣдвющаго кобеля Черкеса.

— Съ одной, Борисъ Борисычъ, управились, закопали, — весело крикнулъ Сашка Воейкову, все еще сидѣвшему на крыльцѣ.

— Чего ржешь, болванъ? — строго осадилъ его Воейковъ. — Какъ такъ закопали? Кто вамъ приказывалъ закапывать? Въ ельникъ, на елкахъ повѣсить всѣхъ и такъ и оставить. Слышишь?

— Слушаю, — отвѣтилъ Сашка и кинулся помогать Петру. — Ну, скорѣй, что ль! — крикнулъ онъ шопотомъ.

Къ тремъ часамъ покончили со всѣми собаками. Теперь старая усадьба, тихая, безлюдная, дремлющая подъ лаской теплаго апрѣльскаго солнца, была совершенно пуста. Возбужденные, уморившіеся работники шли по аллеѣ и считали, сколько имъ придется за работу.

— Ничего, отлично, — говорилъ Петръ съ сумрачной веселостью. — Полтора цѣлковыхъ. Будетъ намъ на поминки полный обѣдъ съ закуской.

Воейковъ, съ обнаженной головой, стоялъ у крыльца, крестился и кланялся дому.

— Прощайте, — строго сказалъ онъ, оборачивая свое энергичное темное лицо къ подошедшимъ. — Кончили?

— Кончили, — отвѣтили работники въ одинъ голосъ, снимая картузы.

— Получите.

Принимая деньги, Сашка поцѣловалъ его смуглую руку съ истончившимся обручальнымъ кольцомъ. Воейковъ, не мѣняя выраженія лица, обнялъ его и поцѣловалъ въ губы. Кивнулъ Петру. На мгновение глаза его перекосились, подернулись мутью. Но, надѣвъ картузъ, онъ сталъ еще строже и еще тверже сказалъ:

— Теперь можете итти. Я не велѣлъ Мирону заѣзжать за мной. Самъ къ нему зайду, отъ него и на стан-

цію поѣду. Я не телѣги стыжусь, а просто. . . не жалаю. . .

И пошелъ къ воротамъ не оборачиваясь.

Сашка сбѣгалъ въ лавку, и лавочникъ ржавымъ топоромъ отрубилъ ему на порогѣ кусокъ мокрой соленой свинины. Петръ поджидалъ его возлѣ винной лавки, на выгонѣ, близъ усадьбы. И, закусывая, они долго сидѣли на мелкой и яркой весенней травѣ. Вечеръ наступалъ розовый. Холодѣлъ воздухъ, и слышнѣе шумѣли, кричали грачи на старыхъ деревьяхъ въ сыроватыхъ низахъ сада. За сквозными верхушками ихъ уже сіяла небольшая ясная луна. А за рѣкой, въ золотомъ чистомъ блескѣ, садилось солнце, — и въ странно молчавшей усадьбѣ оранжево пламенѣли стекла настезь раствореннаго мертваго дома.

Ростовцевъ, съ приказчикомъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, пріѣхалъ поздно, когда деревня вся спала. Въ тишинѣ чуть звенѣла гайка на его колесѣ, когда онъ шагомъ вѣзжалъ на бывшій воейковскій дворъ. У крыльца онъ остановился и, съ трудомъ слѣзая, передалъ вожжи назадъ, приказчику. Приказчикъ поѣхалъ къ сараю отпрягать, а онъ, въ чуйкѣ и глубокомъ тепломъ картузѣ, разминая онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія ноги, вошелъ въ домъ. Поклонился и онъ дому, снимая картузъ и набожно роняя волосы на порогѣ полныхъ мутнаго луннаго свѣта комнатъ. Всюду были завалены драными обоями полы въ нихъ. Проходя комнату за комнатой, внимательно и уже похозяйски строго вглядываясь во всѣ углы, онъ отшвыривалъ шуршавшіе куски сапогомъ и, качая головою, съ искренней горечью, бормоталъ:

— Ахъ, мошенникъ! Ахъ, невѣжа!

Въ полусумракѣ казалось, что комнатамъ конца нѣтъ. Было жутко въ обезображенной пустотѣ ихъ, въ этомъ остовѣ разореннаго чужого гнѣзда, столько лѣтъ жившаго своей особой и для всѣхъ Ростовцевыхъ загадочной, недоступной жизнью. Ростовцевъ повернулъ назадъ, вышелъ, горбясь и хмурясь, на крыльцо и, волнуемый нетерпѣніемъ поскорѣе осмотрѣть все, теперь свое, собственное, пошелъ въ садъ, взглянулъ на цвѣтъ яблонь: очень онъ надѣялся на садъ въ этомъ году. Но при розовой лунѣ даже зоркіе глаза Ростовцева не могли отличить мелкаго блѣдо-розоваго цвѣта отъ нагихъ сучьевъ и почекъ. Онъ постоялъ, потянулъ носомъ, надѣясь взять обоняніемъ. Цвѣтомъ пахло, но слабо. Сильнѣй пахло холодной влажной землей, свѣжестью молодой травы. Въ глубокой тишинѣ четко и осторожно отдавалось по саду чоканье соловья, пробующаго въ низахъ голосъ. Ночь была нѣжная, свѣтлая, лунная, чуть туманная. Далеко сквозилъ садъ — и повернувшись къ ельнику, Ростовцевъ вдругъ почувствовалъ, какъ у него зашевелились подъ картузомъ волосы: на сумрачной чащѣ высокихъ густыхъ елей стояло пять длинныхъ блѣдно-голубыхъ привидѣній. Внѣ себя отъ страха, онъ двинулся на нихъ... А черезъ минуту уже шелъ назадъ и бормоталъ съ еще большей горечью:

— Ахъ, мошенникъ! Ахъ, невѣжа!

— Думалъ въ домѣ лечь, — нарочно громко, на весь дворъ, сказалъ онъ, выходя на середину двора. — Да ну ихъ къ черту. Тамъ жуть, безобразіе. Все ободралъ, старый дуракъ, собакъ всѣхъ повѣшалъ... Пойдемъ въ избу, авось наше дѣло не барское.

— Корысть не велика — громко и весело отвѣтилъ

приказчикъ, подходя къ нему. — Ужъ чего, чего, а собакъ-то наживемъ. . . Съ новосельемъ васъ, Григорій Кискентинычъ! — сказалъ онъ, снимая картузь и протягивая руку.

— Ну, будя, будя! — притворно-сердито отвѣтилъ Ростовцевъ. — Пойдемъ-ка спать. . .

Бросая на росистую траву двѣ тѣни, они пошли въ кухню. Тамъ, на лавкѣ, при лунномъ свѣтѣ, они закусили колбасой и бѣлымъ хлѣбомъ, отрывисто переговариваясь, и легли голова къ головѣ на лавкѣ возлѣ оконъ, положивъ вмѣсто подушекъ свернутыя чуйки. Нужно было встать пораньше, чтобы встрѣтить подводы изъ города и начать приводить усадьбу въ порядокъ.

Но отъ нетерпѣнія ночь казалась Ростовцеву безконечной. Онъ просыпался и съ тоской видѣлъ розовый лунный свѣтъ все на томъ же мѣстѣ — на своихъ голенищахъ. А засыпая, вздрагивалъ: стѣной вставала передъ нимъ черно-зеленая чаща ельника, а на ней, въ ея сторогомъ сумракѣ, — висящія собаки. Онъ повертывался съ боку на бокъ и сердито ухмылялся своему малодушію.

Капри. 1. II. 1913.

ЗАБОТА

Солнечный осенній вечеръ прохладенъ. Изъ-за дворовъ большого села, растянувшася по скатамъ къ лугамъ, къ родниковой рѣчкѣ, желтѣютъ изъ-за ригъ, зелени лозинъ и высокихъ коноплянниковъ новые ометы и скирды. Улица села въ тѣни, солнце опускается за дворами, за гумнами — и ярко краснѣютъ противъ него глинистые бугры по ту сторону луговъ, блеститъ на этихъ буграхъ стекло въ избѣ мельника.

Старикъ Авдей Забота, зажиточный мужикъ, собирается въ городъ.

Возлѣ его двора, на дорогѣ между дворомъ и пуньюкою, дремлетъ запряженная въ телѣгу сивая кобыла съ мелкими, врозь разставленными копытцами, съ большими рѣсницами, съ сѣрыми усами и большой шершавой нижней губой. Авдей курчавъ и сѣдъ, крупень и сумраченъ; на плоской спинѣ его, подъ линючей ситцевой рубашкой, выдаются лопатки. Онъ ходитъ возлѣ телѣги, набитой соломой, съ молоткомъ въ рукѣ, держитъ губами пучокъ гвоздей и ни на кого не смотритъ.

У него горе.

Онъ въ послѣдніе дни мучился думами: продавать

ли барана? Баранъ старъ, но продавать его не слѣдъ, не время. Продавать нужно было бы хлѣбъ. Осень погожая, урожай отличный, одна кладушка уже обмолочена, — только бы насыпать да въ городъ. Но цѣны на рожь, на овесъ стоятъ страшно низкія. Ни зерна нельзя продавать, какъ ни торопи нужда... Продумавъ недѣлю, Авдей рѣшилъ разстаться лучше съ бараномъ.

Но онъ постарѣлъ за эту недѣлю, осунулся и потемнѣлъ въ лицѣ. Взглядъ его твердъ и сумраченъ. Собирается онъ, ни на кого не глядя.

Дочь, въ нижней коленкоровой юбкѣ, безъ кофточ-ки, въ однихъ шерстяныхъ чулкахъ, раза два робко и быстро перебѣжала дорогу отъ избы къ пунькѣ. Она тоже собирается — на дѣвишникъ къ подругѣ, но боится отца, боится своей затаенной радости, своей беззаботности рядомъ съ его заботой, — старается проскользнуть незамѣтно. Братишка, пузатый мальчикъ, въ огромной старой шапкѣ, облизывая губы, развѣденныя соплями, долго хлопалъ, размахивалъ обрывкомъ кнута и падалъ среди дороги. Чтобы угодить отцу, она на бѣгу поймала его ледяную пухлую ручку и такимъ вихремъ умчала его въ избу, что онъ не успѣлъ даже крикнуть.

Старуха стоитъ на порогѣ и не сводитъ жалостныхъ глазъ съ Авдея. Она положила тонкую сѣрую руку на выдающійся животъ, а другую, подпирающую подбородокъ, поставила въ ея ладонь. Темная, морщинистая, зубастая, она имѣетъ видъ страдальческой. Панева ея коротка, ноги длинны и похожи на палки, ступни, потрескавшіяся отъ грязи, холода и цыпокъ, — на куриныя лапы. Животъ ея выдается, а спина гор-

бится отъ трудныхъ родовъ, отъ тяжелыхъ чугуновъ. Въ разрѣзъ ея рубахи, темной отъ золы, видны пале-
выя, тощія, повисшія, какъ у старой собаки, груди, а
межъ ними — большой мѣдный крестъ на засален-
номъ гайтанѣ.

Ее заботы сдѣлали за долгую жизнь страдалицей,
Авдея — нелюдимомъ.

Телѣга разохлась, растрепалась. Раскапывая стар-
новку въ ея ящикѣ, Авдей прибываетъ кое-гдѣ отстав-
шія планки. Дуетъ предвечерній вѣтеръ и задираетъ
сзади его рубаху, обнажаетъ желобокъ на широкой
сухой спинѣ, показываетъ тугой гашникъ, низко врѣ-
завшійся въ тѣло. Портки Авдея висятъ по-стариков-
ски — точно пустыя. Подошелъ кобель и сталъ обнюхи-
вать разбитые, блестящіе, только что помазанные дег-
темъ сапоги, въ опустившіяся голенища которыхъ за-
правлены эти портки. Авдей съ размаху ударилъ ко-
беля по боку молоткомъ.

— Полушубокъ вынеси, да хлѣбушка завяжи. —
сердито сказалъ онъ старухѣ.

Забивъ послѣдній гвоздь, сдвинувъ со лба шапку,
онъ рѣшительно пошелъ въ раскрытыя ворота унаво-
женнаго двора. Половина его была въ тѣни, половина
озарена золотистымъ свѣтомъ. Въ тѣневой половинѣ
куры усаживались на насѣсть, на переметь, поблѣв-
шій отъ ихъ известковаго помета, и заводили глаза.
Нахохлившись, сбились голуби подъ застрѣху въ уг-
лу. Они слабо заворковали, когда вошелъ Авдей. . .
Какъ радовали его всегда эти хозяйственные куры,
голуби, этотъ теплый дворъ, его глубокій навозъ, пле-
теныя изъ лозняка и обмазанныя коровьякомъ съ гли-
ной закутки! На старой телѣгѣ безъ передковъ, давно

загрязшей въ навозѣ, валялся обрывокъ. Взявъ его, Авдей направился къ закуткѣ, гдѣ взаперти сидѣлъ баранъ.

— Батюшка, мать спрашиваетъ: огурчика положить? — крикнула дѣвка, заглядывая въ ворота.

— А сама не знаетъ? — строго откликнулся Авдей. — Ай первый разъ?

За рѣшетчатой дверью закуты шуршала солома. Большой круторогій баранъ въ толстой, вьющейся дымчатой овчинѣ, съ удивленнымъ бараньимъ взглядомъ, съ бараньей щеголоватостью, ходилъ по соломѣ, мелко тряся жирнымъ хвостомъ. Быстро распахнувъ дверь, Авдей кинулся на барана всѣмъ тѣломъ, сбиль, повалилъ его и торопливо сталъ связывать обрывкомъ его тонкія ножки. Баранъ удивился еще болѣе, но не издалъ ни звука, только глаза выкатилъ. Авдей подѣлъ подъ связанный обрывокъ руку, натужился и, волоча барана спиной по навозу, потащилъ его за ворота, къ телѣгѣ. Баранъ, выкативъ бѣлые глаза, сдѣлавшись похожимъ на турка, мелко и быстро трясъ хвостомъ и лизалъ шершавымъ языкомъ руку Авдея. . .

Черезъ полчаса Авдей въ пути.

Медлительно скрипитъ, тянется съ горки на горку, проходитъ мимо избъ и пунекъ, то въ тѣни, то на солнцѣ, по-дорожному пахнувшая дегтемъ телѣга. Въ задкѣ ея лежитъ веревочный хрептугъ съ сѣномъ, въ передкѣ, на старновкѣ — связанный, спокойный баранъ. Авдей, въ полушубкѣ и глубоко надвинутой шапкѣ, съ кнутомъ подъ мышкой, съ трубкой въ зубахъ, изрѣдка пуская черезъ плечо сладкій, пахнуцій донникомъ дымъ, не спѣша, по-дорожному, шагаетъ за колесами.

Вотъ и крайняя изба, голый и широкій большакъ: тутъ поворотъ влѣво, на городъ. Съ неподвижно простертыми обломками крыльевъ стоитъ на немъ вѣтрякъ, какъ стоялъ онъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Авдей былъ еще ребенкомъ. Возлѣ беззаботно перекрикиваются, прыгаютъ на одной ножкѣ, играютъ въ лунки мальчишки. . . «Подождите, доиграетесь!» — думаетъ Авдей. Слюнявый, стриженный дурачокъ въ женской рубахѣ, похожій на чучело, ковыляетъ навстрѣчу, пучить глаза дурѣй барана. . . Авдей грустно усмѣхается: «Дуракамъ счастье, горя мало!»

Подъ скатомъ — мелкая рѣчка разливается широкимъ плесомъ по бѣлому щебню, кое-какъ перекинута мостъ на ту сторону. Плесъ ослѣпительно блеститъ; желто-каменистый подъемъ за нимъ весь въ зеркальныхъ веселыхъ разводахъ, въ мелденно переливающихся отраженіяхъ. По мосту ѣдутъ бездѣльники-охотники: высокая гнѣдая лошадь, бѣговья дрожки, на дрожкахъ, одинъ за другимъ, сидятъ верхомъ два человѣка, и торчатъ изъ-за спинъ два ружейныхъ ствола. Авдей тянетъ веревочную вожжу, останавливаетъ свою кобылку и ждетъ, пока переберутся по узкому и зыбкому мосту встрѣчные. Авдей глядитъ, но видитъ все, какъ во снѣ. Онъ отъ горя ко всему равнодушенъ — какъ больной.

Наконецъ перебрался и онъ черезъ мостъ. Поднялся на гору, спустился въ котловину и опять сталъ подниматься. . . Жесткая, выгорѣвшая за лѣто мурава ржаво краснѣетъ по каменистымъ переваламъ старой мертвой дороги. Этимъ переваламъ конца нѣтъ. До города верстъ двадцать пять, но онъ всегда, всю жизнь

казался Авдею очень далекимъ. Съ перевала на переваль поднимается, идетъ онъ, задумчиво глядя впередъ. Солнце сзади него, краснѣетъ, садится. Сіяніемъ окружена лежащая по муравѣ тѣнь Авдея, длинная тѣнь телѣги, лошади. Пусто кругомъ, далеко видно. Воронье безпріютно, по-осеннему ночуетъ на опушкѣ желтыхъ жнивій. На горизонтѣ рядъ телеграфныхъ столбовъ, уходящихъ въ безконечное поле. Алыми клубами бѣжитъ назадъ дымъ бѣгущаго товарнаго поѣзда — длинной цѣпи красныхъ вагоновъ. Авдей до сихъ поръ глядитъ на поѣзда непріязненно. Разъ въ жизни ѣхалъ и онъ по желѣзной дорогѣ. И закаялся: все время кружится голова, все время страшно...

Дойдя до желѣзной дороги, пересѣкающей большакъ, онъ ждетъ возлѣ переѣзда, закрытаго шлагбаумомъ. Непрiятно-рано, по-осеннему, зажгли огонь въ будкѣ.

Дальше — шоссе, самая скучная дорога на свѣтѣ...

Авдею шестьдесятъ семь лѣтъ: скоро умирать. Особой нужды онъ никогда не зналъ, отъ бѣдъ, несчастій Богъ его миловалъ.

— Расскажи что-нибудь интересное, что было въ твоей жизни, — сказалъ ему однажды молодой баринъ.

— У меня, слава Богу, ничего такого не было, — отвѣтилъ Авдей. — Вотъ семьдесятъ живу, а, благодарю Бога, интереснаго ничего не было.

Но заботы всю жизнь поѣдомъ-ѣли его. Жадень, говорили про него сосѣди побѣднѣй. — Да вѣдь тебѣ. побирушкѣ, хорошо говорить! — всегда со злобой думалъ въ отвѣтъ на это Авдей.

Солнце закатилось, дуетъ холодный вѣтеръ. Авдей

прикрываетъ барана соломой, надвигаетъ шапку по-
глубже, запускаетъ руки въ рукава и мѣрно шагаетъ
по краю шоссе за скрипящей телѣгой.

Широкій старческій носъ его сизѣетъ, стынетъ, вѣ-
теръ коситъ сѣдую бороду. Большія сѣрыя брови су-
рово сдвинуты, въ потухшихъ глазахъ — тоска.

Капри. 24. I. 1913.

БУДНИ

Казалось, что вѣчно будутъ стоять по горизонтамъ эти блѣдно-синѣющія тучки, подъ которыми сѣрѣли соломенные крыши, зеленѣли лозины и пестрѣли разноцвѣтныя клѣтки окрестныхъ полей. Юньскій день безъ солнца былъ особенно дологъ.

Поповъ сынъ, у котораго гостилъ семинаристъ Случевскій, возилъ съ попомъ навозъ. Ворота, возлѣ длинной бѣлой хаты, были открыты настежь. Двѣ испачканныхъ коричневой жижей телѣги, двѣ сытыхъ лошади стояли среди взрытаго двора на варкѣ. Поповъ сынъ ворочалъ за троицъ: глубоко поддѣвалъ вилами горячіе пласты и, поставивъ подъ вилы лѣвое колѣно, вздиралъ ихъ съ сочнымъ трескомъ. Попъ, черный, высокій человекъ, въ одной рубахѣ, въ розовыхъ подштанникахъ и мужицкихъ сапогахъ съ опустившимися голенищами, не отставалъ: бодро трясъ по плечамъ синими волосами, запуская въ навозъ вилы, и крѣпко шлепалъ по возу дымящимися ломтями, перевортывая ихъ. Выходили изъ воротъ и отецъ и сынъ съ потными лицами, но возбужденные, довольные предстоящимъ въ пути на-поле долгимъ отдыхомъ.

— Господинъ Шаляпинъ, присоединяйтесь-ка къ

намъ! — весело крикнулъ попъ семинаристу, идя за колесами, держа въ рукахъ веревочныя вожжи и развѣвая на ходу легкія полы незатегнутаго подрясника.

Семинаристъ, сидѣвшій на крыльцѣ, почувствовалъ въ этой шуткѣ фальшивую, корыстную ноту, однако, не сдался.

— Да вотъ та-то и бѣда, что Шаляпинъ, — отзывался онъ. — Запотѣешь, охватитъ вѣтромъ — и готовъ. Съ голосомъ, о. Петръ, нельзя шутить. А то бы я съ величайшимъ удовольствіемъ.

Семинаристъ, темноглазый юноша съ широкимъ, блѣднымъ и важнымъ лицомъ, смотрѣлъ на удаляющіяся телѣги, на сѣро-сиреневую дорогу и на потные, ржавые клоки, раскиданные по ней. Прошелъ мимо дьячокъ, пріостановился, пожаловался на свою судьбу и опять рассказалъ о своемъ покойномъ сынѣ. Огромныя, красно-лиловыя руки его, разбитыя старостью и пьянствомъ, лежали на костыль и все время ходили, шатали костыль. Огромныя дегтярныя сапоги глядѣли изъ-подъ коричневаго подрясника. Серебряная медаль на красной ленточкѣ украшала грудь. Лицо и крупный носъ были розовы, мясисты, въ рытвинахъ. Выпученные гноящіеся глаза, какъ всегда, плакали; темно-рыжіе волосы, заплетенные въ косу, жестко вились, какъ у старухъ-пьяницъ. А говорилъ дьячокъ однотонно, съ трудомъ выбивая каждый слогъ; каждый слогъ его дрожалъ, прыгалъ.

— Отцу Петру счастье! — говорилъ онъ. — У него помощникъ есть. А мой — лежитъ себѣ въ могилкѣ! Росъ — восхищаль всѣхъ. Бывало, похваюсь имъ: «У меня не сынъ, а геній!» А всѣ говорятъ: «Если выйдетъ въ васъ, Степанычъ, лучше всякаго генія бу-

детъ». Выросъ, — такъ, вѣрите ли, хозяйственнѣе его во всемъ селѣ не было! Чахотка въ послѣднемъ граду-сѣ, а и умеръ, не поддався. «Вы должны на-дняхъ умереть», — говоритъ фельдшеръ. — «Нѣтъ, говоритъ, — не могу я, не свозивши рожь, умереть.» Скосили мы, связали, сидитъ зарей на крыльцѣ, смотритъ на облака, а я ему и говорю: «Что это ты сидишь, смотришь?» А онъ и говоритъ: «Давайте, папашъ, покуда погодка, на двухъ подводахъ возить.» — «Да Богъ съ тобой, куда тебѣ возить! Я мужика хотѣлъ нанять.» — «Не надо, не надо, сами управимся.» — «Какъ же, — говорю, — управимся: ее, ржи одной, тридцать четыре копны.» А онъ все свое. . . Такъ, вѣрите ли, по двѣнадцати разъ въ день на-поле леталъ! И отдыхать не отдыхалъ, — сядетъ въ холодокъ, выпьетъ кваску и опять въ телѣгу. Меня, и то уходилъ. Чуть свѣтъ, еще пѣтухи не крикнутъ, а онъ ужъ подымаетъ: «Вставайте, вставайте скорѣй, тучки заходятъ. . .» Въ три дня все кончили — и свезли, и обмолотили, и солому прибрали. . . Гонитъ меня за вѣялкой, взялъ я вѣялку у Данилкиныхъ, обвѣяли, подмели токъ. . . Какъ послѣднее зерно въ амбаръ, — входитъ въ избу и говоритъ: «Ну, вотъ теперъ дѣло другое. Гдѣ, папашъ, свѣчи? Зажигайте свѣчи.» Зажгли свѣчи у образовъ, онъ легъ на диванъ — и каюкъ!

«Недурно», — иронически думалъ семинаристъ, слушая.

По уходѣ дьячка онъ взялъ тросточку, надѣлъ новенькую сѣрую шляпу, накинулъ на плечи серебрястый дождевикъ и побрелъ по деревнѣ. Выйдя на выгонъ, онъ посмотрѣлъ на церковь, блѣдно блѣвшую на тучѣ, посмотрѣлъ на раскрытыя окна казенной вин-

ной лавки; хотѣль-было зайти поболтать къ сидѣльцу, но раздумалъ и пошелъ по направленію къ погосту. Сидѣлецъ былъ отравленъ страстью къ чтенію. Съ утра до вечера лежалъ онъ на своей высокой двухспальной кровати, опершись на локти, и страница за страницей пожиралъ «Вокругъ Свѣта.» «Сейчасъ, сейчасъ, — торопливо бормоталъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе. — Дайте только до точки дочитаться. . .» А бесѣдуя съ гостемъ, не слушалъ его, невпопадъ смѣялся, ждалъ, когда гость уйдетъ. Поминутно отрываемый отъ книги то женой, то мужиками, онъ кидалъ на нихъ растерянные, шальные взгляды. «Коровѣ пора мѣсить!» — злобно кричала жена, отворивъ дверь. «Еще четверку поскорѣе!» — радостно оралъ мужикъ, заглядывая въ раскрытое окно. А онъ не понималъ, кто и куда его зоветъ. Въ головѣ его путались острова Тихаго океана и преріи, Южный Крестъ и Гренландія, Бразилія и кафры, голландскіе колонисты и удавы, рѣки въ тропическихъ чащахъ и гиппопотамы. . . «И при чемъ тутъ Тихій океанъ?» — думалъ семинаристъ, шагая по безлюдной улицѣ. Навстрѣчу ему шелъ десятскій, длинный, въ красной рубахѣ, въ разбитыхъ сапогахъ, изъ которыхъ одинъ былъ связанъ по ступнѣ веревкой. На плечѣ его лежала одностволка.

— Куда это? — спросилъ семинаристъ.

— Грачей наказывать, — отвѣтилъ десятскій.

Десятскій былъ человѣкъ знакомый: не разъ приходилъ просить газетъ на цыгарки. Полуразсыпавшаяся изба его стояла на краю деревни, рядомъ съ погостомъ. Когда семинаристъ проходилъ мимо, въ ея разбитое окно съ кудахтаньемъ влетѣла курица. За избой пустовало гумно, безъ соломы и безъ риги, ва-

лялись, зарастая травой, однозубья вилы, перевернутый вверх дномъ телѣжный ящикъ съ двумя новыми, желтыми ребрами, высохшая дегтярка. . . На лозинѣ внизъ головой висѣлъ дохлый цыпленекъ — пугало, хотя отпугивать было некого и не отъ чего. Гордый своей отчужденностью отъ этого жалкаго быта, своими мечтами о Москвѣ и консерваторіи, семинаристъ вышелъ на погостъ, на бугоръ за деревней, небрежно откидывая голову, выставя кадыкъ, посвистывая, шурша серебристымъ плащемъ.

На погостѣ, среди репьевъ, татарокъ и могильныхъ бугровъ бродила рыжая лошадь съ палевой гривой. Помахивая жидкимъ хвостомъ, она щипала мелкую, сухую траву. На большой свѣжей могилѣ, на холмикѣ изъ сизой рассыпчатой глины, лежалъ, съ головой накрывшись армякомъ, мужикъ. Смиренно, съ опущенными хвостами, тихо переговариваясь, гуляли индюшки лавочника. Гуськомъ тянулись онѣ къ мужику — и вдругъ всѣ разомъ пускались бѣжать, а добѣжавъ, подпрыгивали, вклевывались въ его армякъ, въ голову. Мужикъ вскакивалъ, запускалъ въ нихъ горстями глины: индюшки подпрыгивали, треща перьями. . . Сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ мужика, семинаристъ прошелъ мимо.

Надъ господскими могилами росли двѣ березки. Когда-то ихъ окружала деревянная ограда, за оградой стояла скамья. «Буду приходить сюда, сидѣть, вспоминать и грустить», — думалъ тотъ, кто дѣлалъ все это. И ни разу не пришелъ. А деревня мало-по-малу разломала, растаскала и ограду и скамью. Свиньи взрыли могильные бугры, телята обглодали стволы березокъ. . . Съ иронической улыбкой, посвистывая, семинаристъ

повернулъ назадъ. Поблизости отъ той могилы, на которой старался уснуть мужикъ, стоялъ гнилой голубецъ. Изъ него выпорхнула мухоловка. Семинаристъ подошелъ: въ голубцѣ, рядомъ съ фольговой радужной иконкой, лежало круглое гнѣздышко. Отъ скуки семинаристъ хотѣлъ вытащить его, рассмотреть, раздрать и бросить. Но мужикъ открылъ глазъ и пристально посмотрѣлъ изъ-подъ армяка.

— Отдѣлались? — спросилъ онъ.

Вопросъ былъ неожиданный. Семинаристъ обернулся и поднялъ брови.

— То-есть какъ это? — сказалъ онъ.

— А такъ. Отучились?

Семинаристъ не спѣша прошелъ къ сосѣднему могильному бугру.

— А, ты вотъ про что! — сказалъ онъ, садясь и съ притворной разсѣянностью поглядывая вокругъ. — Да, до осени отучился. А ты, кажется, не здѣшній?

— Я изъ Разсохина, — отвѣтилъ мужикъ. — Изъ волости ѣду. Ёхалъ и думаю, — дай, моль, лошадь маленько покормлю... А вы? Духовные?

— Да... Но, главнымъ образомъ, пѣнію учусь.

— Какъ, то-есть пѣнію? — спросилъ мужикъ, зѣвая. — Хоръ, значитъ, будете задавать?

— Нѣтъ, братъ, не хоръ, — сказалъ семинаристъ и оперся на трость. — Я на сценѣ буду пѣть. Да ты, впрочемъ, этого не поймешь... Я въ театръ готовлюсь.

Мужикъ усмѣхнулся.

— Ну, нѣтъ, это я даже очень хорошо могу понять, — отвѣтилъ онъ. — Ну, только это совсѣмъ никуда, совсѣмъ скверно. Этакъ вы много не наживете.

— Да что ты!

— Вѣрное слово, — сказалъ мужикъ спокойно и увѣренно. — Тамъ вы добра не пріобрѣтете. Нѣтъ, вы ужъ лучше по церковному ступайте, по своему ремеслу, — куръ да ситники съ народа огребать. А въ театрѣ пѣть — это ужъ самое послѣднее дѣло.

— Да чѣмъ же послѣднее?

— А такъ, что послѣднее. Тамъ чепуха одна идетъ. Вы лучше мое готовое слушайте, я ужъ плохого не скажу. Я не простой, я бывалый человѣкъ. Я отъ этихъ мужиковъ теперь отбился, я все лѣто прошлый годъ въ Липецкѣ прожилъ. Со всякимъ могу поговорить...

Скучно синѣло по горизонтамъ низкое облачное небо, блѣдно зеленѣли хлѣба на противоположномъ косягорѣ, — поневолѣ приходилось довольствоваться и такой бесѣдой. Вынувъ плетеный портсигаръ, семинаристъ закурилъ папиросу, другую протянулъ мужику. Мужикъ осторожно взялъ.

— Вотъ это покорнѣйше благодаримъ, — сказалъ онъ, зажигая сѣрникъ, и, пустивъ дымъ въ ноздри, посмотрѣвъ на папиросу, отрывисто спросилъ:

— Асмолова?

Семинаристъ напомнилъ ему о театрѣ.

— А вотъ слушайте, — сказалъ мужикъ. — Я этихъ театровъ ни по чемъ не уважаю. Тамъ, прямо надо говорить, черти живутъ. Разъ куренье тамъ есть, — значить, и водка есть. А ужъ гдѣ водка, тамъ и бабъ не миновать... Нѣтъ, отъ этого вамъ надо подальше куда подаваться! Вотъ кто, къ примѣру, по монастырямъ живетъ, монахи, тѣмъ хорошо, имъ ничего не бываетъ: гуляй, бѣсись — и вся недолга. Есть

чистые борова, домовые! Цѣльную жизнь бражничаютъ, весь вѣкъ въ томъ протекаютъ! А въ театрахъ — тамъ водка, бабье, ну, конечно, и онъ тутъ же вертится. Ужъ гдѣ вино, тамъ безпримѣнно онъ.

— Это ты про чорта, что ли? — спросилъ семинаристъ.

— А то про кого же? Конечно, про него. Да и вѣрно. Тамъ, куда ни качнись, вездѣ онъ. Я давно объ этомъ понимаю. Что тамъ хорошаго? Я такой-то, и то туда не пойду. Тощавый человекъ туда и не показывайся — на тройкѣ тамъ не разыграешься. А ѣздить туда бабье это самое, разныя бабы шальныя, да купечество: долги свои заверсталь — и вали. . . Я въ этомъ Липецкѣ всего наглядѣлся. Тамъ въ трехъ верстахъ садъ есть, ну, вотъ туда и ѣздить всѣ. Забираютъ съ собой ветчину, колбасу копченую, наливки. . . Приѣдутъ и кружатся цѣльный день. Старуха съ дѣдомъ не успѣваютъ самоваръ кипятить. . .

Семинаристъ небрежно сказалъ:

— Ну, вотъ и видно, что ты ничего не понимаешь, несешь чепуху и все путаешь. То грѣхъ, а то — «на тройкѣ не разыграешься. . .»

— Обязательно такъ! — твердо сказалъ мужикъ. — По капиталу глядя, конечно, можно, а такимъ-то, какъ мы съ вами, голоштаннымъ, зачѣмъ туда соваться?

Семинаристъ вздернулъ плечами.

— Чортъ знаетъ что! — отвѣтилъ онъ, помолчавъ. — Несешь и съ Дона и съ моря. . . Ну, а скажи, пожалуйста: какъ относятся къ тебѣ твои односельчане? За кого они считаютъ тебя?

— Никакъ они ко миѣ не могутъ относиться, — сказалъ мужикъ. — Умнѣй меня во всемъ селѣ нѣту. Обойди всѣхъ, спроси: кто дѣльнѣе по хозяйству Назаръ Павлова Протасова? Анъ никого и нѣту! Со мной старики, и то совѣтоваться приходятъ.

— А несешь чепуху?

— Какую такую чепуху? Воспитанья на васъ нѣту хорошаго, вотъ и «чепуху»... Вонъ у насъ сапожникъ есть... Первое дѣло, какъ выпилъ, сейчасъ за ребятъ: у него ихъ цѣлая война, человекъ двѣнадцать... Такъ они винтомъ отъ него, кто куда гораздъ! Ты не гляди, что онъ пьяный: такъ, братъ, воспиталь — по лычку ходятъ! А, конечно, теперь всѣмъ воля дана... Женщину, на примѣръ, взять: отъ кого вся сумятица въ государствѣ идетъ? Опять же отъ ней. Она теперь во всѣ предсѣданія допущена большое количество, а куда она годится? Хоть имъ теперь тоже хорошее ученье пошло, ну, а все-таки мужчина-то немножко подтверже будетъ!

— Чортъ знаетъ что! — повторилъ семинаристъ, глядя на его густую чубарую бороду. — Что такое у тебя въ головѣ творится? То садъ, то театръ, то женщины... Ну, скажи на милость, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ дурацкій садъ къ театру?

— А такое, — отвѣтилъ мужикъ еще увѣреннѣе. — Такое, что безъ этого ему никуда податься нельзя.

— Кому ему?

— Запѣвалъ главному, вонъ кому. Онъ тамъ, въ саду-то въ этомъ, вылупитъ стаканъ али два хорошихъ — и оретъ, алыни ребра трещать... Онъ ужъ не можетъ безъ этого.

— Да позволъ: какой-такой запѣвала?

— Говорю же вамъ — главный запѣвала. Главачъ этихъ самыхъ пѣвцовъ. Натощакъ онъ никакъ не станетъ для нихъ глотку рвать.

— И опять чепуха, — сказалъ семинаристъ. — Пѣвцамъ и совсѣмъ нельзя пить. Отъ этого голосъ портится.

Мужикъ ухмыльнулся, поднялся и сѣлъ.

— Ну, нѣтъ, не чепуха! — сказалъ онъ. — Не можетъ отъ ней голосъ портиться. Отъ ней голосъ не хуже, а много злѣй становится. Какъ же можно равнять! Отъ вина человѣку все ни по чемъ. Онъ прямо самъ не свой, когда душу свою наспиртуетъ. Вы попробуйте-ка ея, сивухи-то нашей. Она слѣпому глаза продеретъ.

Семинаристъ, махнувъ рукой, облокотился на колѣни и сталъ осторожно давить концомъ трости красныхъ козявокъ, парами ползавшихъ возлѣ его ногъ. Мужикъ что-то думалъ, глядя въ землю.

— Нѣтъ, этотъ жребій вашъ — жестокий, — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ. — Жестокая ваша задача. Театры — это какъ все равно звѣрильница, али, скажемъ цырульня простая... Какъ эти звѣри тамъ ревутъ, такъ я такой страсти прямо сотроду не видывалъ! Настоятель ходитъ, — какъ какой зритель захочетъ, чтобъ звѣрь всталъ, онъ его сейчасъ желѣзнымъ прутомъ... Хочетъ, не хочетъ, а обязательно подыметъ.

— Здравствуйте! — сказалъ семинаристъ. — Еще и цырульня на сцену появилась. Она-то тутъ при-чемъ?

— Такъ, тамъ все есть... Только я этого, говорю, никакъ не уважаю. Разъ тамъ молитвеннаго нѣту, всѣ эти театры, звѣрильницы, цырульни всякія надо запечатывать и скилеты всѣ переломать... Вонъ у меня родственникъ есть. Изъ себя такъ, писаришка простой, а голосъ — прямо бѣда. Молодой еще человѣкъ, а пить страшный здоровый, любитель до вина. Залѣзъ недавно на крышу и зѣваетъ на все село. Это что жъ, прилично?

— Но зачѣмъ же на крышу-то?

— А спроси его! Чума его знаетъ, зачѣмъ. Съ сестрой вотъ, это они, правда, хорошо поютъ. Его сестра въ городѣ живетъ, на машинкѣ работаетъ. Она хочъ чахоточная, а голосъ много складнѣй, чѣмъ у него, хоть подъ кого подтянетъ. Какъ пріѣдетъ къ нему, сядутъ зарей возлѣ избы и поютъ. И не что-нибудь, не мужицкія пѣсни, а все «Накинувъ плащъ», либо «Ахъ, ты воля, моя воля...» Хорошо выходитъ. Сулился этотъ писарь ко мнѣ пріѣхать, вотъ и вы пріѣзжайте попѣть съ ними. Я и угостить могу всякаго.

— Merci bien, — сказалъ семинаристъ. — Пріѣхать не мѣшало бы. Ты поистинѣ достоинъ изученія.

Мужикъ радостно улыбнулся.

— Ага! — сказалъ онъ, подмигивая.

И горячо заговорилъ:

— Ахъ, братъ, кабы мнѣ ученье то, какихъ бы я корней наворочалъ! Да вѣдь откуда ее взять? Я вонъ въ городѣ недавно былъ. Такъ тамъ что исдѣлали? Тамъ земскій музей исдѣлали и скилеть крокодилій привезли, а онъ, можетъ, пятьсотъ, либо тысячу стоитъ. Вотъ, похоже, куда наши денежки-то идутъ, вотъ

они мошенники-то, сукины дѣти! — сказалъ онъ съ горечью. — А ты вотъ сиди тутъ. . . Да тутъ отъ одной скуки удавишься! Я ужъ на что бывалый человекъ, а и то не могу!

Скулы его порозовѣли, лицо приняло злое и грустное выраженіе. Не глядя на семинариста, онъ поднялся, надѣлъ армякъ въ рукава и, заскребая сапогами по землѣ, рѣшительно пошелъ къ лошади. «Чего онъ разозлился? — подумалъ семинаристъ, недоумѣвающе глядя ему вслѣдъ. — Вотъ нелѣпая и странная скотина!» Мужикъ, какъ бы угадавъ, его мысли, обернулся:

— Чего вылупился? — сказалъ онъ зло и грубо. — Ай не правду говорю? Ты долженъ за ученье благодаренъ быть, а не лупиться. Я съ тобой задушевно, а ты — лупишься. Вотъ подойду, измордую тебя, въ лучшемъ видѣ, — тогда судись со мной! Не посмотрю, братъ, на твое духовенство, на пѣніе!

Распутавъ лошадь, онъ кинулъ обрывокъ ей на шею и, подпрыгнувъ, упалъ животомъ на ея спину, перекинулъ ногу и бодро поѣхалъ среди могильныхъ бугровъ на дорогу.

Ошеломленный такимъ неожиданнымъ концомъ бесѣды, семинаристъ вспыхнулъ, хотѣлъ-было кинуться драться, но только переставилъ трясущимися руками между колѣнъ трость.

Мужикъ повернулъ на деревню. Семинаристъ, посидѣвъ въ оцѣпенѣніи и успокоившись, пошелъ подъ гору, поднялся на косогоръ и свернулъ на какую-то высокую межу, осыпанную бѣлымъ клеверомъ и убѣгающую вдаль между двумя стѣнами сѣро-зеленой ржи, блѣдной вдали, подъ тучей. Мягкій, сладкій вѣ-

теръ дуль навстрѣчу, рожь слабо дымилась юнскимъ
двѣтомъ. . . Семинаристъ пожималъ плечами и ду-
малъ:

«Да-а. Безъ револьвера собственно и выходить бы не
слѣдовало.»

Капри. 26. 1. 1913.

ЛИЧАРДА

Когда послѣ обѣдни всѣ сгрудились къ подножію амвона, на середину маленькой церкви, изъ купола ея почти отвѣсно падало на толпу блѣдное апрѣльское солнце. Потушенные свѣчи чадили, въ толпѣ, разнообразно пахнувшей дыханіемъ, волосами и одеждой, стало жарко. Каждому хотѣлось приложиться поскорѣе. Низкій и ладный, чернобородый, плѣшивый мужикъ, выдѣлявшійся изъ толпы очень черной сермяжной поддевкой и очень бѣлыми, толсто и аккуратно увязанными онучами, хотѣлъ пролѣзть прежде всѣхъ. Но священникъ, держа мѣдный крестъ обѣими руками, поднялъ его и смотрѣлъ куда-то черезъ головы, а Агафья, чистая, строгая старушка изъ дворовыхъ, схватила мужика за рукавъ. Онъ покраснѣлъ, рванулся, что-то заговорилъ, блестя сердитыми глазами.

— И слушать не хочу, не пушу не по чину, — отвѣтила Агафья, оттаскивая его въ сторону. — Я, братъ, къ этому глухая.

Мужикъ долго глядѣлъ на нее, и краска стыда, подавленнаго раздраженія не сходила съ его лица. Толпа разступилась, — и къ кресту осторожно приложился милovidный молодой человекъ съ чрезвычайно

нѣжнымъ румянцемъ, напомаженный, въ голубой короткой поддевичкѣ и съ дворянскимъ картузомъ въ рукѣ. Послѣ него кинулись къ священнику безъ-толку, а тотъ сталъ совать крестъ кому попало. Чернобородый мужикъ приложился все-таки раньше многихъ и быстро вышелъ въ боковую дверь, за оградой же, надѣвая шапку, кинулся бѣжать по сохнувшей дорогѣ сзади барскаго сада.

Теплое солнце точно шурилось, улыбалось сквозь блѣдную апрѣльскую дымку въ небѣ. Въ голомъ саду, за соломеннымъ валомъ, пѣли дрозды, гудѣли пчелы, хотя кое-гдѣ, среди коричневой листвы, еще сѣрѣлъ крѣпкій горбатый снѣжокъ. Агафья вышла изъ церкви на ту же дорогу, по которой пошелъ мужикъ, развязывая носовой платочекъ съ мѣткой-короной. Въ платочкѣ были куски просфоры. Она перекрестилась и на ходу стала ѣсть, наклоняясь къ ладони, боясь просыпать крошки.

Мужикъ ждалъ въ концѣ вала, на пригрѣтой весенней травѣ. Увидавъ Агафью, онъ сдвинулъ шапку съ потнаго лба и, разбрасывая полы, направился прямо къ ней. Агафья въ страхѣ остановилась.

— Ты чему мою дѣвку заучаешь? — спросилъ онъ, подходя. — Ты что барину ее подводишь? А?

Агафья хотѣла что-то отвѣтить, но онъ сгребъ ее за лицо всей пятерней, зажалъ ротъ, отламывая голову. Агафья, пытаясь вырваться и крикнуть, стала давиться, пускать слюни.

— Молчи, стерва! — крикнулъ мужикъ, бѣшеннымъ шепотомъ. — Какъ такъ ты ничего не знаешь? Кто ей вчера гостинцевъ надавалъ и водкой напоилъ? Можешь ты такія грѣховныя дѣла затѣвать?

Разжавъ правую руку, онъ лѣвой схватилъ ее за шиворотъ, за темный платокъ вмѣстѣ съ сѣдыми волосами, нагнулъ, подставилъ подъ ея лицо колѣнку и крѣпко ударилъ объ колѣнку носомъ. Ноги Агафьи подломились, но, пока она падала, онъ успѣлъ перегнуть ее назадъ и коротко ткнуть кулакомъ въ зубы. Агафья повалилась, боясь даже плакать. Мужикъ вытеръ кулакъ объ изнанку поддевки и, блѣдный отъ злобы, задыхаясь, быстро пошелъ назадъ. Агафья осталась лежать, слабо и уже притворно охая, сплевывая кровь на зеленую траву, по которой, тихо жужжа, ползали еще сонныя пчелы.

Квартировала она у старосты. Староста жилъ на другомъ концѣ деревни, на выѣздѣ. Подъ голой лозинкой, бросающей чуть замѣтную тѣнь, у порога кирпичной избы, глядѣвшей на ровный выгонъ, на большомъ камнѣ, накрытомъ суровой скатертью, пили водку и закусывали ситникомъ съ творогомъ и сметаной двое копачей, окапывавшихъ старостину усадьбу, и хозяйка его, Катерина, съ дочерью дѣвкой. Староста былъ въ городѣ, и копачи, угощая Катерину водкой, говорили лишнее, хохотали. Дѣвка, нарумяненная, въ канареечномъ платьѣ, стояла на порогѣ; она наѣлась раньше всѣхъ, но не хотѣла уходить и, тупо улыбаясь, хлопая бѣлыми рѣсницами, слушала.

Вдругъ всѣ смолкли и подняли головы: изъ-за избы показался сосѣдъ, высокій бѣлобрысый малый Гришка. Онъ велъ Агафью, почти тащилъ ее, маленькую, со включенными сѣдыми волосами, и жмурилъ глаза отъ смѣха.

— Въ цѣлости и сохранности! — сказалъ онъ, опу-

ская ее подъ стѣной избы на сухую глину. — Сюда, что ль, квартиранку-то вашу опредѣлить?

— Да ба-атюшки, кто жъ это носъ-то ей расшибъ? — протянула Катерина, раскрывая и оставляя открытымъ ротъ съ творогомъ на языкѣ.

Одинъ изъ копачей, Демьянъ, низкорослый, кривоногий, съ курчавой сѣрой бородкой и широкоскулый, посмотрѣлъ на Агафью, со стономъ легшую на глину, бодро играющими глазами.

— Знать, гдѣ воевала, — сказалъ онъ. — Гдѣ воевала старуха, а?

— Вотъ тебѣ и досводничалась! — жалобно сказала Катерина. — Да кто жъ это тебя, Петровна? Что жъ молчишь?

Гришка, упершись руками въ бока, подмигнулъ и качнулъ головой въ сторону деревни.

— Карпуха Большаковъ, — прошепталъ онъ. — За дочь, вѣрно.

— Значить, ей зеркало теперь надо, — сказалъ Демьянъ, разсѣянно взглянувъ въ зеленѣющее поле, въ серебристый блескъ пригрѣвающаго солнца и на лозинку, на сукѣ которой лежалъ его армякъ. — Дашка! — крикнулъ онъ дѣвкѣ, стоявшей на порогѣ съ радостно выпученными глазами. — Бѣги, соломки принеси, ей струшнѣй умирать будя.

— Ступай скорѣй, — съ притворной строгостью прибавилъ другой копачъ, Тить, гнутый, широкоплечый, съ волосатымъ ободраннымъ носомъ. — Выпьешь, то ль, за работу? — обратился онъ къ Гришкѣ. — Пей, ничего.

— Со всей удовольствіей, — отвѣтилъ Гришка.

И, нагнувшись, осторожно взялъ съ краями нали-
тый стаканчикъ.

— Значительная старуха, — сказалъ онъ, жмурясь
отъ смѣха и вытягивая шею, приготовляясь пить.

— Старушка дружелюбная, старая барская гнида,
вѣрная Личарада, — подтвердилъ Титъ, разглядывая
чуньки и просторные шерстяные чулки Агафьи, —
Здорово земляныхъ шмелей послухала!

— Самый разнесчастный человѣкъ! — весело при-
бавилъ Демьянъ. — Мы и ей сейчасъ поднесемъ...
Вѣрная Личарда, выпить хочешь? — крикнулъ онъ.
— Забудь горе! Не ѣшь съ Оомой, ѣшь со мной! За-
хмелѣешь, пѣсни зачнешь играть, танцовать пойдешь,
и я съ тобой протанцую, — сказалъ онъ, съ притвор-
ной удалью раскидывая руки.

— Что ты ей спокою не даешь, не трожь ее, — ска-
зала Катерина, изъ приличія нахмуриваясь. — Подне-
си, правда. Ей полегчаетъ.

Демьянъ налилъ стаканчикъ, вынулъ изъ него тол-
стымъ пальцемъ кусочекъ пробки и бережно понесъ
Агафьѣ, одергивая короткую рубаху на широкомъ за-
ду и гусемъ ступая на своихъ крѣпкихъ выгнутыхъ но-
гахъ. Подойдя, онъ притопнулъ лаптями и затрясъ
портки. Агафья приподнялась, взяла стаканъ дрожа-
щей рукой, отпила немного, сморщилась, какъ отъ ук-
суса, и, отирая губы, отказалась:

— Нѣтъ, и не неволь. Не могу.

— Допивай, допивай! — крикнулъ Демьянъ. —
Никакъ нельзя!

Агафья допила и, поправляя платокъ, сбитый на
сторону, опять тихо заплакала, сморкаясь въ подоль.
Дашка подала ей кусокъ ситника.

Гришка выпилъ еще, поблагодарилъ и ушелъ. Агафья, не поднимая запухшихъ глазъ, плакала и ѣла, а Демьянъ бодро заговорилъ, вынимая изо рта трубку:

— Такъ-то вотъ и у насъ была въ селѣ такая-то Личарда, сводня, грѣховодница. Взяла и подвела нашему барину одну барышню изъ города, въ родѣ какъ въ управительницы. Баринъ у насъ никуда, голова толкачомъ, голая, надѣнетъ круглыя очки — чистый филинъ, а до женскаго пола первый любитель. Ну, конечно, и улестилъ ее, хотѣлъ, сказывали, увѣковѣчить ее, все имѣнье подъ нее подписать. А барышня попала добродушная: развеселая, словоохотная, такъ и распускаетъ глаза на каждое слово. Что ей ни скажешь, на все дивится, радуется: «Да что ты? Да что ты?» Въ родѣ дурочки.

— Видалъ я ее, — сказалъ Титъ. — Часто, бывало, по селу хаживала, а не то по саду. Возьметъ зонтикъ кружевной, подхватитъ бѣлую юбочку, — наряжалась, правда, хорошо, и юбка вся въ кружевахъ, — и ходить по дворамъ, все, нѣтъ ли больныхъ, спрашиваетъ: «я, говоритъ, жалостлива и сама изъ бѣднаго быта...» А то по саду съ книжкой ходить. Какъ захолодаетъ, сейчасъ въ садъ. Идетъ съ книжкой, уткнется въ нее, глаза вылупить и такъ и жжетъ, только листики перевертываются.

— Вѣрно, вѣрно, и до чтенія охотница была, — сказалъ Демьянъ. — Только прїѣзжаетъ, значитъ, къ барину гость, малый молодой, должно, изъ военныхъ, а можетъ и служака какой... Человѣкъ капризный, тощій, а до бабъ тоже разбалованъ, зѣлъ...

— Онъ самый и есть вострякъ, — сказалъ Титъ.

— Да. Да и она ужъ, значитъ, до мужчинъ стала распущенная. . .

— Любила блудничать, — вставила Катерина.

— Любила, — подтвердилъ Демьянъ. — Такой ужъ природѣ была. А, можетъ, и самъ баринъ былъ старъ по этому дѣлу. Вынесутъ имъ, бывало, въ садъ подѣ яблонку коверъ, подушки, лежатъ и читаютъ. Утромъ на станкѣ на токарномъ точить всякую пустяковину, кровь себѣ полируетъ, послѣ обѣда — подѣ яблонку. Она въ одну сторону, онъ — въ другую, такъ и блеститъ очками изъ травы, какъ змѣй. Покатается, покажется возлѣ ней, да только и всего, только разбередить. А тутъ кстати помоложе подвернулся. . . Слухай да догадывайся! — весело и бодро сказалъ онъ, обращаясь къ Агафѣ. — Дѣло до хорошаго дойдетъ: «и ему отдалась до послѣдняго дня. . .»

Онъ засмѣялся, подмаргивая, и продолжалъ:

— Прекрасно. Значитъ, занялась она съ нимъ, со служаконъ съ этимъ. Идешь мимо саду, глянешь — сидитъ на скамейкѣ, плачетъ и платочкомъ кружевнымъ утирается. . . Потомъ, глядь, повеселѣла: махнула, значитъ, на свою судьбу рукой, на отчаянность пошла. Мы весь садъ въ ту лѣто окапывали и все это хорошо видѣли. Сходбища у нихъ была въ самой ихъ завѣтной бесѣдкѣ. Бесѣдка была прямо хотъ круглый годъ жи-ви: столы, стулицы, чистота, полъ подѣ желтую одинарную краску, а по бокамъ черныя каемки пропущены. Ну, вотъ они и повадились туда. Какъ вечеръ, какъ баринъ въ поле, она сейчасъ прослѣдуетъ въ садъ, въ родѣ какъ чтеніемъ заниматься, а это и есть самая сустрѣча ихъ. Онъ, какъ заяцъ, прокрадется черезъ задній валъ — и къ ней. . . Ну, только и отъ него она

часто въ горькихъ слезахъ выходила. Капризенъ былъ! Иду разъ мимо саду, вижу, стоитъ въ своей курткѣ плетеной, слюнявить платокъ и къ рукѣ, къ маслаку прикладеть, а рука въ крови, — бываетъ, упаль, содраль на валу. Брюки синія въ землѣ и въ листу. . . «Здравствуйте, — говорю, — Чеславъ Викентъичъ!» Запустилъ онъ меня матеркомъ и залился въ бесѣдку. . .

Агафья, все выжимавшая изъ глазъ слезы, вдругъ зарыдала, поднялась и, шатаясь, пошла въ избу. Дашка, сидѣвшая на порогѣ съ широко раскрытыми глазами и раздвинутыми колѣнками, кинула на нее радостный взглядъ, вскочила и тоже скрылась въ сѣнахъ.

— Горе, правда! — сказала Катерина. — Онъ ей весь носъ размялъ.

Демьянъ быстро оглянулся.

— Не горе! — быстрымъ шопотомъ сказалъ онъ. — Это я ее разжегъ. Вѣдь барышню-то она подводила!

— Да что ты! — въ одинъ голосъ воскликнули хозяйка и Титъ.

— Сейчасъ умереть! Вѣдь она изъ Голицына?

— Изъ Голицына, изъ Голицына, — подтвердила Катерина. — Говорить, къ намъ на покой удалилась, дома дюже много враговъ, завистниковъ нажила.

— Какъ же, успокоится такая-то! — сказалъ Демьянъ. — Я давно объ ней наслышанъ, вѣдь Голицыно-то отъ насъ пять верстъ всего. Я ее сразу призналъ, только говорить не хотѣлъ, — угостить сулилась. . .

— Они страшные хитрые черти, эти дворовые, — сказалъ Титъ. — Ненавистные къ намъ.

— И, значитъ, она самая и загубила эту самую барышню? — спросила Катерина.

— Говорю же тебѣ — она, — сказалъ Демьянъ. — Она и все дѣло это совостожила. Да ты погоди, что дальше-то будетъ! Повалялись они, говорю, въ бесѣдкѣ въ энтѣй, отдѣлалась она, идетъ по дорожкѣ, поетъ пѣсню, а сама цвѣты рветъ, хотъ, правда, дюже глаза опять заплаканы. А баринъ-то и вотъ онъ. Бросилъ дрожки за садомъ и идетъ прямо къ ней съ плеткой. Она — туда, сюда, обмерла отъ страха да такъ и осталась на мѣстѣ. Подходитъ онъ тутъ прямо къ ней, скидываетъ съ ней косынку кружевную съ плечъ, рветъ, ногами топчетъ, скидываетъ брошку, рветъ часы золотые на цѣпочкѣ, зачалъ и ихъ топтать, только стекла хрустятъ... Потомъ за нее принялся: самъ терзаетъ, а самъ плеткой, да все по мордѣ норовитъ... Избилъ, какъ надо, сшибъ съ ногъ не хуже старухи этой — и поскорѣе прочь, домой, чтобы, дескать, отъ грѣха уйтить. Прибѣжалъ приказчикъ, кликнулъ насъ, понесли мы ее въ контору, а она — безо всякихъ чувствъ, лежитъ, какъ мертвая, въ своемъ голубенькомъ платицѣ, въ кружевахъ, и вся лицо тоже въ родѣ какъ голубая стала, альни носъ блеститъ. Потомъ призываетъ баринъ кучера Никодима и кричитъ ему съ крыльца: «Немедленно свезть ее и этого сукина сына на станцію, отыскать его немедленно, онъ, небось, въ саду въ лопухахъ хоронится. Брось ихъ гдѣ-нибудь въ страшную глубину, въ пучину-яругу...» Ну, тѣмъ-же вечеромъ и оттащили ее въ телѣгѣ на станцію.

— Ужли съ любовникомъ вмѣстѣ? — спросила Катерина.

— Куда тебѣ! — сказалъ Демьянъ, поднимаясь. — Его и слѣдъ простылъ. Ему-то что жъ! Онъ своего добился, обломалъ ей сучья-вѣтвя, да потуда его и видѣли.

— Я эту исторію тоже слышалъ, — сказалъ Титъ, выскребывая кускомъ хлѣба остатки сметаны изъ чашки. — Я ее, говорю, сколько разовъ видалъ. Ее Лизаветой звали. Жидкая, прахóвая бабенка, а ничего все-таки, аккуратная. Я тогда у попа при молотилкѣ служилъ. Рабочая пора, самый разгаръ, я сижу погоняю, а старостишкинъ сынишка, бѣдовый дьяволенокъ, все подъ приводъ, подъ лошадей лѣзетъ. Разъ сказалъ, два сказалъ — неймайся. Я соскочилъ, поймалъ его да маленько за височки. Онъ въ голосъ. Гляжу, бѣжитъ эта самая барышня, Лизавета, — по дорогѣ возлѣ гумна съ собачкой гуляла, — прямо ко мнѣ: «Какъ вы смѣете, — кричитъ, — васъ къ уряднику надо. Надо съ дѣтьми гуманно обращаться...» Будь въ другомъ мѣстѣ, я бы ее кнутомъ шарахнулъ.

— Гуманно! — повторилъ Демьянъ и засмѣялся, снимая съ лозинки свой армякъ.

Всталъ и Титъ, перекрестился и, поклонившись хозяйкѣ, пошелъ вслѣдъ за Демьяномъ отдыхать въ ригу. Качая головой, Катерина стала собирать съ камня чашки, хлѣбъ, скатерть.

— Мамушка! — крикнула Дашка, выскакивая на порогъ. — Я боюсь! Она пьяная, на всю избу кричитъ, волосы съ себя деретъ...

Катерина, кинувъ скатерть, вошла въ избу. Агафья сидѣла на лавкѣ и раскачивалась съ сильнымъ воемъ, глядя, но ничего не видя кровавыми безумными гла-

зами, — безъ платка, съ растерзанными сѣдыми волосами, сизая отъ слезъ и отъ натуги.

— Господи, прости меня, окаянную! — сипло вскрикивала она, размахиваясь, широко крестясь и кланяясь двери. — Господи, разрази меня, старую дьяволицу, холопку лютую! Ненавижу васъ, мужланы дикіе! — завопила она, увидавъ Катерину. — Ненавижу!!

Не отвѣчая и улыбаясь, Катерина стала тереть хрѣнь, чтобы привести ее въ чувство.

Капри. 27. I. 1913.

КОПЬЕ ГОСПОДНЕ

Красное море встрѣчаетъ насъ дурными знаменіями.

Вчера на закатѣ дулъ хамсинъ. Слѣва, въ пыльной, красной мглѣ, садилось болѣзненно и тускло блестящее солнце. Справа эта мгла была сумрачнѣе. Тамъ темнѣли очертанія Джебель-Таира. И оттуда, со стороны Аравіи, горячій вѣтеръ гналъ двухъ птицъ. Онѣ неслись бокомъ, низко надъ водою. Перья ихъ были измяты и взъерошены. Неожиданно наткнувшись на спасеніе, на нашъ грузовикъ, онѣ взмыли къ верхушкѣ фока, на тугую струну штага, соединяющаго фокъ съ гротомъ. Уцѣпившись, онѣ крѣпко встряхнулись, приводя себя въ порядокъ, и застыли.

Мы съ мостика долго разглядывали ихъ. Таитъся нечего, — всѣмъ стало не по себѣ: это были два старыхъ аравійскихъ стервятника, два «вѣстника смерти» и всяческихъ бѣдъ. А вѣдь мы прямехонько идемъ на смерть: по всему побережью Аравіи, въ Суэцѣ, въ Портъ-Саидѣ — чума и холера; въ Жибути, гдѣ мы стояли сутки и общались съ берегомъ, умираетъ по сто, по двѣсти человекъ въ день. А нервы у насъ никуда, — устали мы ужасно. Переходъ въ Японію былъ трудный, бурный. Не давши намъ и недѣли отдыха,

погнали насъ назадъ, въ Китай, оттуда — въ Сингапуръ. Тамъ мы безъ дѣла простояли мѣсяць, изнуряемые жарой, лихорадочной влажностью. . . Индійскій океанъ въ мартъ, конечно, отдыхъ, но вѣдь впереди было это проклятое Аравійское море и чума. А народъ моряки чувствительный. Что же до вѣры въ примѣты, въ предзнаменованія, то плавающие въ сѣверныхъ и тропическихъ моряхъ хуже всякаго араба. . .

Вечеромъ безъ охоты поиграли въ шашки. Старшій механикъ вспомнилъ покойнаго командира «Японіи»: это было тоже во время чумы и тоже въ Красномъ морѣ, командиръ захворалъ, — можетъ быть, и впрямь захворалъ, заразившись въ Массовѣ, гдѣ онъ съѣзжалъ на берегъ, — а, захворавъ, поспѣшилъ принять датуры, оставивъ записку, что у него жаръ и опухоли подъ мышками. . . «Тѣло его было предано Красному морю. . .»

Отъ песку, отъ горячаго вѣтра закрыли люминаторы. Это печь съ закрытой заслонкой! Свободные отъ вахтъ рано разошлись спать, — одинъ пьяница Французъ старчески ворчалъ, гремѣлъ въ буфетъ, швыряя посуду. Но какой сонъ при хамсинѣ! Тѣло ноетъ, сердце замираетъ. Поминутно, весь въ поту, просыпаешься, куришь, снова задремываешь. . . Никогда не кажется такъ мала каюта! Лежа въ темнотѣ, слушая ровный плескъ воды, бѣгущей назадъ, мимо, все думаешь о томъ древнемъ, мистическомъ, чѣмъ отравляетъ насъ Востокъ — тропики, Индія, Китай. . . а въ этомъ мгlistомъ морѣ — Аравія. Какая загадочная, донинѣ невѣдомая намъ, ветхозавѣтная страна — эти пустыни, до шлага сожженные ветхозавѣтнымъ Богомъ! Что

тамъ, въ гористой, вѣчно мрѣющей миражами глуби-
нѣ ея?

Окраины мы знаемъ: жара, грязь и вѣчная холе-
ра въ портахъ; дальше — пески и камни; гдѣ-нибудь
на голой волнистой равнинѣ ихъ — страшный въ сво-
ей доисторической неуклюжести верблюдъ, стоящій
всегда одиноко, безпріютно, далеко отъ той чахлой
пальмы и грязнаго колодца, возлѣ котораго — боль-
шой жаркій шатеръ изъ чернаго, войлока, слабо синѣ-
ющій на солнцѣ дымокъ костра, свирѣпая собака, по-
лусонная отъ зноя старуха, полуголыя дѣти въ пар-
шахъ, котелокъ, измазанный тѣстомъ дурры, невѣсть
откуда занесенная керосиновая жестянка съ теплой во-
дой. . . А тамъ — опять то бархатные, то усѣянные
мелкимъ, острымъ камнемъ пески. Тамъ начинаются
тѣ заповѣдныя, вѣчно засыпаемые пескомъ пути изъ
Сирии, Персіи и Средней Азіи къ Меккѣ, Ятрибу, что
издревле отмѣчаютъ своими костями святыя хаджи,
гибнущіе, во имя Господа, отъ жажды, урагановъ,
зноя и, ужъ конечно, отъ холеры и чумы — «Раны отъ
Копья», какъ называютъ ее арабы. Вотъ за такими-то
караванами и слѣдуютъ они, эти стервятники.

Ихъ зловѣщая близость чувствовалась всю ночь.
Я выходилъ на палубу: горизонты мгlistы, луна ту-
манно-розова, ночь суха, горяча — точно и не въ мо-
рѣ. Высоко, возлѣ клотика фока — два темныхъ ком-
ка. . . Гдѣ они вывелись, гдѣ скитались? Сколько разъ
отбивались отъ смерти, отъ такихъ же хищниковъ,
какъ и они сами, сколько разъ рвали падалъ, трупы и
погибали отъ хамсина? «Господь есть Богъ ревнитель
и мститель» — такъ и донынѣ вѣруеть пламенная стра-
на ихъ. — «Передъ лицомъ Его идетъ язва, а по сто-

памъ Его — жгучій вѣтеръ...» И жгучій вѣтеръ съ пескомъ дулъ въ каюту всю ночь...

Къ разсвѣту хамсинъ пронесло. Въ шесть утра надъ каютами начинается топотъ босыхъ ногъ, шумъ воды, пущенной изъ шланговъ по палубамъ. Обычно слышишь все это одно мгновеніе, затѣмъ перевертываешься и засыпаешь еще крѣпче. Но нынче я очнулся сразу. Какъ всегда, ослѣпительный свѣтъ тропическаго солнца билъ въ люминаторъ, до головокруженія душно было въ каютѣ — и такъ отраденъ этотъ свѣжій шумъ! Сбѣжавъ внизъ, къ ваннѣ, разъ десять окунулся въ холодную воду. Мраморный полъ, мраморная ванна и эта хрустальная вода — истинное наслажденіе. Самому пріятно чувствовать холодокъ своей руки, которой пожимаешь сухую, горячую руку того, кого смѣняешь на мостикѣ. Тамъ уже пекло. Я взялъ бинокль и навелъ его на птицъ. Великолѣпны эти аравитяне! Сквозь стекла еще прозрачнѣе кажется прозрачный, сіяющій среди яснаго неба воздухъ. Четко, крупно видны блестящій на солнцѣ бокъ мачты, витой стеньгъ-штагъ и ястреба, въ огромномъ пространствѣ висящіе на немъ: ихъ желтоватое жесткое опереніе, круглыя совиныя головы, покрытыя рѣдкимъ младенческимъ пухомъ, прищуренные кошачьи глаза, короткіе, крѣпко загнутые клювы и лимонныя лапы. Оба ястреба очень велики и очень худы. И это особенно замѣтно тогда, когда какой-нибудь изъ нихъ затрепыхается, взъерошивая перья, и плевкомъ пуститъ на палубу известковый пометъ.

Фельдшеръ вышелъ передъ завтракомъ на горячую палубу и сталъ стрѣлять въ нихъ изъ бульдога. Всѣ окружили его, закинувъ назадъ головы. Вся-

кому казалось, что, стрѣляй онъ, не было бы этого бесплоднаго треска. Вдругъ одинъ ястребъ подпрыгнулъ и комомъ полетѣлъ съ высоты наискось. Мелькнувъ своей рыжей желтизной, своими изломанными перьями въ густо-синей и тяжелой, какъ масло, волнѣ, онъ исчезъ подъ бортомъ. Другой испустилъ жалкій и злобный крикъ, взмахнулъ крыльями и опять, еще ту же сжавшись, замеръ. Пули съ визгомъ летѣли мимо него — онъ только втягивалъ въ себя голову. Куда ему было дѣваться? Въ морѣ, окружавшемъ его, не было ни единого камня. Ему оставалось одно — ждать, пока выйдутъ всѣ пули. И, наконецъ, онъ вышли. Мы наводили на него бинокли, онъ во всѣ глаза глядѣлъ на насъ. Золь онъ, должно быть, невѣроятно; голоденъ такъ, какъ можетъ быть только стервятникъ! Вѣчная брань со всѣмъ живущимъ и вѣчное выслѣживание жертвъ или падали... Жестокъ и къ нему Господь, опредѣлившій ему быть вѣстникомъ чернаго Копья Своего!

И цѣлый день не выходила у меня изъ головы мысль о крысѣ, которая, можетъ быть, уже съѣла смерть, чумѣя въ темнотѣ нашихъ трюмовъ.

Этотъ желтый флагъ смерти, подъ которымъ мы теперь плывемъ, — желтый санитарный флажокъ, который мы должны были поднять въ Джибутти, — твердо напоминаетъ: будь всегда готовъ къ ней, — она и надъ тобой, и впереди, и вокругъ, вотъ за этой водою, на жаркихъ песчаныхъ берегахъ, среди той нищеты и грязи, которой живетъ почти все человѣчество: Копье Господне вѣчно поднято!

Матросы, тѣ подтягиваются при вѣсти о малѣйшей опасности. И у насъ теперь чистота необыкновенная.

Очень рано стали мы готовиться къ одесскому порту въ этотъ рейсъ — чиститься, краситься. Нѣсколько дней не смолкалъ ладный, дробный стукъ молотковъ: съ палубъ, съ мачтъ, съ бортовъ, съ трубъ обивали старую, потрескавшуюся краску, а на ея мѣсто клали свѣжую, блестящую, спиртуозно пахучую. И теперь нельзя было насмотрѣться на густую синеву за бортами, великолѣпно подчеркнутую яркой киноварью нашей желѣзной палубы и золотой охрой трубъ. Въ небѣ, знойномъ и свѣтоносномъ, весь день нынче не было ни единого облачка, ровно тянулъ навстрѣчу легкой бризъ. На бакѣ иные изъ подвахтенныхъ спятъ, иные болтаютъ и курятъ. На носу, разноцвѣтными пятнами, сохнетъ развѣшенное на веревкахъ бѣлье. На ютѣ сладко щебечутъ тѣ канарейки и тѣ розовые тунички, которыхъ веземъ мы изъ тропиковъ на сѣверъ... И только тамъ, возлѣ клотика фока, на блестящей въ воздухѣ струнѣ, въ упоръ освѣщенный опускающимся солнцемъ, зловѣще желтѣетъ врагъ всяческой жизни...

Французъ, больной съ похмѣлья, лѣниво таскалъ свои разбитыя ноги по палубѣ, яростно тряся колокольчикомъ.

— Memento mori! — сказалъ командиръ, когда мы сошлись на этотъ призывъ въ каютъ-компанію, къ обѣденному столу, и кивнулъ на люминаторъ, въ который былъ виденъ фокъ: — Сидитъ, будь онъ проклятъ!

За обѣдомъ много пили. Солнце закатилось, и была уже ночь, разгорался лунный свѣтъ вокругъ каютъ-компаніи, освѣщенной электричествомъ. Шель оживленный разговоръ — какъ всегда толковали объ окладахъ, о начальствѣ, кляли свою службу, тѣшили себя

мечтами найти береговую. По каютъ-компани вѣялъ бризъ. Но онъ былъ слишкомъ тепелъ, тѣло изнемогло отъ пота. Даже свѣтъ электричества казался знойнымъ.

— На два румба справа встрѣча, — доложилъ вѣстовой съ порога.

Встрѣча — наша единственная радость, и всѣ встали, пошли на палубу. Давно ждемъ «Меркурія» — не онъ ли? Но нѣтъ: слишкомъ низко и далеко другъ отъ друга висѣли за темной зыбкой равниной, уходящей къ востоку, къ Аравіи, два далекихъ топовыхъ огня... И, швыряя окурки, красными полосками мелькавшіе за бортомъ, глядя на фокъ, на гладкій стволъ его, прорѣзавшій звѣздное небо, и на безсонную птицу, висящую на штангѣ, мы разбрелись по палубѣ...

Ночь, опять ночь. Идешь — бризъ мягко дуетъ въ спину, тѣло подъ легкой одеждой наслаждается имъ. Изъ трубы клубится темный валъ дыма, луна, какъ зеркало, мелькаетъ въ немъ, по палубѣ бѣжитъ, волнуется широкая тѣнь его, подъ ногами хруститъ угольная пыль. Обдаетъ тепломъ, запахомъ разогрѣтаго машиннаго масла и стали, дальше — опять ласковымъ вѣтромъ и чѣмъ-то раздражающимъ, приторнымъ: это густо,пряно, какъ все въ тропикахъ, пахнетъ изъ трюмовъ копра, кокосовые очески; этотъ запахъ вѣчно будетъ томить, напоминать пахучія гавани, теплую зеленоватую воду, первобытные челноки голыхъ шоколадныхъ людей, густыя чащи высокихъ тонкихъ пальмъ, склоненныхъ съ береговъ, благовонныя кумирни въ вѣчно-цвѣтущихъ лѣсахъ... Волна за волной несется мимо борта, обгоняя тебя. Минуешь двери освѣщенныхъ каютъ, — фельдшеръ и поваръ сидятъ

на порогахъ и вторятъ другъ другу на звенящихъ мандолинахъ, — проходишь на корму и останавливаешься у штурвала, надъ кипящей водой. . .

Однообразно шумитъ она, выбиваемая винтомъ изъ-подъ кормы, вырывается изъ-подъ нея тугими клубами, снѣжнымъ фосфоромъ, и убѣгаетъ въ океанъ блѣдно-блѣвущей прямой дорогой. Равнина моря къ востоку тяжела, темно-лилова, въ небосклонѣ надъ нею — бѣлыя звѣзды широко и низко раскинутой Большой Медвѣдицы, родной съ дѣтства. Подъ луной — безконечная сіяющая гладь, осыпанная несмѣтными серебряными иглами. Какъ высока эта теплая, тропическая луна, какъ легки и свѣтлы горизонты! Драгоценными самоцвѣтами играютъ надъ горизонтомъ юго-западнымъ, особенно легкимъ и свѣтымъ, Канопусъ и Сиріусъ. Ниже, въ прозрачномъ и пустомъ небосклонѣ, стоятъ четыре алмаза слегка склоненнаго Южнаго Креста, каждую ночь выходящаго изъ нѣдръ тѣхъ невѣдомыхъ южныхъ водъ, которымъ нѣтъ предѣла до самаго полюса. . .

Вотъ съ бака раздается два короткихъ удара въ колоколь — восьмичасовая склянка. Въ нихъ — поэзія старой морской жизни, безграничныхъ водныхъ пространствъ, ночи за тысячи миль отъ земли. Они быстро тонуть въ великой тишинѣ моря и неба, послѣ нихъ воцаряется еще болѣе глубокое молчаніе, вода шумитъ еще однообразнѣе. . .

Вотъ опять среди темной равнины къ востоку — медленно идущіе огни встрѣчнаго парохода. Мелькаетъ и гаснетъ, мелькаетъ, мелькаетъ и гаснетъ огонекъ на немъ: беззвучно, этими слабыми и бѣдными знаками, которыми даетъ вѣсть крохотная человѣческая

жизнь другой такой же, окруженной морями, пустынями, безвѣстностью, смертью, ведемъ мы нашу морскую бесѣду, — съ тревогой и надеждой спрашиваемъ о той родной точкѣ земного шара, которая намъ, скитающимся по всему свѣту, единственно дорога и нужна. . .

У насъ на вахтѣ третій помощникъ, онъ и сигнализируетъ. Человѣкъ онъ недалекій, тропики умѣетъ сравнивать только съ баней, всѣхъ цвѣтныхъ называетъ эфиопами, на стѣнахъ его каюты — копеечные японскіе вѣера, открытки, подчасникъ турецкой туфелькой, на столѣ — карточка жалкой и некрасивой мѣщаночки. . . Но да сохранить Богъ-Ревнитель и его счастье!

Капри. 10. II. 1913.

ПЫЛЬ

Высокіе запыленные тополя шумѣли отъ знойнаго вѣтра возлѣ большого блага вокзала. Въ тяжелыхъ вагонахъ длиннаго почтоваго поѣзда, поровнявшагося съ навѣсомъ, потемнѣло и стало тѣсно, всѣ поднялись съ мѣстъ, разбирая вещи. Ворвались въ вагонъ рослые мужики въ бѣлыхъ фартукахъ. Хрущевъ отдалъ одному изъ нихъ чемоданъ и приказалъ взять билетъ на курьерскій поѣздъ, отходящій въ двѣнадцать съ половиной.

Все по эту сторону вокзала было знакомое, московское. Но по ту — совсѣмъ другое, забытое: глубокая провинція, край просторный, хлѣбный, богатый и скучный. Пыльное солнце пекло ухабистую площадь. Нѣсколько запыленныхъ извозчиковъ стояло вдали. Сѣрый отъ пыли вагонъ трамвая ждалъ чего-то. И Хрущевъ вспомнилъ Востокъ, Турцію...

Мѣщанинъ, въ рыжей, выгорѣвшей чуйкѣ, въ картузѣ, надвинутомъ на уши, въ истертыхъ, съ пылью въ складкахъ, сапогахъ, грызъ на площадкѣ вагона подсолнухи. Грызъ и кондукторъ, поводя голубыми хмельными глазами. Неожиданно для всѣхъ и разсѣянно онъ дернулъ за темный ремень, и впереди щелкнуло.

Вагонъ покотился внизъ, завернулъ къ трактиру въ угловомъ домишкѣ, тоже какъ будто турецкомъ, — ветхомъ, деревянномъ, и навстрѣчу цѣлой тучи пыли понесся подъ изволокомъ — по широкой и безконечной улицѣ съ горбатой шоссейной дорогой посрединѣ и мѣщанскими хижинами по сторонамъ.

Тусклое солнце жарко свѣтило сквозь тусклое стекло. Хижины мелькали все нищія, съ высокими и гнилыми, почернѣвшими тесовыми крышами. Навозъ сушился передъ ними. Надъ воротами торчали шести съ желто-сѣдыми пуками ковыля. Хрущевъ съ радостью почувствовалъ, что всю жизнь будетъ любить все это. Но далеко впереди виднѣлись каменные триумфальныя ворота. За ними начинался городъ чиновничій и купеческій, весь бѣлый, каменный. Хрущевъ вспомнилъ себя юношей, корректоромъ губернскихъ вѣдомостей, вспомнилъ холеру, запахъ хлористой извести на вокзалѣ, серебристое отъ пыли и зноя небо за его бѣлымъ фасадомъ и торжественные проводы губернатора, важнаго опять-таки по-турецки, однимъ видомъ своимъ повергавшаго въ столбнякъ вытянутыхъ городскихъ, вѣхавшаго на бунтъ, пороть мужиковъ... «Ахъ, будь она проклята, эта моя молодость», — подумалъ Хрущевъ...

Остановились въ центрѣ города. Тутъ на площади, передъ думой, биржей и старыми колониальными магазинами, надо было ждать пересадки: Хрущеву хотѣлось побывать на окраинахъ, на Пушкинской улицѣ, гдѣ онъ жилъ когда-то у саможника Мухина. Хрущевъ прошелъ по каменному тротуару мимо пекарни Чаева, мимо столѣтняго виннаго магазина братьевъ Шафоростовыхъ, мимо подъѣзда гостиницы «Парижъ».

въ красныхъ, помпейскихъ сѣняхъ которой круто поднималась лѣстница, покрытая истоптаннымъ половикомъ. Запахъ пекарни былъ скучень. Запахъ лимоновъ, бакалеи изъ прохладнаго, полутемнаго магазина съ политыми полами снова пробудилъ молодыя чувства — еще тѣхъ дней, когда Хрущевъ ѣздилъ съ отцомъ въ городъ на лошадахъ, и отецъ покупалъ у Шафоростовыхъ карты, мѣлки, стеариновыя свѣчи и хересъ, — темныя бутылки, оплетенныя тонкой проволокой. Мимо шли какъ будто все тѣ же черныя салопы со стеклярусомъ, все тѣ же лоснящіеся на солнцѣ купеческіе сюртуки, и заунывно, по-восточному, кричали все тѣ же квасники въ красныхъ рубахахъ, что кричали двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Выбритый, рыжеусый, краснелицый городской, стоя среди площади, оправлялъ нитяныя перчатки на толстыхъ рукахъ.

Пришелъ вагонъ съ Карачевской. Онъ направлялся какъ разъ на тѣ пустынныя улицы, куда двадцать пять лѣтъ тому назадъ Хрущевъ попалъ изъ-подъ родительскаго обнищавшаго крова, изъ деревни. Опять неожиданно щелкнулъ зеснкомъ кондукторъ. Опять стало припекать спину сквозь тусклыя стекла, и понеслась навстрѣчу пыль... Жилъ Хрущевъ на Пушкарной улицѣ среди чужой, грязной семьи. Застѣнчивый барчукъ, какъ не шелъ онъ къ ней! Но какъ, значить, счастливъ онъ былъ своей молодостью, если и теперь еще запахъ сапожнаго товара, герани и гнили мѣщанскаго угла волнуетъ его, если отъ его хожденія въ казенную типографію остались въ памяти только раннія солнечныя утра и свѣжесть городского сада, мимо котораго проходилъ онъ, перейдя по деревяннымъ лавамъ мелкую рѣчку и поднявшись на гору!

«Пушкарная!» — крикнулъ кондукторъ. Вагонъ остановился на половинѣ широкой немощеной улицы: здѣсь путь обрывался, рыжіе рельсы упирались въ песокъ, поросшій кое-гдѣ муравой. Вагоновожатый сталъ переводить желѣзный лукъ, соединяющій вагонъ съ проволокой, убѣгающей отъ столба къ столбу назадъ, въ городъ. . . Тишина и жаркій, ослѣпительный свѣтъ. По правому тротуару, по каменистымъ колчамъ, Хрущевъ долго шелъ мимо всяческихъ мѣщанскихъ домишекъ — и сѣрыхъ, и голубыхъ, и бѣлыхъ, но одинаково нищихъ. Онъ внимательно глядѣлъ на нихъ, читалъ надписи на дощечкахъ надъ калитками. . . Чуть не вся улица принадлежала женщинамъ: рѣдко-рѣдко гдѣ владѣлецъ, а то все владѣлицы, — странная черта русскаго захолустья! Онъ спрашивалъ встрѣчныхъ старухъ, далеко ли до дома Мухина, — онѣ не знали и робѣли отвѣчая. Ладный, коротконогій, чѣмъ-то довольный солдатъ, шедшій навстрѣчу, отиралъ рукавомъ губы отъ мокрой шелухи подсолнуховъ. Хрущевъ хотѣлъ спросить и его, гдѣ домъ Мухина, — и не могъ. Усталость онъ чувствовалъ смертельную.

Лицо его горѣло подъ тѣнью соломенной шляпы, въ головѣ мутилось отъ жары. Онъ опять остановился. Хижину Мухина трудно было найти, слишкомъ она была похожа на другія. Онъ сталъ искать глазами тотъ домъ, чтó когда-то бѣлѣлъ напротивъ Мухина, далеко выдѣлялся среди этой бѣдной улицы своей желѣзной крышей и садомъ за заборомъ. Но и этого дома не было. А улица точно на край свѣта шла. И вдругъ вся эта затѣя — шататься въ жару, ломать ноги по песку и камнямъ, вызывать удивленные взгляды встрѣчныхъ своей легкой одеждой и шляпой — показалась глупой и

безцѣльной. Навстрѣчу медленно вѣхаль извозчикъ, молодой парень на ободранной пролеткѣ, на клячѣ съ кривыми, опухшими ногами. Хрущевъ крикнулъ, замахаль шляпой, испугавшись, что онъ скроется куда-нибудь въ переулокъ.

«На вокзалъ, да поскорѣе!» — сказалъ онъ, садясь. И кляча понесла его съ такой неожиданной прытью, что онъ не чаялъ живымъ остаться, ныряя по тѣмъ пустырямъ и буеракамъ, которые избралъ извозчикъ для сокращенія пути на вокзалъ.

Курьерскій поѣздъ подходилъ. Хрущевъ торопливо соскочилъ съ пролетки. Радость оживила его. Онъ прошелъ пахнуцій самоваромъ вокзалъ и черезъ минуту уже сидѣлъ въ купѣ международнаго вагона. Какъ легко и плавно тронулся поѣздъ! Какая чистота въ этой маленькой каюткѣ, сіяющей зеркалами, мѣдью, краснымъ лакированнымъ деревомъ и темно зеленымъ ритымъ бархатомъ дивана!

Вагонъ уже мотало. Приноравливаясь къ его качкѣ, Хрущевъ снялъ шляпу, поглядѣлъ въ зеркало на свое блѣдное лицо, сѣлъ. . . Полуденное солнце, свѣтившее за большимъ пыльнымъ стекломъ, горячей полосой ходило по дивану. Хрущевъ протеръ стекло; раскачиваясь отъ бѣга ревущаго на станціонныхъ путяхъ поѣзда, онъ долго разглядываль огромную низменность, въ тускломъ блескѣ которой туманно лежалъ городъ. Потомъ наполовину спустилъ кожаную занавѣску, — и сердце его сжала тоска, тоска какъ бы послѣдней разлуки съ этимъ уходящимъ изъ глазъ городомъ и съ бѣдными воспоминаніями молодости.

Въ дверь осторожно постучали: лакей съ карточкой завтрака заглянулъ въ купѣ. — Прекрасно, оставьте

мнѣ мѣсто, — сказала Хрущевъ съ той пріятной легкостью, съ которой, вѣрно, говоритъ на своемъ языкѣ иностранецъ, переѣхавшій границу своей страны послѣ Россіи. На минуту онъ сладко захмелѣлъ, вспоминая, что сейчасъ будетъ сидѣть за столикомъ съ букетомъ цвѣтовъ, за бутылкой вина, и что впереди — сѣро-сиреневыя горы, бѣлый городъ въ кипарисахъ, нарядные люди, зеленыя морскія волны, длинными складками идущія на гравій, ихъ лѣтній, атласный шумъ, тяжесть, блескъ и кипень... Лакей деликатно притворилъ дверь. Хрущевъ легъ на диванъ, — и мысли его опять возвратились къ молодости, къ началу его бездомной жизни, къ этому большому мертвому городу, вѣчно заносимому пылью, подобно оазисамъ среднеазиатскихъ пустынь, подобно египетскимъ каналамъ, засыпаемымъ пѣсками...

«Пыль, пыль, пыль!» — думалъ онъ съ какой-то ѣдкой и сладкой тоской, глядя на тончайшую сухую мглу, наполнявшую его жаркое купѣ. — «Азія, Азія!» Вагонъ мотало...

Капри. 23. II. 1913.

СКАЗКА

Идутъ съ сѣвера тучи и закрываютъ западъ, который еще даетъ невѣрный свѣтъ деревенской грязной улицѣ. Въ избѣ почти темно.

Баба разводитъ огонь на загниѣткѣ: набила въ чугуны яиць, хочетъ дѣлать яичницу. Въ другомъ чугунѣ, щербатомъ, она принесла изъ лавки два фунта гречневой крупы. Она поставила его на нары, и ребяташки, одинъ за другимъ, заголяясь, сошмыгнули съ печки, сѣли вокругъ чугуна, горстями, торопливо ѣдятъ сырую крупу, закидывая назадъ головы, и отъ жадности дерутся.

На лавкѣ возлѣ стола, облокотясь на подоконникъ, сидитъ мелкопомѣстный баринъ, въ глубокихъ калошахъ, въ теплой поддевкѣ и каракулевой шапкѣ. Ему двадцать лѣтъ, онъ очень великъ, худъ и узкогрудъ. Глаза у него чахоточные, темные; ротъ большой, бѣлая тонкая шея, со впадинами за ушами, закутана розовымъ гаруснымъ платкомъ жены. Онъ недавно женился на дочери винокура, но уже соскучился съ женой и ходитъ по вечерамъ къ сосѣду, къ Никифору: заставляетъ его рассказывать сказки и были, плохо слушаетъ, но даритъ за работу то гривенникъ, то двугривенный.

Никифоръ мужикъ еще молодой, но сумрачный. Какъ попалъ онъ въ сказочники, ему самому непонятно. Началось съ шутки: рассказалъ однажды какой-то пустякъ, а барину понравилось, — смѣясь, онъ даль на полбутылки и, зайдя на другой день, потребовалъ новаго рассказа. Пришлось вспоминать всякую чепуху, порою выдумывать что попало, порою врать на себя всякую небылицу. Притворяться балагуромъ, сказочникомъ неловко, но неловко и сознаться, что нечего рассказывать. Да и какъ упустить заработокъ? Все-таки не всегда засыпаютъ голодными ребятишки, закусишь и самъ иной разъ, купишь табаку, соли, мучицы, а не то, какъ вотъ нынче, крупы, яиць.

Никифоръ сидитъ за столомъ, насупясь. Надо рассказывать, а ничего не придумаешь. Держа въ зубахъ трубку, вытянувъ верхнюю губу, глядя въ землю, снѣ до зеленой пыли растираетъ на ладони надъ кисетомъ корешки, выгадывая время. Баринъ ждетъ спокойно, но ждетъ. Хворостъ подъ чугуномъ разгорается, но свѣтъ держится только возлѣ печки; уже не видно визжащихъ ребятишекъ, смутно и лицо барина. Однако Никифоръ не поднимаетъ глазъ, боясь выдать свое раздраженіе. Рассказывать нечего, но раздраженіе помогаетъ. Притворяясь думающимъ, онъ медленно, невыразительно начинаетъ:

— Старыя права были хитрыя. . . Вотъ такъ-то поѣхалъ одинъ мужикъ за дровами въ лѣсъ, дѣло было, конечно, зимой, самый холодъ ужасный, и встрѣчается съ бариномъ. . . У мужика, конечно, лошадь плохая, а баринъ попался злой. Ну, встрѣчается съ нимъ, кричитъ «сворачивай съ дороги. . .» Снѣгъ былъ глубокій, мужикъ съ дороги не сворачиваетъ, говоритъ «куда

жъ мнѣ сворачивать? вы, говоритъ, на тройкѣ, а я на одной, да еще съ возомъ...» Баринъ вскакиваетъ, сшибъ его съ ногъ долой, давай кутузкой гладить... Отгладилъ разъ, мужикъ отвѣчаетъ «за вами, говоритъ, должокъ.» Баринъ глядитъ, что такое онъ буровитъ, дуракъ, моль, опять его кутузкой... И онъ его четыре раза поролъ, этотъ самый баринъ... Потомъ бросилъ его пороть и говоритъ на кучера: «ну, онъ, вѣрно, дуракъ, ну его къ чорту, сворачивай...» Поѣхалъ, значить, своей дорогой, а мужикъ своей. Приѣзжаетъ домой, «ну, говоритъ, дѣвка, врядъ живъ буду; избилъ баринъ, вся тѣло синяя...» Мужикъ этотъ шесть недѣль отлежалъ отъ сильнаго удара...

Что дальше, Никифоръ не знаетъ и, выгадывая время, насыпаетъ трубку. Затѣмъ продолжаетъ:

— Выздоровѣлъ, конечно, а онъ былъ плотникъ, и собирается въ дорогу. Положилъ въ мѣшокъ рубанокъ, аршинъ, топоръ... А барина этого была фамилія Шутовъ. Шель, шель, приходитъ, спрашиваетъ, гдѣ такой-то баринъ проживаетъ... Входитъ на дворъ. Лакей выходитъ, говоритъ «вы плотникъ?» Говоритъ, плотникъ. «Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ.» Приходитъ къ барину. «Вы, говоритъ, изъ рязанцевъ?» Мужикъ отвѣчаетъ: «такъ точно.» «Вы, говоритъ, откуда?» — «Я, говоритъ, Танбовской губерніи, Рязанскаго уѣзда.» — «Вотъ мнѣ нужно домъ сдѣлать.» Ну, конечно, договорились цѣной, — за двѣсти рублей. Написали между собой расписку, далъ пятьдесятъ рублей задатку... А у него былъ лѣсъ свой, у барина у этого... «Ну, говоритъ на барина, какъ бы намъ сѣздить посмотрѣть лѣсъ этотъ.» Велѣли запречь, сѣли, поѣхали. Приѣзжаютъ. Мужикъ этотъ самый и гово-

ритъ кучеру: «ты, говоритъ, ступай на опушку, а мы тутъ будемъ стоять.» Кучеръ отправляется, а мужикъ подходитъ сейчасъ къ дереву, расколоть ее топоромъ, затесаль клинь и загналъ въ трещину. . .

Тутъ Никифоръ нагибается къ трубкѣ и поспѣшно закуриваетъ, стараясь не глядѣть на барина, растянувшего ротъ въ ласковую, наивную улыбку. Табачная пыль въ трубкѣ горитъ синимъ огонькомъ. Никифоръ тушитъ его пальцемъ, пускаетъ дымъ и кашляетъ.

— Ну, раздвоилъ мужикъ эту дереву и давай нюхать въ середкѣ. Баринъ спрашиваетъ у мужика: «Что это ты, братецъ, нюхаешь?» — «А вотъ что нюхаю, узнаю, какой лѣсъ, сухъ ли будетъ.» — «Да твой носъ не чувствительный, дай-ка я понюхаю.» А мужику того и надо, вытолкнулъ клинь, носъ-то бариновъ и прихватило какъ слѣдуетъ. А у этого мужика тоже плетка была треххвостовая; онъ поскорѣй ему брюки долой и давай этой плеткой полосовать. . . Онъ его до того дралъ, то баринъ кричалъ, а то и кричать пересталъ. . . «Ну, говоритъ, еще два раза за тобой.» Съль на лошадь — и часъ добрый. Кучеръ приходитъ — лошадей, саней нѣту, а баринъ у деревѣ носомъ забить, и тѣло вся изрублена до живого мяса. . .

— Очень глупо, — говоритъ баринъ, улыбаясь, и косится на загнившую, откуда тянетъ шипящей въ салѣ яичницей.

Теперь пламя подъ чугуномъ совсѣмъ красно, въ избѣ совсѣмъ темно. Дѣти, доѣвъ сырую крупу до зернышка, слушаютъ отца. А онъ небрежно отвѣчаетъ барину:

— Старики чего не наплетутъ. . . Конечно, сказка.

— И предурацкая, — говоритъ баринъ. — Ну, ну, продолжай.

— Да что жъ тутъ продолжать. Баринъ, конечно, заболѣлъ, чуть не померъ, мѣсяца два больной былъ, а мужикъ прослышалъ объ этомъ и заявляется къ нему докторомъ. Выходить опять лакей. «Вы, говоритъ, изъ докторовъ?» Говоритъ изъ докторовъ. «Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ.» Мужикъ входитъ прямо въ домъ, велитъ самоваръ ставить. Принесли самоваръ, закуски наклали, бѣлаго хлѣба... Мужикъ напился, наѣлся какъ надо, потомъ идетъ свидѣтельствовать, чѣмъ онъ нездоровъ. Обнаготилъ его всего, «это вы, говоритъ, отъ побоевъ нездоровы, что, говоритъ, у васъ баня есть?» Онъ отвѣчаетъ, есть. Сейчасъ приказалъ натопить баню, велитъ несть барина въ баню на простынѣ, растирку дѣлать. Лакей съ кучеромъ понесли, а онъ и говоритъ: «Погоди, говоритъ, я съ тебя спущу шкуру-то, дай только выздоровѣть.» А этотъ мужикъ идетъ сзади и говоритъ: «Погоди, погоди, я съ тебя еще половчѣе спущу.» Начинаетъ его парить, а на лакея съ кучеромъ сказалъ «вы можете отсюда удалиться.» Тѣ ушли, остался докторъ, мужикъ этотъ самый, съ бариномъ одинъ-на-одинъ въ банѣ... Онъ его парить, а баринъ говоритъ: «вы вотъ тутъ-то да вотъ тутъ-то.» Онъ какъ выхватитъ треххвостку, да вдоль хрипа — разъ! «А тутъ-то, молъ, не надо?» До тѣхъ поръ его парилъ, чуть живого оставилъ, да въ холодную воду головой. Приходитъ въ домъ, говоритъ барынѣ: «мнѣ баринъ приказалъ сто рублей выдать.» Получилъ денежки и отправился ко двору. А барина чуть живого вытащили, ужъ бульки сталъ пускать и весь кровью подплылъ...

Приложивъ къ краямъ чугуна ветошки, баба несетъ его отъ печки и ставитъ на столъ. Потомъ рѣжетъ на ломти краюшку хлѣба, вдавливая ее себѣ въ грудь.

— Кушайте на здоровье, — говоритъ она притворно, кладя по ломтю передъ бариномъ и передъ Никифоромъ.

— А ты-то что жъ? — спрашиваетъ Никифоръ.

— Да мнѣ чтой-то не хочется. У меня отъ ней изжога всегда. . .

— Ну, а я не любитель до ней. . .

Яицъ всего десятокъ, хлѣба тоже мало, но такъ вкусно пахнетъ саломъ и хлѣбомъ, что баринъ, пересильная неловкость, съ дѣланной беззаботностью, снимаетъ съ нагрѣтой головы шапку.

— Ну, а я глазокъ съѣмъ, — говоритъ онъ, придвигая къ себѣ чугуны и берясь за деревянную шершавую ложку.

Онъ, обжигаясь, ѣстъ и съ улыбкой мотаетъ головой, дѣлая видъ, что думаетъ о сказкѣ.

— Очень глупо! — говоритъ онъ съ удовольствіемъ.

Никифоръ злобно глядитъ на его маленькую голову, на его мягкіе волосы, причесанные на косою рядъ и приглаженные шапкой.

— А глупо, вы бы не слушали, — говоритъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ рассказывай до конца, — отвѣчаетъ баринъ, заставляя себя положить ложку и отодвинуться. — Чѣмъ же дѣло-то кончилось? — спрашиваетъ онъ, между тѣмъ какъ баба беретъ чугуны и несетъ его на нары, къ дѣтямъ.

— А тѣмъ и кончилось, — говоритъ Никифоръ, — что окончательно предалъ къ землѣ мужикъ этого самаго барина. Онъ послѣ этой самой бани опять мѣся-

да три больной отдернулъ. . . То охотой прежде занимался, а тутъ и охоту свою забылъ. . . Лежитъ и общается: «Вотъ какъ выздоровлю, поведу по святымъ мѣстамъ молиться.» А мужикъ этотъ прослышалъ, что онъ хочетъ шинель себѣ походный шить, моментально разжился себѣ иглу, аршинъ взялъ и приходитъ на барскій дворъ. Конечно, его сейчасъ увидали. «Это, говорятъ, портной, его-то намъ и надо.» Призываютъ въ домъ, баринъ говоритъ, «мнѣ нуженъ, говоритъ шинель изъ такого-то вотъ матерія», а мужикъ сотроду не видалъ даже, какъ краютъ. Подумалъ и говоритъ: «Этого сукна, говоритъ, не хватаетъ, надо въ городъ посылать.» Баринъ подошелъ, глянулъ и прямо велитъ въ городъ ѣхать. Сейчасъ запрегъ кучеръ лошадей, барыня сѣла въ сани и въ городъ, а мужикъ сидитъ, складываетъ это сукно, какъ мѣшокъ. Баринъ говоритъ, «что это ты дѣлаешь, портной?» — «А вотъ я что дѣлаю: я сперва наживлю, а потомъ на васъ надену, мѣрку сниму.» Надѣлъ на него этотъ мѣшокъ, «вы, говоритъ, только руки подберите.» Подпоясалъ его совсѣмъ съ руками, да какъ выхватить плетку, да черезъ морду, по чемъ попало! До тѣхъ поръ его пороль, пока кричать пересталъ. . . Подобралъ сукно да драло. . .

— Однако, ты не изобрѣтателенъ! — говоритъ баринъ.

Никифоръ и самъ чувствуетъ, что конецъ сказки, несмотря на все его раздраженіе, вышелъ слабъ, и, краснѣя отъ стыда, спѣшитъ вывернуться.

— Какъ такъ? — спрашиваетъ онъ, поднимая лицо и въ упоръ глядя сквозь темноту на барина. — Вы не дослушали, а говорите, сами не знаете что. Онъ его

не одной плеткой, а еще и аршиномъ желѣзнымъ перекрестилъ какъ слѣдуетъ. . . Онъ ему, говорятъ, всѣ руки, ноги переломалъ, до того билъ. Барыня заявила, а онъ ужъ убитый лежитъ. . . «Ну, говоритъ, теперь похватались. . .» Выскочилъ въ окно и прямо черезъ садъ, — потуда и видѣли. . . Тамъ «ахъ, ахъ», «лови, лови», а его ужъ и слѣдъ простылъ. . .

Грубимъ тономъ сказавъ послѣднія слова, Никифоръ смолкаетъ. Молчитъ отъ неловкости за него и баринъ. Никифоръ это чувствуетъ и пытается убожество своей выдумки оправдать нравоученіемъ:

— Да и вѣрно, — говоритъ онъ, глядя въ сторону. — Не наказывай зря. Вы вотъ еще молоды, а я этихъ побасокъ мальчишкой конца-краю нѣту сколько наслушался. Значитъ, въ старину-то тоже не медь была. . .

— Разумѣется, не медь, — отвѣчаетъ баринъ, поглядывая въ окошечко и напѣвая. — Разумѣется, не медь, — вздыхаетъ онъ. — А дождь-то опять, кажись, пошелъ. . . Чортъ знаетъ, что такое! Скажи, на твое настроеніе очень дѣйствуетъ такая погода, или тебѣ все равно?

— Какъ же такъ все равно? — говоритъ Никифоръ. — Конечно, жалко. Да у меня-то еще милость: и строенья-то всего одна изба. . . А, конечно, и та прѣветъ, протекаетъ. . . Желѣзная крыша, и та ржавѣетъ, не то что солома. . .

Баринъ, легонько усмѣхнувшись, медленно надеваетъ шапку, медленно застегивается. Въ избѣ темъ, — слѣдовало бы дать хоть гривенникъ на керосинъ. Но нынче давать особенно неловко.

Думая о дурацкой сказкѣ, онъ бредетъ въ темнотѣ подъ мелкимъ дождемъ къ своей жалкой усадьбѣ, ми-

мо ограды старенькой церкви. За оградой, слабо освѣщая могилы, горитъ фонарь: церковь недавно обокрали. И говорятъ, что Никифоръ, пропивалъ въ шинкѣ на большой дорогѣ мелкіе складни.

Анакапри. 12. III. 1913.

ХОРОШИХЪ КРОВЕЙ

— Я хорошихъ кровей, — говоритъ про себя коноваль Липать. — А все оттого, что мы споконъ вѣку ѣдимъ хорошо. Со скотинѣ взять примѣръ: у смореной лошади дрянъ носомъ идетъ, и она даже можетъ другихъ заразить. А мы всегда хорошо жили. Дѣдъ страшный колдунъ и первый однодворецъ во всей округѣ былъ. А покойный родитель еще потягался бы съ нимъ. Ну, вотъ и считай, что мнѣ по наслѣдству пришлось. . . Я, братъ, не простой коноваль.

Говоритъ онъ мѣрно, низко, съ пріятной грубостью. Зовутъ его, конечно, не Липатомъ, но Ипать — это мужикамъ да и ему самому не нравится. Отца его звали такъ же, какъ дѣда, — Борисомъ. Онъ увѣряетъ, что нѣтъ такого имени — Борисъ, а есть Борисоглѣбъ, что былъ въ старину святой, благовѣрный князь-однодворецъ, носившій это имя, и что далеко не всякій мужикъ достоинъ быть тезкой Борисоглѣба.

— И меня обязательно надо было такъ же назвать, — говоритъ онъ. — Только, конечно, мы попамъ ножъ вострый, они нашъ родъ споконъ вѣку не любятъ, вотъ и сдѣлали на-зло намъ,

Росту онъ большого, волосомъ блѣдно-желтъ; глаза у него мутно-синіе, рѣсницы бѣлыя, крупныя. «Мы, сказываютъ, изъ Сибири пришли, — говоритъ онъ. — Оттого у меня и ростъ и волосъ сибирный. Одного не пойму, — и тутъ онъ сдвигаетъ рукавъ полушубка и показываетъ жесткую, покрытую красноватой шерстью руку: — волосъ у меня вездѣ лисій, бланжевый, а по рукамъ съ красниной: вѣрно, мѣченые мы всѣ. . .» Зимой онъ носитъ черную баранью шапку, сверхъ полушубка — длинный тулупъ нараспашку, съ большимъ раскинутымъ по плечамъ воротомъ изъ бѣлой овчины, и длинные, кожей обшитые, валенки.

Онъ богатъ. Живетъ на дѣдовскомъ помѣстьѣ, въ голомъ полѣ. Хозяйствуетъ безъ работниковъ, съ двумя женатыми сыновьями. Не жаденъ, не золь, но безпощаденъ. Разъ подкаурилъ поджигателя, пьяницу-старика, убилъ — «какъ лярву» — слегой, заявилъ, куда слѣдуетъ — и забылъ. Воровъ ни въ грошъ не ставитъ — «мышь копны не боится», — говоритъ онъ насмѣшливо, но держитъ цѣлыхъ семь штукъ ужасныхъ собакъ. Онѣ часто выходятъ подъ дорогу, въ поле. Прошлый годъ на клоки разорвали нищенку, рвутъ пастуховъ и овецъ, — только подгони стадо къ хутору! — и почему-то особенно злы осенью.

Коноваль онъ знаменитый. Но слыветъ и рѣдкимъ крысоморомъ. А морить, изгонять крысъ — это уже съ колдовствомъ связано.

По достатку своему онъ давно бы могъ оставить такія дѣла. Но они перешли къ нему по наслѣдству, отъ покойниковъ родителей: они даютъ ему извѣстность, окружаютъ его дворъ и всѣ преданія двора та-

инственностью. А это для него важнѣе всякаго богатства.

Онѣ очень дорожитъ тѣмъ, что его считаютъ не простымъ человѣкомъ. Онѣ чувствуетъ себя носителемъ какой-то большой и жуткой силы, съ которой онѣ, если бы даже и хотѣлъ того, не могъ бы разстаться, — невольнымъ воспріемникомъ какихъ-то знаній, высокихъ тѣмъ болѣе, что, соприкасаясь съ колдовствомъ, они, однако, творятъ на землѣ не злое, а доброе.

Онѣ рассказываетъ:

— Есть разные колдуны. Есть отъ Бога, есть и отъ врага. Кто къ сатанѣ захочетъ прикачнуться, тотъ ужъ и дѣлаетъ такъ. Перво-наперво онѣ въ самую темь, въ ночь-полночь въ овинѣ обязанъ итти и ружье съ собой и образъ взять. Собака не брешетъ, лягушка не турлычетъ, а онѣ, знай, иди. Придетъ, вздуетъ огонь въ печи, сниметъ съ себя крестъ, сядетъ на него и ждетъ, сидитъ. . . Какъ полночь, такъ онѣ и вотъ онѣ: зашуршитъ, какъ собака, въ соломѣ, подыметъ рогами подъ самый рѣшетникъ изъ этой самой страсти, темени, и корыто поганое передъ тобой постановитъ. Самъ молчитъ, а самъ дѣло дѣлаетъ. Наблюдетъ въ него, нагадитъ, а ты — ѣшь. Потомъ ружье у тебя изъ рукъ возьметъ. Зарядитъ, какъ надо, забьетъ дохлой шерстью, а образъ надъ печью пристроитъ: хочешь, не хочешь, а стрѣляй. . .

— Это, значитъ, на гибельныя дѣла силу человѣкъ получаетъ, — говоритъ слушатель. — А на хорошія?

— А на хорошія тоже не медъ. Ночью надо на перекрестокъ пойтти и свинымъ ножомъ кровь себѣ изъ лѣвой руки кинуть. Онѣ ее страсть какъ любитъ. Всю

подбереть, вылижетъ вмѣстѣ съ пылью. Ну, вотъ такимъ-то побытомъ и дѣдъ нашъ, конечно, дѣлалъ. Зато и богатъ, жаденъ былъ. Сталъ помирать, отецъ стоитъ надъ нимъ, ждетъ отъ него силы, а онъ велѣлъ подать себѣ на блюдѣ серебра, золота — и давай его въ ротъ горстями пхать. Подавился, заплакалъ — «нѣтъ, говоритъ, видно, съ собой не унесешь!» — и открылся отцу во всемъ. . . А мнѣ покойникъ родитель только и сказалъ, что одно слово до трехъ разъ: «Все мое — твое, все мое — твое, все мое — твое. . .» Шутка-то, кажись, не хитрая, а поди-ка откажись!

Бздить онъ на крысъ съ мѣшочкомъ «бѣлаго камня», мышьяка, а то и просто «съ голыми руками». Онъ говоритъ, что стоитъ ему войти въ домъ, гдѣ, предвѣщая всяческія бѣды, множатся крысы, какъ гурьбой потянется крысиное пискучее племя вонъ изъ дому, въ степь, въ яруги. Онъ появленіемъ своимъ повергаетъ въ тревогу пауковъ, ткающихъ сѣти по угламъ, за образами. Онъ знаетъ какія-то, только его роду вѣдомыя, «отдушины» у скотины. Взглянувъ на скотину, онъ безъ ошибки можетъ опредѣлить время ея болѣзни или смерти. Распухнетъ у свиньи горло, онъ обложитъ его съ наговоромъ теплымъ пометомъ. Обѣется корова вѣху, онъ пробьетъ ей бокъ гвоздемъ. Очумѣетъ, закружится «круговая» овца, онъ залетъ ей въ ухо горячаго масла. Мартъ, начало весны — время его усиленныхъ развѣздовъ. Тутъ онъ работаетъ, не покладая рукъ. Прибыль животворящихъ силъ, бродящихъ во всемъ живомъ, онъ начинаетъ чувствовать рано. Голосъ его пріобрѣтаетъ тогда особую крѣпость, движенія — силу и точность. Онъ осматриваетъ скотину, ломаетъ молодымъ лошадямъ «дурной зубъ» и

властно вторгается въ самые сокровенные уставы природы.

Нынче утро тихое и снѣжное. Много молодого мартовскаго снѣга выпало за ночь на господскую усадьбу. Снѣгъ и теперь еще падаетъ, но такой рѣдкій, что виденъ онъ только на темной глубинѣ въ раскрытыхъ воротахъ конюшни. Бѣлыя пухлыя крыши мягко и свѣжо выдѣляются на сѣромъ небѣ. Садъ весь въ лебяжемъ пуху; налипло на всѣ стволы, на всѣ вѣтви и склонило ихъ. Чуть морозить, но воздухъ не зимній. Не по-зимнему пахучъ кухонный дымъ, встающій ровно и высоко, сизымъ витымъ столбомъ. Съ закрытыми глазами стоитъ на варкѣ скотина, густо обросшая за зиму шерстью, коротконогая, бокастая... Что чувствуетъ она? Она въ сладкой предвесенней истомѣ, пьянѣетъ.

Липать пріѣхалъ въ усадьбу рано. Дома на хуторѣ, онъ всталъ чуть свѣтъ. Осторожно слѣзъ съ нарѣ, одернулъ рубаху, плеснулъ на лицо водою и, перекрестившись въ темный еще уголь, шагнулъ вонъ изъ душевой, полной спящими, избы: надо погоду взглянуть, да и сладко глотнуть въ этотъ ранній часъ душистой мартовской свѣжести. Возлѣ избы, на рыхломъ снѣгу, слабо бѣлѣющемъ въ сумракѣ, валялись, играли собаки. Одна вскочила и бросилась къ нему на грудь; онъ крѣпко охватилъ ее, теплую, сильную, съ бьющимся сердцемъ, зорко заглянулъ ей въ прозрачные глаза — и она тотчасъ же отвела и притушила ихъ... Потомъ пошелъ будить семью, одѣваться, завтракать. Лошадь запрягли и подали къ крыльцу сыновья.

Лошадь, старая, умомъ не уступающая человѣку, нескладная и машистая, легко несла его по снѣжной до-

рогѣ. Раскинувъ по плечамъ воротъ тулупа, овчина котораго такъ пріятно воняетъ на воздухѣ своей кислотой, онъ глубоко сидѣлъ въ низкихъ козырькахъ съ лубочнымъ круглымъ задомъ и чуть держалъ вожжи. Зыбко бѣлѣлъ снѣжный просторъ передъ нимъ. Въ селѣ стало свѣтлѣй, ярче. Лошадь на полномъ ходу сама завернула во дворъ усадьбы.

Птичница вела рѣзать гусака, держа его за одно крыло, и онъ, важно переваливаясь, слѣдовалъ за нею.

— Буди батраковъ! — крикнулъ ей Липать.

Не привязывая, остановилъ онъ лошадь недалеко отъ конюшни, у стопудоваго каменнаго корыта, похожаго на скифскую гробницу. Собаки нигдѣ не брешутъ на него. Всѣ онѣ поднялись и побѣжали къ нему, окружили, обнюхали его. Онъ, стоя среди нихъ, не спѣша скинулъ тулупъ, хорошенько свернулъ его, уложилъ въ козырьки, въ овсяную солому, и остался въ короткомъ полушубкѣ. Полушубокъ этотъ весь блеститъ, весь замаслился и заскорузъ отъ крови. Подпоясанъ онъ чернымъ и скользкимъ ремешкомъ — и сколько ржавыхъ желѣзокъ, крючковъ и ножей всяческой длины, спрятанныхъ въ кожаные ножны, виситъ, болтается на этомъ ремешкѣ! Въ конюшнѣ уже сидѣли, ждали работники.

Вотъ и послѣднихъ, рѣдкихъ снѣжинокъ не стало видно. Въ тишинѣ и спокойствіи бѣлаго утра ясно слышны зычные окрики Липата на горячихъ непокорныхъ жеребчиковъ. Дѣло совершается надъ ними жестокое, ужасное, но развѣ не на то и дана мудрая власть человѣку, чтобы смирать, уравнивать буйныя силы природы? Работники кричали безтолково, не въ ладъ. Жеребчики шарахались, они ловили ихъ,

галдѣли, торопя другъ друга, когда нужно было навалиться разомъ. А окрики Липата были кратки и властны: онъ-то понималъ, на что возсталъ онъ — зло и грубо, но съ цѣлями благими.

Конопатая, въ рудыхъ волосахъ, жесткая рука его, засученная по-локоть, часто мелькала въ воротахъ конюшни, — далеко выплескивала изъ деревяннаго, вырубленнаго топоромъ корца, темную густую кровь. Алыми пятнами были обрызганы и порогъ, и ящикъ старой телѣги, занесенной снѣгомъ у конюшенной стѣны, и борзые собаки, которыя съ визгомъ отскакивали, когда мелькала рука Липата, а потомъ, дрожа отъ жадности, лизали, ѣли красный снѣгъ.

Выводили и валяли лошадей работники. Липатъ командовалъ и наваливался на лошадь только тогда, когда она была уже связана, сбита съ ногъ и со всѣхъ сторонъ прижата къ землѣ. Никитка, толстомордый малый, былъ неповоротливъ. Липатъ далъ ему подзатыльникъ. Солдатъ, унылый человекъ, былъ боленъ зубами и лѣнивъ. Липатъ сурово и твердо глянулъ ему въ глаза — и солдатъ нахмурился, но ожилъ. Старика Гаврилу, услужливаго, но глупаго, торопливаго, ему не разъ хотѣлось взять за шиворотъ и выкинуть вонъ.

Напослѣдокъ дѣлали другое дѣло: ломали зубъ молодой кобылкѣ золотистой масти, съ «лысиной» на лбу и свѣтлой гривой. Она выскочила изъ денника легко и доврчиво, — и, подбитая подъ ноги, рухнула на солому, очень удивленная этимъ. Старикъ, упираясь ладьями въ землю, лежалъ, надувался на ея крупъ, но все сползалъ съ него, подхватывая лѣвой рукой гашникъ сползающихъ портокъ. Солдатъ тянулъ конецъ веревки, которой захлестнули морду кобылки, — задиралъ

ей кверху голову, раскрывалъ ротъ, въ который веревка была пропущена. Никитка вытащилъ на-сторону и крѣпко держалъ голой рукой ея розовый, слюнявый, все выскальзывающій языкъ. А Липать, держа въ рукѣ короткую желѣзную палку, острую по краямъ и съ желобкомъ на концѣ, глядѣлъ на бѣлые крупные зубы и внушительно говорилъ:

— Держите крѣпче. Теперь гляньте на вонъ энтогъ желтый зубъ. Этогъ зубъ называется, по старому преданію, вредный зубъ, онъ называется — сухой зубъ. Тутъ весна, самые корма, самый нагуль скотинѣ, а лошадь отъ этого зуба щеки проѣдаетъ, ворочать языкомъ ей нельзя, и бываетъ зараженіе. Не догляди, не сломай во-время — она будетъ какъ шальная ходить, и жизненности въ ней никакой не будетъ.

Потомъ онъ сразу, со всего своего роста, рухнулъ бокомъ на плечо кобылки, сунулъ ей въ ротъ желѣзную палку, поймалъ нужный зубъ желобкомъ и съ трескомъ сталъ выворачивать. Кобылка забила, заметалась, разбрасывая во всѣ стороны мерзлую землю, мерзлый пометъ и солому изъ-подъ своихъ блестящихъ подковъ. Работники тоже бились, тяжело дышали и надувались, сдерживая ее. У старика опять показалось голое тѣло.

Обливъ кровью руки и солому, Липать поднялся, сдвинувъ шапку съ потнаго лба и твердо сказалъ октавой:

— Шабашъ. Благодареніе Богу.

Кобылку отпустили, распутали. Она долго лежала, вся дрожа. Потомъ разомъ рванулась, чуть не упала, вскакивая, но справилась и, вскочивъ, легко побѣжала

въ денникъ. Тамъ она крѣпко встряхнулась, какъ собака, выскочившая изъ воды.

— Святъ, святъ, святъ! — сказалъ Липать, не спуская съ нея блестящихъ, радующихся ея силѣ, молодости и красотѣ глазъ. — На доброе здоровьице!

Но сейчасъ же и нахмурился. И, вытирая окровавленные пальцы о завернутую полу, сурово сталъ приказывать подтянувшемуся солдату:

— А вороному меринку надобно лѣкарству составить. Я составлю. Вели принести шесть горстей муки пшеничной. Этой мукой ты обязанъ шесть день посыпать ему рѣзку. Для припорціи нынче самъ посыплю, покажу. А въ мукѣ этой будетъ семибратская кровь и кониный хининъ. Посля шести день кровя у него зачнутъ расходиться, внутренность очишшатся, и зачнетъ онъ какъ ото сна отходить, будетъ опять полноту имѣть и даже грудь зачнетъ наливать. Къ Егорию не узнаешь — не нарадуешься. А если бы его такъ кинуть, безо всякаго вниманія, сейчасъ онъ сохнуть зачнетъ, дрянъ носомъ кинется, и онъ даже можетъ другихъ заразить. . .

Потомъ онъ отдыхалъ — передъ тѣмъ, какъ итти осматривать прочую скотину. Весь день онъ будетъ наслаждаться своей кровной близостью къ ней, къ тайникамъ и силамъ природы. Сидя возлѣ конюшни на телѣжномъ ящикѣ, онъ глядѣлъ на бѣлый дворъ, бѣлый садъ и бѣлыя крыши. За облаками уже много свѣта — и эта весенняя бѣлизна и безъ солнца слѣпить.

Анакапри. 15. III. 1913.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Среди кривыхъ стволовъ, среди вѣтвей корявыхъ
Ползеть молочный дымъ: окуриваютъ садъ.
Всѣ яблони въ цвѣту — и вотъ, въ зеленыхъ травахъ,
Огни, какъ языки, краснѣютъ и дрожатъ.

Безцвѣтный западъ чистъ — жди къ полночи мороза.
И соловьи всю ночь поютъ изъ теплыхъ гнѣздъ
Въ дурманѣ голубомъ дымящаго навоза,
Въ серебряной пыли туманно-яркихъ звѣздъ.

2. III. 13

МАТРОСЪ

Ночью въ морѣ крѣпко спать хотѣлось,
Измотало зыбью нашу барку,
На носу — угодника Николу,
На кормѣ — малиновый фонарикъ.

А пришли къ Патрасу — разсвѣтаетъ,
Море заштилъло, зеленѣетъ,
На востокъ, свѣтломъ, апельсинномъ,
Розовѣютъ снѣговья горы.

У кого есть деньги, тотъ въ кофейнѣ,
Пьетъ мастику или чай съ лимономъ —
Э, успѣю выспаться! Скорѣе
Дай мнѣ сыру и вина покрѣпче!

Сладко ослабѣю, сытый, пьяный,
Забурлю кальяномъ, а хозяинъ
Будетъ усмѣхаться — и отъ смѣха
Носъ его короткій станетъ клювомъ.

8. III. 13

МАЧЕХА

У меня, сироты, была мачеха злая.
Въ избу пустую ночью пришла я:

Въ темные лѣсы гнала меня мати
Жито сырое молоть, просѣвати.

Много смолола я — куры не пѣли,
Слышу — дверные крюки заскрипѣли,

Глянула — вижу желѣзные роги,
Черную Мати, косматые ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати къ вѣнцу да на муку,

За темные лѣсы, за синіе боры,
За быстрыя рѣки, за бѣлыя горы.

Ой, да я лѣсы прошла со свѣчами,
Въ плынь я плыла по рѣкамъ со слезами,

Въ трубы по бѣлымъ горамъ я трубила:
Слушайте, люди, кого я любила!

НЕВѢСТКА

Свекровь-госпожа въ терему до полдѣнь заспалась:
Спи, рѣдная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я въ бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладкомъ корню развела.

И черень и смолень зеленый за теремомъ боръ.
Сынокъ твой воротится, сыщеть подь лавкой топоръ:
«Сынокъ, не буди меня: клонить старуху ко сну.
Сруби мнѣ два дерева — ель да рудую сосну.»

Инъ, ель на постель, а сосну? — «А ее на кровать:
На бархатъ смольномъ въ гробу золотомъ почивать,
На хвоѣ примятой княгиню положите вы,
Съ болотною мятой округъ восковой головы. . .»

Ужъ какъ же я буду за церковью выть, голосить!
Ужъ какъ же я выйду на-ранѣ покосы косить!
Въ коралль, въ костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, замотаюсь въ бору!

20. VIII. 18

МУШКЕТЪ

Видѣлъ сонъ Мушкетъ:
Видѣлъ онъ азовскія подолья,
На бурьянѣ, на татаркахъ — алый цвѣтъ,
А въ бурьянѣ — ржавыхъ копій колья.

Чортъ повиль въ жгуты,
Засушилъ въ крови казачьи чубы.
Эхъ, Мушкетъ! А что же дѣлалъ ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый братъ
Въ Цареградѣ былъ посаженъ на-коль.
Братъ зоветъ Мушкета въ Цареградъ —
И Мушкетъ проснулся и заплакалъ.

Всталъ, жену убилъ,
Сонныхъ зарубилъ своихъ малютокъ,
И пошелъ въ туретчину, и былъ
Въ Цареградѣ черезъ сорокъ сутокъ.

И турецкій ханъ
Отрубилъ ему башку съдую,
И швырнули ту башку въ лиманъ,
И плыла она, качаясь, въ даль морскую.

И глядѣла въ высь, —
Къ Господу глаза ея глядѣли.
И Господь отвѣтилъ: «Не журишь,
Не тужи, Мушкетъ, — тебя отпѣли.»

VIII. 13

ВЕНЕЦІЯ

Восемь лѣтъ въ Венеціи я не былъ...
Всякій разъ, когда вокзалъ минуешь
И на пристань выйдешь, удивляетъ
Тишина Венеціи, пьянѣешь
Отъ морского воздуха каналовъ.
Эти лодки, барки, маслянистый
Блескъ воды, огнями озаренной,
А за нею низкій рядъ фасадовъ
Какъ бы изъ слоновой грязной кости,
А надъ ними синій южный вечеръ,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, —
Радостно все это было видѣть!

Восемь лѣтъ... Я спалъ въ давно знакомой
Низкой, старой комнатѣ, подъ бѣлымъ
Потолкомъ, расписанномъ цвѣтами.
Утромъ слышу, — колоколь: и звонко
И пѣвуче, но не къ намъ взываетъ
Этотъ чистый одинокій голосъ,
Голосъ давней жизни, отъ которой
Только красота одна осталась!
Утромъ косо розовое солнце

Заглянуло въ узкій переулокъ,
Озаря отблескомъ отъ дома,
Отъ стѣны напротивъ — и опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутилъ, увидѣвши надъ крышей,
Надъ бѣльемъ, что по вѣтру трепалось,
Облаковъ сиреневые клочья
Въ жидкомъ, влажно-бирюзовомъ небѣ.
А потомъ на крышу прибѣжала
И бѣлье снимала, напѣвая,
Дѣвушка съ раскрытой головою,
Стройная и тонкая. . . Я вспомнилъ
Капри, Граціэллу Ламартина. . .
Восемь лѣтъ назадъ я былъ моложе,
Но не сердцемъ, нѣтъ, совсѣмъ не сердцемъ!

Въ полдень, возлѣ Марка, что казался
Патріархомъ Сиріи и Смирны,
Солнце, улыбаясь въ свѣтлой дымкѣ,
Перламутромъ розовымъ слѣпило.
Солнце пригрѣвало стѣны Дожей,
Площадь и воркующихъ, кипящихъ
Сизыхъ голубей, клевавшихъ зерна
Подъ ногами щедрыхъ форестьеровъ.
Все блестѣло — шляпы, обувь, трости.
Щурились глаза, сверкали зубы,
Женщины, весну напоминая
Свѣтлыми нарядами, раскрыли
Шелковые зонтики, чтобъ шелкомъ
Озаряло лица. . . Въ галлереѣ
Я сидѣлъ, спросилъ газету, кофе
И о чемъ-то думалъ. . . Тотъ, кто молодъ,

Знаеть, что онъ любить. Мы не знаемъ —
Цѣлый міръ мы любимъ. . . И далеко,
За каналы, за лежавшій плоско
И сіявшій въ тускломъ блескѣ городъ,
За лагуны Адриі зеленой,
Въ голубой просторъ глядѣль крылатый
Левъ съ колонны. Въ ясную погоду
Онъ на югѣ видитъ Апеннины,
А на сизомъ сѣверѣ — тройныя
Волны Альпъ, мерцающихъ надъ синью
Платиной горбовъ своихъ ледяныхъ. . .

Вечеромъ — туманъ, молочно-сѣрый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленѣютъ въ немъ огни, столбами
Фонари отбрасываютъ тѣни.
Траурно Большой каналъ чернѣетъ
Въ розсыпи огней, туманно-красныхъ,
Маркъ тяжелъ и древенъ. Въ переулкахъ
Слякоть, грязь. Идутъ посерединѣ, —
Въ оперѣ какъ будто. Сладко пахнутъ
Крѣпкія сигары. И уютно
Въ свѣтлыхъ галлереяхъ — ярко блещутъ
Ихъ кафэ, витрины. Англичане
Покупаютъ кружево и книжки
Съ толстыми шершавыми листами,
Въ переплетахъ съ золоченой вязью,
Съ грубыми застежками. . . За мною
Дѣвочка пристряла — все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: «*Mi d'un soldo!*»
Долго я сидѣль потомъ въ тавернѣ,

Долго вспоминалъ ея прелестный
Жаркій взглядъ, лучистыя рѣсницы
И лохмотья. . . Можетъ быть, арабка?

Ночью, въ часъ, я вышелъ. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьядеттѣ
Камни мокры. Нѣжно пахнетъ моремъ,
Холодно и сыро вонью скользкихъ
Темныхъ переулковъ, отъ канала —
Свѣжестью арбуза. Въ свѣтломъ небѣ
Надъ пьядеттой, противъ папскихъ статуй
На фасадѣ церкви — блѣдный мѣсяцъ:
То сіяетъ, то за дымомъ таетъ,
За осенней мглой, бѣгущей съ моря.
«Не заснулъ, Энрико?» — Онъ беззвучно,
Медленно на лунный свѣтъ выводитъ
Длинный черный катафалкъ гондолы,
Чуть склоняетъ станъ — и вырастаетъ,
Стоя на кормѣ ея. . . Мы долго
Плыли въ узкихъ коридорахъ улицъ,
Между стѣнъ высокихъ и тяжелыхъ. . .

Въ этихъ коридорахъ — баржи съ лѣсомъ,
Барки съ солью: стали и ночуютъ.
Подъ стѣнами — сваи и ступени,
Въ плесени и слизи. Сверху — небо,
Лента неба въ мелкихъ блѣдныхъ звѣздахъ. . .
Въ полночь спитъ Венеція, — быть можетъ,
Лишь въ притонахъ для воровъ и пьяницъ,
За вокзаломъ, свѣтятъ щели въ ставняхъ,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохотъ, споры и удары

По столамъ и столикамъ, залитымъ
Марсалай и вермутомъ... Есть прелесть
Въ этой поздней, въ этой чадной жизни
Пьяницъ, проститутокъ и матросовъ!
«Но amato, amo, Desdemona»,
Говорить Энрико, напѣвая,
И, быть можетъ, слышитъ эту пѣсню
Кто-нибудь вотъ въ этомъ темномъ домѣ —
Та душа, что любить... За оградой
Вижу садикъ; въ чистомъ небосклонѣ —
Голыя, прозрачныя деревья,
И стекломъ блестятъ они, и пахнетъ
Садъ виномъ и медомъ... Этотъ винный
Запахъ листьевъ тоньше, чѣмъ весенній!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знаетъ счастья — видѣтъ
Слезы на рѣсницахъ Дездемоны,
Любящей другого...

Вотъ и свѣтлый
Выходъ въ небо, въ лунный, блескъ и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный мѣсяцъ,
Переливъ зеркальныхъ водъ и тонкій
Голубой туманъ, въ которомъ сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!
Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млѣющаго взморья
И огни чуть виднаго экспресса,
Золотой бѣгущіе цѣпочкой
По лагунамъ къ югу!

30. VIII. 13

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду въ оливковомъ лѣсу.
Вижу въ небѣ бѣлый, ясный мѣсяцъ,
Въ сердцѣ радость мирную несу.

Свѣтъ и тѣнь по мнѣ проходятъ свѣтлю.
Рѣдкій лѣсъ похожъ на сѣрый садъ.
Надъ горой далекой и высокой
Двѣ звѣзды полночныя лежатъ.

Вотъ и дома. Бѣлый, ясный мѣсяцъ —
Противъ бѣлой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звонъ цикады журчитъ среди камней.

4. IX. 13

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА

Опять знакомый домъ. . .

Огаревъ.

Могильная плита, желѣзная доска,
Въ густой травѣ врастающая въ землю, —
И мнѣ печаль могиль понятна и близка,
И я роднымъ преданьямъ внемлю.
И я «люблю людей, которыхъ больше нѣтъ»,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Послѣдній ихъ побѣгъ, я не забылъ ихъ слѣдъ
Подъ старой, обветшалою часовней.
Я молодымъ себя, въ своемъ простомъ быту,
На бѣдномъ ихъ погостѣ вспоминаю.
Послѣдній ихъ побѣгъ, подѣ эту же плиту
Приду я лечь — и тихо лягу — съ краю.

6. IX. 13

МАГОМЕТЪ И САФІЯ

Сафія, проснувшись, заплететъ ловкой
Голубой рукою пряди черныхъ косъ:
«Всѣ меня ругаютъ, Магометъ, жидовкой»,
Говоритъ сквозь слезы, не стирая слезъ.

Магометъ, съ усмѣшкой и любовью глядя,
Отвѣчаетъ кротко: «Ты скажи имъ, другъ:
Авраамъ — отецъ мой, Моисей — мой дядя,
Магометъ — супругъ.»

24. III. 14

Плакала ночью вдова:

Нѣжно любила ребенка, но умеръ ребенокъ.

Плакалъ и старецъ-сосѣдъ, прижимая къ глазамъ

рукава,

Звѣзды свѣтили, и плакалъ въ закутѣ козленокъ.

Плакала мать по ночамъ.

Плачущій ночью къ слезамъ побуждаетъ другого:

Звѣзды слезами текутъ съ небосклона ночного,

Плачетъ Господь, рукава прижимая къ очамъ.

24. III. 14

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Послѣднее свиданіе	7
Всходы новые	18
Іоаннъ Рыдалецъ	28
Жертва	36
Оброкъ	42
Лирникъ Родіонъ	71
Ермилъ	82
Князь во князьяхъ	99
Послѣдній день	113
Забота	123
Будни	130
Личарда	143
Копье Господне	154
Пыль	163
Сказка	169
Хорошихъ кровей	178
Стихотворенія	187

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. O.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгій:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON